
издательский дом «дейч»

МИР
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ГЕРОЕВ

Коллекция
«Фантастика»

Об авторе

Клиффорд Дональд Саймак (1904—1988) — один из ведущих писателей золотого века англоязычной научной фантастики. Его излюбленные темы — контакт с «братьями по разуму», гармоничное слияние представителей разных цивилизаций. Оптимистичный стиль Саймака лиричен, пасторален и проникнут гуманизмом. Примечательно, что в Советском Союзе многие его произведения печатались с измененными названиями — из-за присутствия в названиях библейских цитат.

Саймак родился в городе Милвилл, штат Висконсин, — впоследствии этот город фигурирует во многих его произведениях. Учился в университете Висконсина, но не окончил его. Работал в газетах — в частности, редактором отдела новостей в «Minneapolis Star and Tribune» в Миннеаполисе, где прожил всю жизнь.

Мировую известность Саймаку принес роман «Город» (1951; Международная премия по фантастике 1952; первая публикация в нашей стране — 1974). В романах «Вся плоть — трава» [All Flesh Is Grass] (1965, в русском варианте — «Все живое», 1968) и «Заповедник гоблинов» (1968; в СССР впервые опубликован в 1971 году) главная тема — контакт с иными мирами, с инопланетянами, с космическим сверхразумом.

Творчество Саймака-рассказчика отличается вниманием к личности и психологии человека, постоянным переплетением естественно-научных и философских, библейских тем. Один из самых запоминающихся в научной фантастике «звездных ковчегов» описан в рассказе «Поколение, достигшее цели» (1953; первая публикация в СССР — 1965).

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мэри Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мэри, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной.

Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился, и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, упершись руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами у них была теперь стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов: здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь ели необходимое количество пищи — не больше и не меньше; пили необходимое количество воды — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертер, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертеру на пользу товарищам, сполна вернет все, что взял от общества, заплатит свой последний долг — даст право Джону и Мэри иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка, — думал Джон, стоя среди обломков, — нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал его давно умерший отец, которому он поклялся и теперь должен сдержать клятву. И еще одно завещал ему отец: беспокойное ощущение того, что закон несправедлив.

Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». А это, возможно, и есть крайняя необходимость, сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон, — сказала Мэри, — это был Грохот. Теперь скоро Конец.

— Не знаю, — ответил Джон. — Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят... — начала Мэри, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом:

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное слово вечно и неизменно. Оно не забывает и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят, — продолжала Мэри, — что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся в черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? — подумал Джон. — Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?»

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, — не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно, ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре послышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мэри. — Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

Почему я не подумал об этом раньше, спросил он себя. Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть, подумал он, так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...

— Иду, Джо, — сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертер, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Люди молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убирали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, — снимали лестницы.

Мэри Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это получилось, что каждая Священная Картина немного отличается от других. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было Дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мэри ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

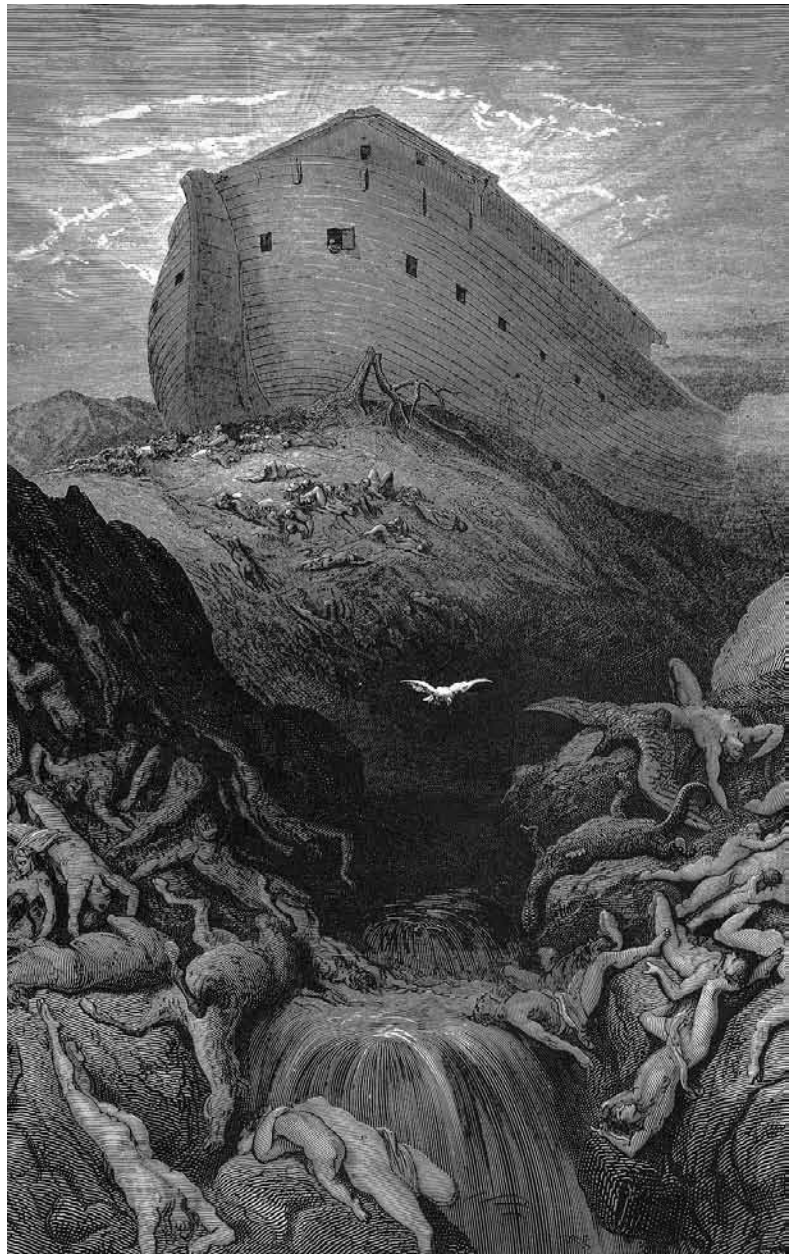
Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех счастливцев или неудачников, у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

Но большинство из них, думал Джон, медленно шагая вперед, всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо с их нескончаемыми шахматными партиями и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет, спросил он себя. Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели только редкие лампочки. В течение многих лет лампочки из коридоров перемещали в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал: а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, хотя и знал, что никто не станет; но все-таки вдруг кто-то появится — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел, к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. Да, это и есть тот случай, подумал он, случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай.

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскроет его, все будет кончено. Больше не будут передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а концом

будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения истины, которое к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта человека не умерла где-то среди далеких звезд.

В то время, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это

будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой, что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначить... назначение...»

«Назначение (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направляется. Придет день, когда он достигнет цели. И конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно поверить. Ведь движется не Корабль, а звезды. Должно быть какое-то другое объяснение, подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под личиной доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется, и когда он туда прибудет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл, Джон посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

Мой любимый к звездам уплыл,
Он не скоро вернется назад...

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять, — ответил Джон. — Далеко — на центральные этажи. Там все наоборот. Теперь они наверху, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались, — заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Джо и вернулся к игре.

Конец, подумал Джон. И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль, или деньги, или звезды.

— Сегодня мы собираемся, — сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? — спросил он себя. — А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он отыскал свою каюту и вошел. Мэри лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

— Наконец-то, — произнесла она.

— Я прогуливался, — сказал Джон.

— Ты прогулял обед, — заметила Мэри. — Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мэри зевнула.

— День был утомительный, — сказала она. — Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что

в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно следить за собой, подумал он. Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю, — сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но каков будет этот Конец, остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), и все эти символические образы снабжены названиями: Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мэри, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что это все — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось, — думал он, — чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх дном — и все же это к лучшему».

А вдруг в конце концов правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем он мог бы поговорить. Даже с Мэри не мог. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда были в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чуточку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мэри.

— Конечно, — ответил Джон. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что сказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — сказал Джон, — действительно большое утешение.

Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты остаешься здесь?

Она наклонилась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания, — сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хромал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другом.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать, — он спокойно улыбнулся. — Немного мне теперь осталось. Вам с Мэри не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно, — сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон, — сказал Джон. — Ни я, ни вы, ни Мэри тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем поспели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, — сказал Джошуа. — Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон, — сказал Джон, — я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас, — сказал Джошуа, — когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не пострадает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай, — сказал Джошуа. — Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам, — продолжал Джошуа. — А внутри у них — ролики. И, когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано, — сказал Джон. — Корабль...

— Чтобы закон был справедлив, — продолжал Джошуа, — он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать, — сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону, до тех пор пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят. «Все, что ни случается, к лучшему», — он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения. Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов, — разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но, если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах,

а огурцы — на других. На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель. И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал, — сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал, — ответил Джошуа. — Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает, — сказал Джон.

— В том-то и беда, — сказал старик. — Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать, — сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить, — сказал старик. — Зачем-то ты все же ко мне пришел.

— Теперь это неважно, — сказал Джон. — Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянущихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И кроме правды есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мэри и встал рядом с ней. Она взяла его за руку и улыбнулась.

— Ты опоздал, — прошептала она.

— Виноват, — отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, — своего друга Джо Грега и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, и Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мэри пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мэри, она сказала, что Вера — большое утешение. И это было правда. Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

А им нужно утешение, подумал он. Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему.

«...Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

Вот оно, подумал Джон. Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты и защищены от

вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения? И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

Он как Джошуа, сказал он себе. Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения.

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. Где же такое место, подумал он. А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мэри в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих темных ночах, когда рядом с ним была Мэри.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

Что же мне делать, спросил он себя. По какой дороге идти? Что значит Конец?

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме:

дверь с циферблатом посередине. «Сейф», — было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве, при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, — остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое. Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

Нет, возразил он сам себе, не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения.

И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот наконец результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатель. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка.

Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Fig. 11. N°. 1

Fig. 10. N°. 2

Fig. 10. N°. 1.

Fig. 9.

Fig. 11. N°. 2.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было мерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — не с самого солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

Не может быть, сказал он себе. Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше, чем случайный факт. Меньше, чем ничто. Шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд.

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

Знания хранятся там, подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупицы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя на себе гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — сказал Джон.

— Ты уже три дня «так, гуляешь», — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать, — сказал Джон. — Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями, — сказал Джо. — У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был

человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — человек набожный, примерный.

Он покачал головой.

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

Но, если бы он узнал, подумал Джон, он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси. Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем, — решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь, — сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, о книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертер. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали на это не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, они были уверены: что ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

Младенцы, подумал Джон. Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают.

Было сказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но, когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той Солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, — если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспосабливался. Он все помнил, даже если его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

И я, сказал себе Джон Хофф, я и есть этот человек.

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он думал о других людях. О Джо, и Хербе, и Джордже, и обо всех остальных — и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужны более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута,

так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука — твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: «Рубка управления», на другом: «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был не тяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать, — и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубу, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, вгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все правильно. И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, — специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал.

Джон нашел конвертер и удивился, как он мог быть в запертом помещении, ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертер имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад и вперед и глядя на чертежи, и думал: если мне были нужны еще доказательства, то вот они.

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были утешением. И Вера тоже. Она тоже

была утешением. Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверен ным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книги! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его как неприличное слово. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо... — сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать, — сказал Джо. — Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец.

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря. Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя расточать. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мэри, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру.

Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу, скорчившись, и в голове у него билась мысль: я убил Джо, своего друга.

Но это был не Джо. Это был не мальчишка, с которым он вырос. Это был не человек, сидевший против него по ту сторону шахматной доски. Это был не Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписаные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

Правда, сказал он себе, он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам.

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке ему было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, Если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Самое понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертер, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертеру — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его опять затошнило, и в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо всех других, кто передавал его, совершая преступление ради истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению.

Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярко горели огни, и раздавались жужжание и повизгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

Я должен от него избавиться, с горечью подумал Джон Хофф. Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!

Джон нашел люк конвертера, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертера и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжкое бремя все равно оставалось навсегда, подумал он. Навсегда.

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, малый?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа.

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг, — сказал Джошуа. — Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул.

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Так же неправильно обрекать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю, — ответил Джон. — Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, Джон. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкают, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

А ведь я знал, подумал Джон. Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого.

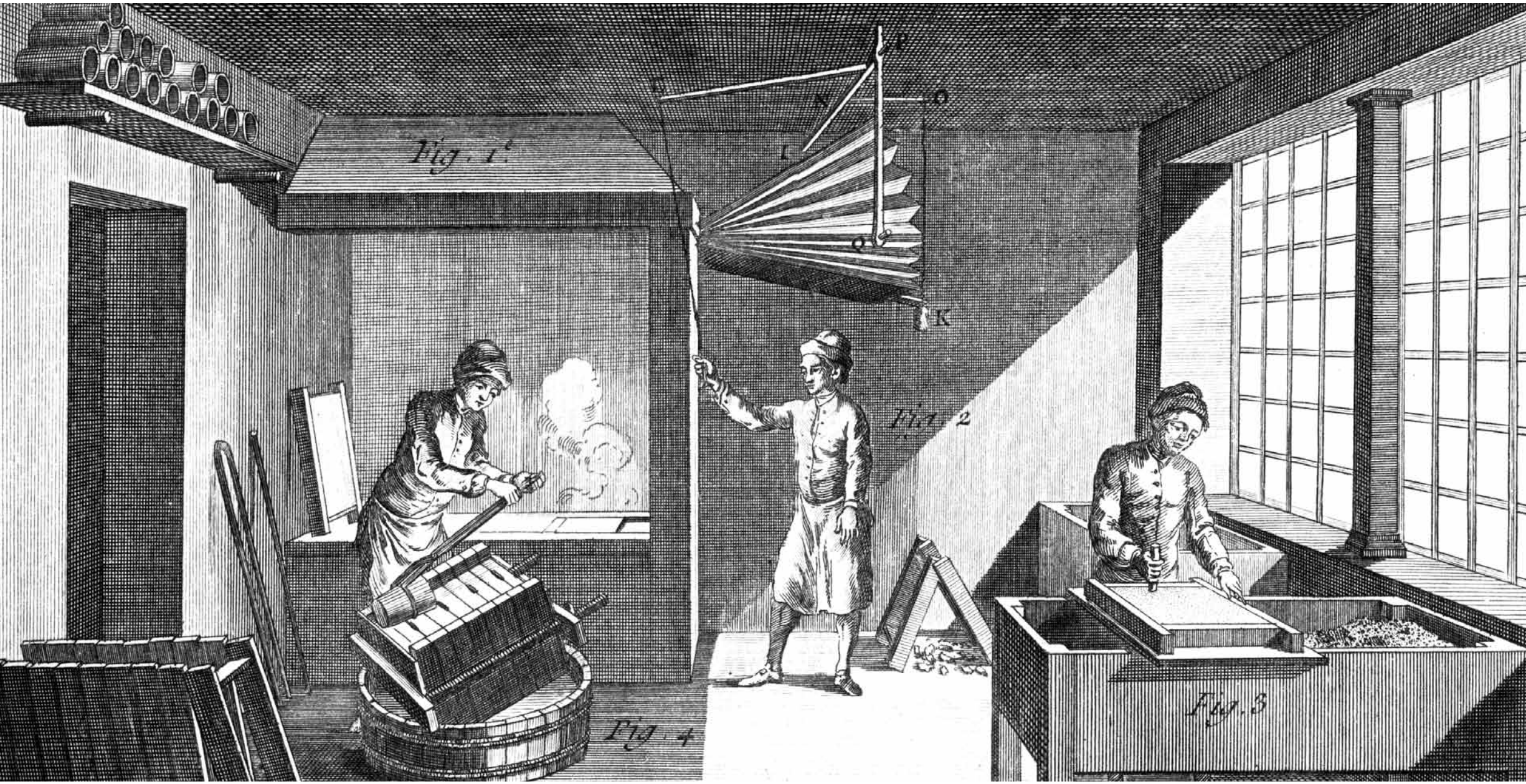
Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: а что мы должны делать?

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот». Медленно забрался

Fig. 1.
N
O
K
Fig. 2
Fig. 3
Fig. 4

в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, свыкнуться с мыслью, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда, — сказал Джошуа. — Вот эта, большая, налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячи лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станется с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было не все равно, были те люди на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок, циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

Бесполезно, сказал он себе. Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем.

— Я не сумею это сделать, Джошуа, — простонал он. — Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там были бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные, и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем — это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на

два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

— Разбираешься? — спросил Джошуа.

Джон покачал головой.

— Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на солнце. Проскочить мимо солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения — сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

— Мы долго здесь пробудем, — сказал Джошуа.

Джон кивнул.

— Да, пожалуй. Это займет много времени.

— Тогда, — сказал старик, — я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

— А Мэри? — спросил он.

Джон покачал головой.

— Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

— У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его:

— Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

— Пожалуй, ты прав, — сказал старик. — Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на солнце. Он пройдет близко — слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет

такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием солнца, и он будет летать по орбите — по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на солнце. Пока Корабль не повернет обратно к солнцу, Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал. И Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того воцарения Невежества, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты, — если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еду. Джон зашагал по помещению, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мэри, но не нашел.

Толпа рвалась вперед. На их лицах были злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходившая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко, — подумал он, — говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

— Джо пропал, — сказал Херб. — Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви, — насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь, — сказал Джон, — в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. Но вот теперь я могу доказать вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная специально для нас, а вы уже готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход, — сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак, — сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его, — ответил Херб.

— Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом:

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова уставился на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и рассчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, — вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так: нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — «автоматический». Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще — с надписью «орбита», и еще — «приземление».

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль.

Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно. Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысячи атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять уселся ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мэри. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мэри внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мэри, — сказал он. Горло его сжалось, он задыхался. — Мэри.

— Я должна была прийти, — сказала она, плача. — Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал, — к лучшему, — ответил он. — Это была часть плана, Мэри. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди на Земле все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик, — сказала она. — Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе его голову.

— Мне все равно, — сказала она. — Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помогать тебе. Их было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

Культура разбилась вдребезги, подумал он. За какие-то часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть.

— Они боятся, — сказал он. — Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше, — сказала Мэри. — Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

— Вот еда, — сказала она, — и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя, — сказал он. — Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас, — сказал он. — Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мэри и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно», — было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных других вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мэри. — Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

Она права, подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем крова и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

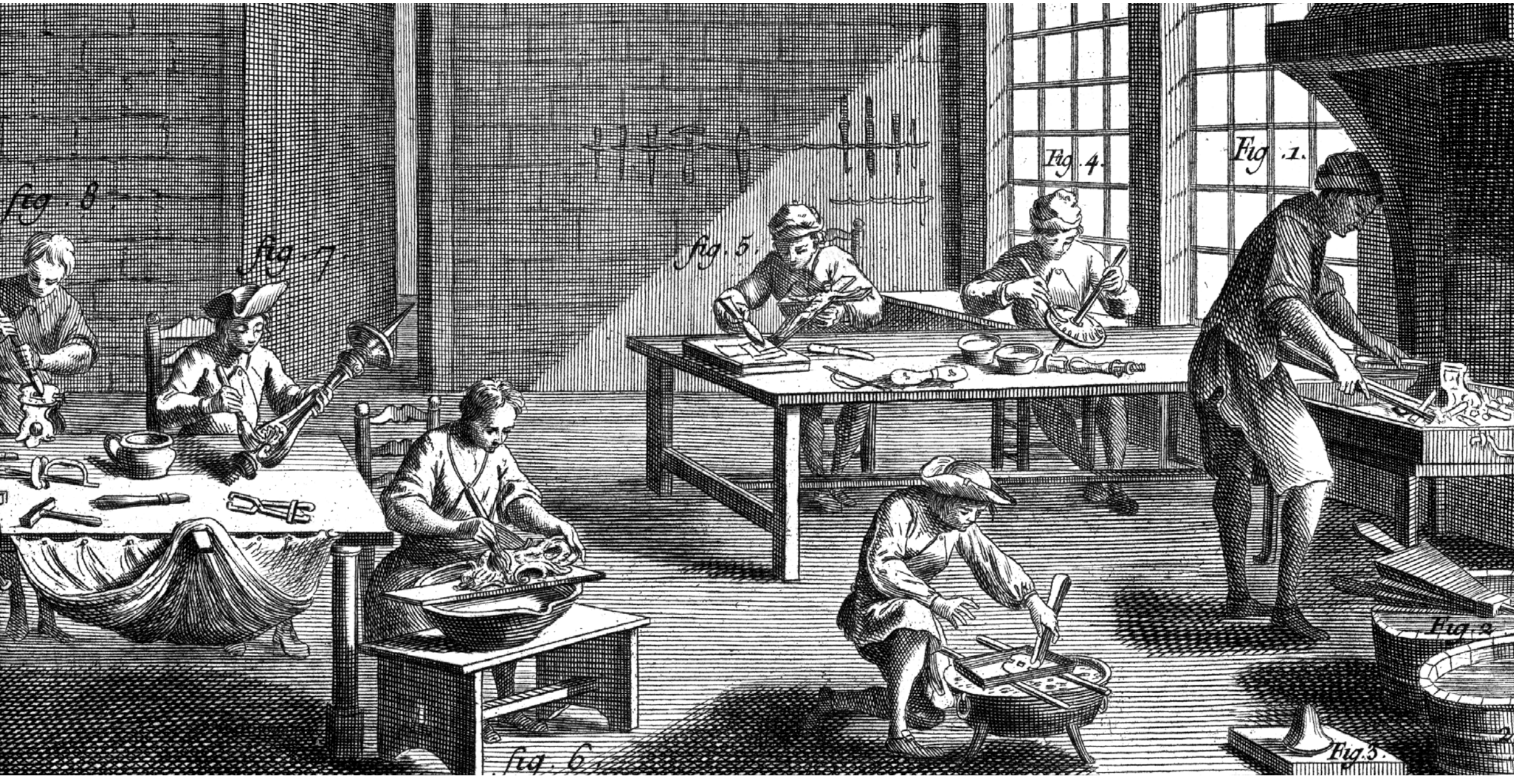
Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мэри спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

fig. 8.
fig. 7.
fig. 5.
Fig. 4.
Fig. 1.
Fig. 2.
Fig. 6.
Fig. 3.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но, чтобы начать, нужно... — Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. — Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

«Я надеялся, что все кончилось, — подумал он с горечью, — а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И, что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«Инструкция. Выполнить после посадки». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле, — сказал он. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — только так люди могли перенести полет. Они предусмотрели ересь, чтобы сохранить знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их расчет в любой момент опережал события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас с Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластинка. — Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мэри за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все, до последнего действия. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон...

— Да?

— А теперь мы сможем иметь детей?

— Да, — ответил Джон. — Мы теперь сможем иметь детей. Каждый, кто захочет. На Корабле нас было так много. На этой планете нас будет мало.

— Место есть, — сказала Мэри. — Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мэри прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страх многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой, — сказал он. — Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные защиты.

Но, когда наступит этот миг, он будет знать, что делать. Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

1

Когда я выехал из нашего городишка и повернул на шоссе, позади оказался грузовик. Этакая тяжелая громадина с прицепом, и неслась она во весь дух. Шоссе здесь срезает угол городка, и скорость разрешается не больше сорока пяти миль в час, но в такую рань, понятно, никто не станет обращать внимание на дорожные знаки.

Впрочем я тотчас забыл о грузовике. Примерно через милю, у «Стоянки Джонни», надо было подобрать Элфа Питерсона; он, наверно, уже ждал меня там со своей рыболовной снастью. Было и еще о чем подумать: прежде всего загадочный телефон; и с кем я все-таки говорил? Три разных голоса, но все какие-то странные, и почему-то казалось — это один и тот же голос так чудно меняется, он мне даже знаком, только никак не сообразить, кто же это. Затем Джералд Шервуд — как он сидит у себя в кабинете, где две стены сплошь заставлены книгами, и рассказывает мне о рабочих чертежах, что непрошеные, сами собой, возникают у него в голове. И еще Шкалик Грант — как он меня заклинал не допустить, чтобы сбросили бомбу. И про полторы тысячи долларов тоже следовало подумать.

Дорога вела прямо к владениям Шервуда, но дом его на вершине холма было не разглядеть, он совсем терялся среди

вековых дубов, которые обступали его со всех сторон, огромные и черные в предрассветной мгле. Глядя на вершину холма, я позабыл и про телефон, и про Джералда Шервуда, его заставленный книгами кабинет и голову, битком набитую проектами, и стал думать о Нэнси — мы когда-то вместе учились в школе и вот снова встретились после стольких лет. Мне вспомнились те дни, когда мы с ней были неразлучны и всюду ходили, взявшись за руки, неповторимо гордые и счастливые, — так бывает только раз в жизни, в юности, когда весь мир молод и первая безоглядная любовь ошеломляет свежестью и новизной.

Передо мною лежало широкое пустынное шоссе, рассчитанное на езду в четыре ряда, миль через двадцать оно сузится до двухрядного. Сейчас на нем только и было, что моя машина да тот грузовик, он мчал полным ходом. По отражению его фар в моем зеркальце я понимал, что он вот-вот меня обгонит.

Я ехал не быстро, места для обгона было вдоволь, наткнуться не на что — и вдруг я на что-то наткнулся.

Словно уперся в протянутую поперек дороги полосу очень прочной резины. Ни стука, ни треска. Просто машина стала замедлять ход, как будто я нажал на тормоза. Ничего не было видно, и я сперва подумал: что-то стряслось с машиной — мотор забарахлил, тормоз отказал или еще что-нибудь неладно. Я снял ногу с педали, и машина остановилась, а потом стала пятиться — быстрей, быстрей, точно я и впрямь уткнулся в упругую ленту, и она прогнулась, а теперь расправляется. Завизжали покрышки, запахло резиной; тогда я выключил мотор — и тотчас машину отбросило назад, да так, что меня швырнуло на баранку.

Позади яростно взревел клаксон, стоном заскрипели шины, грузовик круто вильнул в сторону, чтобы не напороться на меня. Он со свистом пронесся мимо, казалось, шины смачно

причмокивают, всасывая в себя шоссе, и огромная махина свирепо рычит на меня, как на досадную помеху. Он промчался, а моя машина наконец остановилась на самой обочине.

И тут грузовик налетел на тот же заслон, что и я. Послышалось что-то вроде негромкого всплеска. Я подумал — пожалуй, грузовик прорвет эту непонятную преграду, уж очень он был большой, тяжелый и гнал во всю мочь, и еще секунду-другую ничуть не сбавлял скорость. А потом он все-таки стал замедлять ход, и я видел: огромные колеса скользят и подскакивают, упрямо вертятся вхолостую — и нисколько не продвигаются вперед. Тяжелая машина пролетела дальше того места, где сперва остановился я, футов на сто. Потом остановилась, забуксовала и начала скользить назад. Сперва плавно, только покрышки визжали, сползая по асфальту, а потом ее занесло. Прицеп вывернулся вбок и стал пятиться поперек дороги, прямо на меня.

Все это время я преспокойно сидел за рулем, не ошарашенный случившимся, даже не слишком удивленный. Просто не успел удивиться. Да, конечно, произошло что-то странное, но, видно, ощущение у меня было такое: вот сейчас соберусь с мыслями — и все станет на свое место.

Итак, я сидел и смотрел, что творится с грузовиком. Но когда его стало отжимать назад, а прицеп занесло вбок, я схватился за ручку, наддал плечом на дверцу и вывалился из машины. Треснулся об асфальт, кое-как вскочил и кинулся бежать.

Позади раздались визг покрышек, металлический грохот и лязг — тут я соскочил на поросшую травой обочину и оглянулся. Прицеп врезался в мою машину, свалил ее в канаву и теперь медленно, чуть ли не величественно опрокидывался туда же, прямо на нее.

— Эй, ты! — заорал я.

Толку, понятно, никакого, да я и не ждал толку. Просто сорвалось с языка.

Грузовик удержался на дороге, только накренился так, что одно колесо повисло в воздухе. Из кабины осторожно выбирался водитель.

Вокруг было тихо, мирно. На западе по еще темному небосклону метались зарницы. В воздухе та свежесть, что бывает только ранним летним утром, пока не взошло солнце и на тебя не обрушилась жара. Справа на улице еще горели фонари — яркие, неподвижные в полнейшем безветрии. Чудесное утро, подумал я, в такое утро просто не может случиться ничего худого.

На шоссе по-прежнему было пусто — только я да водитель грузовика, его машина наполовину сползла в канаву, придавив мою. Он направился ко мне.

Подошел, остановился, свесив руки, поглядел на меня круглыми глазами.

— Что за чертовщина? — сказал он. — На что это мы напоролись?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Вашей машине досталось, уж не взыщите, — продолжал он. — Я доложу, как было дело. Убытки вам возместят.

Он стоял передо мной, точно в землю врос и никогда уже не сдвинется.

— Надо же — споткнуться о пустое место! Тут же ничего нет! — сказал он. В нем разгоралась злость. — Нет, черт подери, сейчас я докопаюсь, что там такое!

Он круто повернулся и зашагал туда, где мы налетели на невидимое препятствие. Я пошел за ним. Он глухо ворчал, точно разъяренный кабан.

Шагая по самой середине шоссе, он наткнулся на ту же невидимую преграду, но теперь он уже себя не помнил от бешенства и не собирался отступать — он все рвался вперед, я никак не ждал, что он пройдет так далеко. Но в конце концов непонятная помеха все-таки остановила его, и секунду

он стоял, нелепо наклонясь, упираясь всем телом в пустоту, и упрямо переступал ногами: как будто работали хорошо смазанные рычаги, тщетно силясь сдвинуть его еще хоть на шаг вперед. В утренней тишине громко шаркали по асфальту тяжелые башмаки.

А потом загадочный барьер задал ему жару. Его отшвырнуло прочь — будто внезапным порывом ветра свалило с ног, и он покатился кувырком по шоссе. Наконец он влетел под задранный в небо нос своего же грузовика и там застрял.

Я подбежал к нему, выволок за ноги из-под машины и помог подняться. Он был весь в кровоточащих ссадинах — ободрало асфальтом, — одежда разорвана и перепачкана. Но злость как рукой сняло — теперь он попросту перепугался. Он с ужасом глядел на дорогу, будто ему там явилось привидение, и его била дрожь.

— Там же ничего нет! — сказал он.

— Скоро день, пойдут машины, а ваша торчит на самом ходу, — сказал я. — Может, выставим сигналы, фонари, что ли, или флажки?

Тут он словно опомнился.

— Флажки?

Залез в свою кабину, вытащил сигнальные флажки и пошел расставлять их поперек шоссе. Я шагал рядом.

Установив последний флажок, он присел на корточки, вытащил платок и стал утирать лицо.

— Где тут телефон? — спросил он. — Надо вызвать подмогу.

— Кто-нибудь должен сообразить, как снять этот барьер, — сказал я. — Скоро здесь набьется полно машин. Такая будет пробка — на несколько миль.

Он все утирал лицо. Оно было в поту и в смазке. И ссадины еще кровоточили.

— Так откуда тут позвонить? — повторил он.

— Да откуда угодно, — сказал я. — Зайдите в любой дом, к телефону всюду пустят.

А про себя подумал: ну и ну, разговариваем так, будто на дороге нет ничего необыкновенного, просто дерево упало поперек или канаву размыло.

— Послушайте, а как называется это место? Надо же им сказать, где я застрял.

— Милвилл, — сказал я.

— Вы здешний?

Я кивнул.

Он поднялся, засунул платок в карман.

— Ладно, — сказал он. — Пойду поищу телефон.

Он ждал, что я пойду с ним, но у меня была другая забота. Надо было обойти эту непонятную штуку, которая перегородила шоссе, добраться до «Стоянки Джонни» и объяснить Элфу, почему я задержался.

Я стоял и смотрел вслед водителю грузовика.

Потом повернулся и пошел в другую сторону, к тому невидимому, что останавливало машины. Оно остановило и меня — не рывком, не толчком, а мягко: словно, отнюдь не собираясь меня пропустить, предпочитало при этом сохранять учтивость и благоразумие. Я протянул руку — ничего! Я пытался нащупать невидимую стену, потереть ее, погладить — но погладить было нечего, моя ладонь ничего не ощущала, под нею ничего не было, ровным счетом ничего, — одна лишь непонятная сила, которая мягко отталкивала, отжимала меня прочь.

Я посмотрел в один конец шоссе, потом в другой — никаких машин все еще не было, но я знал, скоро они появятся. Может, расставить флажки по ту сторону барьера, чтоб встречные машины на него не напоролись? Надо же предупредить людей, раз тут неладно. Это минутное дело, поставлю их на ходу, когда буду огибать барьер, чтоб добраться до «Стоянки Джонни».

Я вернулся к грузовику, нашел в кабине два флажка, спустился с насыпи в кювет и стал взбираться на холм, думая обойти невидимый барьер по кривой, — и, описывая эту широкую кривую, снова наткнулся на преграду. Я попятился и пошел вдоль нее, все время взбираясь в гору. Это оказалось нелегко. Будь этот самый барьер обыкновенной стеной или забором, все было бы просто, но он был невидим, и я то и дело на него наталкивался. Вот таким-то способом и пришлось определять, где он: упрешься в него, вильнешь в сторону, потом опять упрешься...

Я думал, барьер вот-вот кончится или, может быть, станет потоньше. Несколько раз пытался пойти напролом, но преграда была все такой же плотной и неподатливой. Страшная мысль шевельнулась у меня в голове. И чем выше взбирался я на холм, тем настойчивей становилась эта мысль. Наверно, тогда-то я и обронил флажки.

Внизу послышался скрип буксующих колес, и я обернулся. Машина, направлявшаяся на восток, нам навстречу, уперлась в барьер — и теперь ее заносило назад и вбок, поперек шоссе. Другая машина, шедшая следом, пыталась затормозить. Но то ли тормоза отказали, то ли слишком она разогналась — и не смогла остановиться вовремя. У меня на глазах шофер круто свернул, машина съехала одним боком на траву и все-таки другим слегка задела ту, что стояла поперек. Потом наткнулась на барьер, но скорость была уже невелика, и машина мало продвинулась вглубь. Барьер медленно отжал ее назад, она уткнулась в первую машину и остановилась.

Первый шофер выбрался наружу и двинулся в обход своей машины ко второму автомобилю. И вдруг вскинул голову — видно, заметил меня. Он замахал руками, что-то закричал, но на таком расстоянии я не разобрал слов.

На нашей стороне шоссе все еще было пусто, если не считать моей машины и подмявшего ее грузовика. Странно, почему больше никто не едет на запад, мелькнуло у меня.

На холме стоял дом, почему-то я его не узнал. Не мог же я не знать хозяев, ведь я всю жизнь прожил в Милвилле, только на год уезжал в колледж, и все милвиллцы мне хорошо знакомы. Непонятно почему, на минуту у меня в голове все перепуталось. Я ничего вокруг не узнавал и стоял в растерянности, пытаясь понять, куда же меня занесло.

Восток все светлел, еще полчаса — и взойдет солнце. На западе громоздились гневные тучи, их опять и опять взмахами огненной шпаги прорезала молния: надвигалась гроза.

Я стоял и смотрел вниз, на наш городишко, и наконец понял, где я: на холме живет Билл Доневен, мусорщик.

Вдоль невидимого барьера я двинулся к дому Билла и на мгновенье усомнился — а не окажется ли он по ту сторону? Нет, скорее по эту, но впритык к барьеру.

Я дошел до забора, перелез через него и зашагал по захламленному двору к покосившемуся заднему крыльцу. Осторожно поднялся по шатким ступеням, поискал глазами звонок. Звонка не оказалось. Я постучал в дверь кулаком и стал ждать. В доме послышалось движение, дверь распахнулась — на пороге стоял Билл, он в недоумении уставился на меня. Огромный, косматый, как медведь, волосы дыбом, свирепые брови насуплены. Поверх пижамы он натянул брюки, но не успел застегнуть их, так что клок лиловой пижамы торчал наружу. Обуться он тоже не успел и стоял босой, зябко поджимая пальцы: пол в кухне был холодный.

— Что случилось, Брэд? — спросил он.

— Сам не знаю, — сказал я. — На шоссе творится что-то непонятное.

— Авария?

— Не авария. Говорю тебе, сам не знаю, что такое. Поперек дороги какой-то барьер. Его не видно, а проехать нельзя. Упрешься в него — и ни с места. Вроде как стена, только ее ни потрогать, ни нащупать нельзя.

— Входи-ка, — сказал Билл. — Выпей чашку кофе, тебе не повредит. Сейчас сварю. Все равно пора завтракать. Жена уже встает.

Он протянул руку и зажег в кухне свет, потом посторонился, давая мне пройти. Шагнул к раковине, снял с полки стакан и отвернул кран.

— Надо немного слить, а то теплая, — пояснил он. Наполнил стакан холодной водой и протянул мне: — Выпей.

— Спасибо, не хочу, — сказал я.

Билл поднес стакан к губам и стал пить большими, шумными глотками.

Где-то в доме раздался отчаянный женский вопль. Проживи я хоть до ста лет, мне его не забыть.

Доневен выронил стакан — расплескалась вода, брызнули осколки.

— Лиз! — закричал он. — Лиз, что с тобой?

Он бросился вон из кухни, а я застыл на месте, не сводя глаз с кровавых следов на полу: Доневен босыми ногами напоролся на стекло.

Опять закричала женщина, но на этот раз глуше, словно уткнулась лицом в подушку или в стену.

Я наугад прошел из кухни в столовую, споткнулся то ли о скамеечку, то ли о какую-то игрушку, пролетел до середины комнаты, изо всех сил стараясь не упасть и не грохнуться головой о стол или стул...

...и снова налетел на ту же упругую стену, что остановила меня на шоссе. Я уперся в нее, навалился на нее всем телом, кое-как выпрямился и стал посреди столовой, в полутьме, перед этой невидимой стеной; мороз продирал по коже, все внутри переворачивалось от страха.

Я больше не касался этой стены, но чувствовал: вот она, передо мной. Там, на дороге, под открытым небом я только изумлялся и недоумевал — но тут, в доме, в обычном человеческом жилище, мне стало по-настоящему жутко от этого непостижимого дьявольского наваждения.

— Дети! — кричала женщина. — Я не могу попасть к детям!

Теперь, хоть окна были занавешены, я немного осмотрелся. Разглядел стол, буфет и дверь, ведущую в коридор и дальше в спальню.

На пороге появился Доневен. Он вел жену, вернее сказать, почти нес на руках.

— Я хотела к детям! — кричала она. — Там... там что-то есть, оно меня не пускает. Я не могу пройти к детям!

Доневен посадил ее прямо на пол, прислонил к стене и осторожно опустился рядом на колени. Потом поднял голову и посмотрел на меня, в глазах у него были и растерянность, и ярость, и страх.

— Это тот самый барьер, — сказал я. — Тот, что на шоссе. Он проходит через ваш дом.

— Но я не вижу никакого барьера, — возразил Доневен.

— Его никто не видит, черт бы его побрал. Но все равно он тут.

— Как же нам быть?

— С детьми ничего не случилось, — уверил я, от души надеясь, что так оно и есть. — Просто они по ту сторону барьера. Мы не можем добраться до них, а они до нас, но с ними ничего худого не случилось.

— Я только пошла на них поглядеть, — повторяла женщина. — Встала, пошла на них поглядеть, а там в коридоре что-то есть... и оно не пускает...

— Сколько у вас детей? — спросил я.

— Двое, — ответил Доневен. — Меньшому шесть, старшему восемь.

— А нельзя кому-нибудь позвонить? Есть у вас кто-нибудь, кто живет не в самом Милвилле? Пускай приедут, возьмут детишек и позаботятся о них, пока мы тут разберемся, что

к чему. Кончается же где-нибудь эта стена. Я как раз и искал, где ей конец...

— У нее есть сестра, — кивнул Доневен на жену. — Живет от нас миль за пять, дальше по шоссе.

— Вот ты ей и позвони, — сказал я.

И тут меня как обухом по голове стукнуло: а вдруг телефон не работает? Вдруг этот окаянный барьер перерезал провода?

— Посидишь минутку одна, Лиз? — спросил Доневен.

Жена только мотнула головой; она все еще сидела на полу и даже не пыталась подняться.

— Пойду позвоню Мирт, — сказал он.

Я прошел за ним в кухню; телефон висел на стене, и, когда Билл взялся за трубку, я затаил дыхание и отчаянно взмолился про себя: только бы работал! На сей раз мои надежды не пропали втуне: едва Билл снял трубку, я услышал слабое жужжанье — линия работала.

Из столовой доносились приглушенные всхлипывания миссис Доневен.

Грубыми, корявыми пальцами, темными от несмываемой, въевшейся в кожу грязи, Доневен стал поворачивать диск, видно было, что занятие это ему не в привычку. Наконец он набрал номер.

Он ждал, прижав трубку к уху. В кухне стояла такая тишина, что я отчетливо слышал гудки.

— Это ты, Мирт? — сказал потом Доневен. — Да, это я, Билл. У нас тут вышла заварушка. Может, вы с Джейком приедете?.. Да нет, просто что-то неладно, Мирт. Не могу толком объяснить. Может, вы приедете и заберете ребят? Только идите с парадного крыльца. С черного не войти... Да вот такая чертовщина, ничего понять нельзя. Вроде какая-то стенка появилась. Мы с Лиз сидим в задних комнатах, а в передние пройти не можем. А ребятишки там... Нет, Мирт, я и сам не знаю, что это такое. Только ты уж делай, как я говорю.

Детишки там одни, и нам до них никак не добраться... Ну да, так весь дом и перегородило. Скажи Джейку, пускай прихватит с собой топор. Эта штука перегородила дом напополам. Парадная дверь на запоре, придется Джейку ее ломать. Или пускай окно выбьет, может, это проще... Ну да, ну да, я прекрасно понимаю, что говорю. А ты давай не спорь. Что угодно ломайте, только вытащите ребят. Ничего я не спятил. Говорят тебе, тут что-то неладно. Что-то стряслось неладное. Ты знай слушай, Мирт, и делай, что говорят... Да плевать на дверь, ломайте ее к чертям. Так ли, эдак ли, только вытащите малышей и приглядите за ними, пока мы тут торчим.

Он повесил трубку и обернулся ко мне. Рукавом утер взмокший лоб.

— Вот бестолочь, — сказал он. — Спорит и спорит. Лишь бы языком трепать...— он поглядел на меня.— Ну, дальше что?

— Пойдем вдоль барьера, — сказал я. — Посмотрим, докуда он тянется. Глядишь, и отыщем такое место, где его можно обойти. Тогда и доберемся до ваших малышей.

— Пошли.

Я махнул в сторону столовой:

— А жену одну оставишь?

— Нет, — сказал он. — Нет, это не годится. Ты ступай вперед. Мирт с Джейком приедут, заберут ребят. А я сведу Лиз к кому-нибудь из соседей. И тогда уж тебя догоню. Дело такое, может, тебе понадобится подмога.

— Спасибо, — сказал я.

За окнами, по холмам и полям, уже понемногу разливался бледный предутренний свет. От всего исходило призрачное сияние — не то чтобы белое, но и не какого-нибудь определенного света, — так бывает только ранней ранью в августе.

Внизу на шоссе, по ту сторону барьера, сгрудились десятка два машин, державших путь нам навстречу, на восток; кучками

стояли люди. До меня доносился громкий голос, он с жаром, не умолкая, что-то выкрикивал, такой неугомонный горлопан непременно найдется в любой толпе. Кто-то развел на зеленой разделительной полосе небольшой костер, непонятно зачем — утро выдалось совсем теплое, а днем наверняка будет жара невыносимая.

И тут я вспомнил: я же хотел как-то связаться с Элфом и предупредить, что не приеду. Надо было позвонить от Доневена, а я совсем про это забыл. Я стоял в нерешимости — может, все-таки вернуться? Ведь ради этого телефонного звонка я и зашел к Доневену?

На шоссе скопились машины, идущие на восток, а на запад держали путь только моя машина да придавивший ее грузовик — стало быть, где-то дальше на востоке дорога тоже перекрыта. Так может быть... может быть, Милвилл огорожен со всех сторон?

Я раздумал звонить и двинулся в обход дома. Снова наткнулся на невидимую стену и пошел вдоль нее. Теперь я уже немного освоился с нею. Я смутно ощущал, что она здесь, рядом, и шел, доверяясь этому ощущению, так что держался чуть поодаль и лишь изредка все же на нее натыкался. В общем, барьер шел по окраине Милвилла, лишь несколько одиноких домишек остались по другую сторону. Идя вдоль него, я пересек несколько тропинок, миновал две-три улочки, которые никуда ни вели, а просто обрывались на краю поля, и наконец дошел до неширокой дороги, что соединяет Милвилл с Кун Вэли — это от нас миль за десять.

Дорога здесь спускается к Милвиллу по отлогому склону, и на склоне, сразу за барьером, стояла машина — старый-престарый расхлябанный драндулет. Мотор работал, дверца со стороны водителя была распахнута настежь, но внутри и вокруг — ни души. Похоже, что водитель, наткнувшись на невидимую стену, перетрусил и бежал куда глаза глядят.

Пока я стоял и смотрел, тормоза стали отпускать и драндулет двинулся вперед — сперва еле-еле, чуть заметно, потом быстрей, быстрей; под конец тормоза отказали начисто, машина рванулась под гору, через барьер, и налетела на дерево. Она медленно опрокинулась набок, из-под капота просочилась струйка дыма.

Но я вмиг забыл о машине, тут было кое-что поважней. Я бегом кинулся туда.

Драндулет прошел сквозь барьер, проехал дальше по дороге и разбился — значит, в этом месте никакого барьера нет! Я дошел до конца!

Я бежал по дороге вне себя от радости, у меня гора с плеч свалилась, ведь я все время втайне опасался — и с большим трудом подавлял это чувство, — что барьер идет вокруг всего Милвилла. Но облегчения и радости хватило не надолго — я опять грохнулся о барьер. Грохнулся изрядно, потому что налетел на него с разбегу, ведь я был уверен, что его здесь нет, и очень спешил в этом утвердиться. С разгона я продвинулся еще на три прыжка, глубже врезался в невидимое — и тут оно меня отшвырнуло. Я распластался на спине, с маху ударился затылком о мостовую. Из глаз посыпались искры.

Я медленно перекатился на бок, встал на четвереньки и постоял так минуту-другую, точно пес, угодивший под колеса; голова бессильно болталась, и я изредка поматывал ею, пытаясь избавиться от искр, которые все еще мелькали перед глазами.

На дороге затрещало, взревело пламя, и я вскочил. Ноги подгибались, меня шатало и качало, но надо было уходить. Разбитая машина горела, как свеча, того и гляди пламя дойдет до бензобака и ее взорвет ко всем чертям.

Впрочем, эффект оказался поскромнее, чем я ожидал: в машине глухо, свирепо фыркнуло и взвился огненный фонтан. Все-таки получилось достаточно шумно, и кое-кто вышел

посмотреть, что происходит. По дороге бежали доктор Фабиан и адвокат Николс, а за ними с громкими криками и лаем неслась орава мальчишек и собак.

Пожалуй, стоило бы их дождаться, я многое мог им сказать и мне не хватало слушателей, но я тут же передумал. Медлить нельзя, надо проследить, куда идет дальше этот барьер, и найти, где он кончается... если только он где-нибудь кончается.

В голове у меня стало проясняться, перед глазами уже не плясали искры, и я немного собрался с мыслями.

Одно ясно и несомненно: пустая машина может прорваться сквозь барьер, но если в ней кто-нибудь есть, барьер нипочем ее не пропустит. Человеку его не одолеть, но можно снять телефонную трубку и говорить с кем угодно. И ведь еще раньше на шоссе я слышал крики людей, стоявших по ту сторону, слышал совсем отчетливо.

Я подобрал несколько палок и камней и стал кидать в барьер. Они пролетели насквозь, словно не встречали никакой преграды.

Стало быть, этот барьер неодушевленным предметам не помеха. Он только не пропускает ничего живого. Но откуда он, спрашивается, взялся? И для чего это нужно — не пускать к нам или не выпускать от нас ни одно живое существо?!

А между тем Милвилл просыпался.

Вышел на заднее крыльцо наш парикмахер Флойд Колдуэлл — без пиджака, подтяжки болтаются. Во всем Милвилле, кроме доктора Фабиана, один только Флойд ходит в подтяжках. Но у старика доктора они черные и узкие, как и подобает человеку степенному, а Флойд щеголяет в широченных и притом ярко-красных. Все кому не лень острят насчет этих его красных подтяжек, но Флойд не обижается. Он у нас малый не промах, сам первый остряк — и, видно, не зря старается: прославился на всю округу, от клиентов отбою нет, фермеры, которые с таким же успехом могли бы

постричься в Кун Вэли, предпочитают съездить к нам в Милвилл, лишь бы послушать шуточки Флойда и поглядеть, как он валяет дурака.

Стоя на заднем крыльце, Флойд потянулся и зевнул. Потом поглядел на небо — какова будет погода? — и почесал бок. Где-то в конце улицы женский голос позвал собаку, и немного погодя хлопнула дверь — значит, собака прибежала на зов.

Странно, подумал я, все спокойно, никто не поднял тревогу. Может быть, пока еще мало кто знает про этот барьер. Может, те немногие, кто на него наткнулся, слишком ошарашены и еще не успели опомниться. Может, им еще не верится. А возможно, они, как и я, боятся сразу поднимать шум, пробуют сперва хоть отчасти разобраться что к чему.

Но, конечно, это безмятежное спокойствие не надолго. Еще немного — и поднимется суматоха.

Теперь, двигаясь вдоль барьера, я шел задворками одного из самых старых домов Милвилла. Некогда это был красивый, с большим вкусом построенный особняк, но владельцы давно обеднели, и теперь здесь царила мерзость запустения.

По шатким ступеням заднего крыльца, опираясь на палку, спускалась тощая старуха. Редкие, совершенно белые волосы развевались даже в безветрии, окружая ее голову зыбким ореолом.

Она поплелась было по дорожке, ведущей в убогий садик, но заметила меня, остановилась и стала приглядываться, по-птичьи склонив голову набок. За толстыми стеклами очков поблескивали выцветшие голубые глаза.

— Как будто Брэд Картер? — неуверенно сказала она.

— Он самый, миссис Тайлер. Как вы нынче себя чувствуете?

— Да так, терпимо, — отвечала старуха. — Лучшего мне ждать не приходится. Я так и подумала, что это ты, а потом засомневалась, уж очень стала слаба глазами.

— Славное утро выдалось, миссис Тайлер. Погодка — лучше не надо.

— Верно, верно. А я вот ищу Таппера. Опять он куда-то запропастился. Ты его не видал, нет?

Я покачал головой. Уже десять лет никто не видал Таппера Тайлера.

— Такой неугомонный мальчишка, — продолжала она. — Вечно он где-то плутает. Прямо не знаю, как с ним быть.

— Не тревожьтесь, — сказал я. — Побродит, да и придет.

— Надо полагать, он ведь всегда так, — она потыкала палкой в землю, где росли, окаймляя дорожку, лиловые цветы. — Очень они хороши в нынешнем году. И не упомню, когда они так пышно распускались. Твой отец дал мне их двадцать лет тому назад. Мистер Тайлер с твоим отцом были такие друзья — водой не разольешь. Ты, конечно, и сам помнишь.

— Да, — сказал я, — это я очень хорошо помню.

— А как поживает твоя матушка? Расскажи мне про нее. Прежде-то мы с нею часто виделись.

— Вы запамятовали, миссис Тайлер, — мягко сказал я. — Матушка уже скоро два года как умерла.

— Да, да, твоя правда. Совсем я стала беспамятная. А все от старости. И зачем только ее придумали!

— Мне пора, — сказал я. — Рад был вас повидать.

— Очень приятно, что ты меня навестил, — сказала миссис Тайлер. — Может, у тебя есть минутка свободная? Зашел бы в дом, выпил бы чаю. Теперь редко кто заходит на чашку чая. Видно, времена не те. Все спешат, всем недосуг, чайку попить — и то некогда.

— Простите, никак не могу, — сказал я. — Я только так, по дороге заглянул.

— Что ж, очень мило с твоей стороны. Если, часом, увидишь Таппера, будь так добр, скажи ему, пусть идет домой.

— Непременно скажу, — пообещал я.

Я рад был унести ноги. Конечно, старуха очень славная, но все-таки немного не в своем уме. Столько лет, как Таппер исчез, а она все ждет его, будто он только что вышел, и всегда она спокойная и ничуть не сомневается, что он вот-вот вернется. Так здраво рассуждает, такая приветливая, ласковая, и только самую малость тревожится о полоумном сыне, который десять лет назад как сквозь землю провалился.

Он всегда был нудный, этот Таппер. Ужасно всем надоедал, а мне больше всех. Он очень любил цветы, а у моего отца были теплицы. Таппер вечно возле них околачивался, и отец, неисправимый добряк, который за всю жизнь мухи не обидел, конечно, терпел его присутствие и его неумолчную бессмысленную болтовню. Таппер привязался и ко мне и, как я его ни гнал, всюду ходил за мной по пятам. Он был старше меня лет на десять, но это ему не мешало: сущий младенец умом, он с годами не становился разумнее. Так и слышу его беспечный лепет — как он бессмысленно радуется всему на свете, что-то ласково лопочет цветам, пристает с дурацкими вопросами. Понятно, я его не выносил, но по-настоящему возненавидеть его было не за что. Таппер был вроде стихийного бедствия — его приходилось терпеть. И не забыть мне, как он беззаботно и весело лопотал, распуская при этом слюни, не забыть его нелепую привычку поминутно пересчитывать собственные пальцы — бог весть зачем ему это было нужно, быть может, он боялся их растерять.

Взошло солнце, все вокруг засверкало в потоках света, и тут я окончательно уверился, что наш Милвилл окружен и отрезан от мира: кто-то (или что-то), неведомо почему и зачем, засадил нас в клетку. Оглядываясь назад, я теперь ясно видел, что все время шел по кривой. И, глядя вперед, нетрудно было представить, как эта кривая замкнется.

Но почему это случилось? И почему именно с нашим Милвиллом? С захудалым городишкой, каких тысячи и тысячи?

А впрочем, может быть, он и не такой, как другие? Раньше я бы сказал — в точности такой же, и, наверно, все остальные милвиллцы сказали бы то же самое. То есть все, кроме Нэнси Шервуд — она только накануне вечером ошарашила меня своей теорией, будто наш город совсем особенный. Неужели она права? Неужели Милвилл чем-то непохож на все другие заштатные городишки?

Передо мной была улица, на которой я жил, и нетрудно было рассчитать, что как раз за нею проходит дуга незримой баррикады.

Дальше идти незачем, сказал я себе. Пустая трата времени. Зачем возвращаться к исходной точке, когда и так ясно, что мы замкнуты в кольце.

Я пересек задворки дома, где жил пресвитерианский священник, — напротив, через улицу, в зарослях цветов и кустарника, стоял мой дом, а за ним заброшенные теплицы и старый сад, целое озеро лиловых цветов — таких же, в какие ткнула палкой миссис Тайлер и сказала, что в этом году они цветут пышней, чем всегда.

С улицы я услыхал протяжный скрип: опять ко мне в сад забрались мальчишки и раскачиваются на старых качелях подле веранды!

Вспылив, я ускорил шаг. Сколько раз я им говорил, чтоб не смели подходить к этим качелям! Столбы ветхие, ненадежные, того и гляди рухнут либо переломится поперечина и кто-нибудь из малышей разобьется. Можно бы, конечно, и сломать качели, но рука не поднимается: ведь это память о маме. Немало тихих часов провела она здесь, во дворе, слегка раскачиваясь взад и вперед и глядя на цветы.

Двор огораживали старые, густо разросшиеся кусты сирени, и мне не видно было качелей, пока я не дошел до калитки.

Я со злостью распахнул калитку, с разгона шагнул еще раз-другой и встал как вкопанный.

Никаких мальчишек тут не было. На качелях сидел взрослый дядя, и, если не считать нахлобученной на голову драной соломенной шляпы, он был совершенно голый.

Завидев меня, он расплылся до ушей.

— Эй! — радостно окликнул он и тотчас, распустив слюни, начал пересчитывать собственные пальцы.

При виде этой дурацкой ухмылки, при звуке давно забытого, но такого памятного голоса я оторопел — и мысль моя шарахнулась к тому, что произошло накануне.

2

Накануне ко мне пришел Эд Адлер, очень смущенный: ему велено было выключить у меня телефон.

— Ты уж извини, Брэд, — сказал он. — И рад бы не выключать, да ничего не поделаешь. Распоряжение Тома Престона.

Мы с Эдом друзья. Еще в школе подружились и дружим до сих пор. Том Престон, конечно, тоже учился в нашей школе, но с ним-то никто не дружил. Мерзкий был мальчишка, и вырос из него мерзкий тип.

Вот так оно и идет, подумал я. Видно, подлецы всегда преуспевают. Том Престон — управляющий телефонной станцией, а Эд Адлер служит у него монтером — устанавливает аппараты, исправляет повреждения в сети; а вот я был страховым агентом и агентом по продаже недвижимости, а теперь бросаю это дело. Не по доброй воле, но потому, что нет у меня другого выхода: и за телефон в конторе я задолжал, и за помещение арендная плата давно просрочена.

Том Престон — преуспевающий делец, а я неудачник; Эду Адлеру кое-как удается прокормить семью, но и только. А другие наши однокашники? Чего-то они достигли — вся наша компания? Понятия не имею, почти всех потерял из

виду. Почти все поразъехались. В такой дыре, как Милвилл, человеку делать нечего. Я и сам бы, наверно, тут не остался, да пришлось ради матери. Когда умер отец, я бросил художественное училище: надо было помогать ей в теплицах. А потом и ее не стало, но к этому времени я уже столько лет прожил в Милвилле, что трудно было сдвинуться с места.

— Эд, — сказал я, — а из наших школьных ребят тебе кто-нибудь пишет?

— Нет, — отвечал он. — Даже и не знаю, кто куда подевался.

— Помнишь Тощего Остина? — сказал я. — И Чарли Томсона, и Марти Холла, и Элфа... смотри-ка, забыл фамилию!

— Питерсон, — подсказал Эд.

— Верно, Питерсон. Надо же — забыл фамилию Элфа! А как нам бывало весело...

Эд отключил провод и выпрямился, держа телефон на весу.

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил он.

— Да, видно, надо прикрывать лавочку. Тут не один телефон, тут все пошло наперекос. За помещение тоже давно не плачено. Дэн Виллоуби у себя в банке сильно из-за этого расстраивается.

— А ты веди дело прямо у себя на дому.

— Какое там дело, Эд, — перебил я. — Нет у меня дела и никогда не было. Я прогорел с самого начала.

Я поднялся, нахлобучил шляпу и вышел. Улица была пустынна. Лишь две-три машины стояли у обочины да бродячий пес обнюхивал фонарный столб, а перед кабачком под вывеской «Веселая берлога» подпирал стену Шкалик Грант в надежде, что кто-нибудь угостит его стаканчиком.

Мне было тошно. Телефон, конечно, мелочь, и все-таки это означает конец всему. Окончательно и бесповоротно установлено: я неудачник. Можно месяцами играть с самим собой в прятки, тешить себя мыслью — мол, все не так плохо и еще наладится и стрясется, но потом непременно нагрянет

что-нибудь такое, что заставит посмотреть правде в глаза. Вот пришел Эд Адлер, отключил телефон и унес, и никуда от этого не денешься.

Я стоял на тротуаре, смотрел вдоль улицы и изнемогал от ненависти к этому окаянному городишке — не к тем, кто в нем живет, а именно к самому городу, к ничтожной точке на географической карте.

Этот насквозь пропыленный городишко, невыразимо нахальный и самодовольный, словно издевался надо мной. Как же я просчитался, что не унес вовремя ноги! Я пробовал устроить здесь свою жизнь, потому что привык к Милвиллу и любил его, и я жестоко ошибся. Я ведь тоже понимал то, что понимали все мои друзья, которые отсюда уехали, — и все-таки не желал видеть бесспорную, очевидную истину: здесь ничего не сохранилось такого, ради чего стоило бы остаться. Милвилл отжил свое и теперь умирает, как неизбежно умирает все старое и отжившее. Он задыхается из-за новых дорог: ведь теперь, если надо что-нибудь купить, можно быстро и легко съездить туда, где больше магазинов и богаче выбор товаров; он умирает, потому что вокруг пришло в упадок земледелие, умирает вместе с убогими фермами на склонах окрестных холмов, захиревшими и обезлюдевшими, ибо они уже не могут прокормить семью. Милвилл — обитель благопристойной нищеты, в нем даже есть своя обветшалая прелесть, он изысканно благоухает лавандой, и манеры его безупречны, но, невзирая ни на что, он умирает.

Я повернулся и пошел прочь из пыльного делового квартала, к речушке, огибающей город с востока. По берегу, под раскидистыми деревьями, вьется заброшенная тропка, я шагал по ней и слушал, как в жаркой летней тишине журчит вода, омывая заросшие травою берега и перекатываясь по гальке. На меня нахлынули воспоминания давних, невозвратных лет. Сейчас я дойду до излучины, это у милвиллцев излюбленное

место купания, дальше — мелководье, где я каждую весну ловлю сачком мелкую рыбешку.

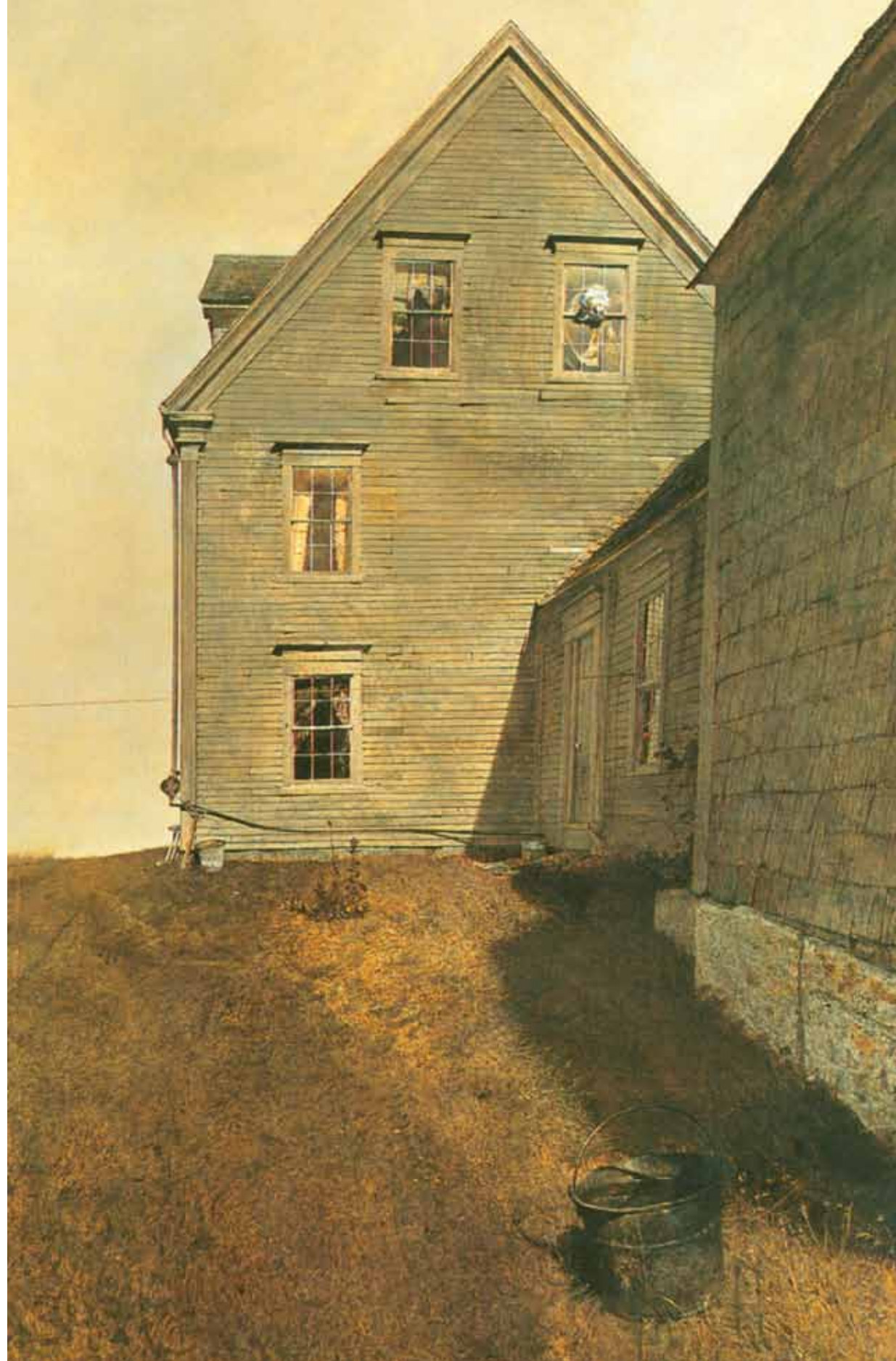
На берегу, за тем поворотом, — наш заветный уголок. Сколько раз мы там разводили костер и жарили шницели по-венски и пекли сладкий корень алтея, а потом просто сидели и смотрели, как меж деревьев и по лугам подкрадывается вечер. Потом всходила луна и все вокруг преображалось, и это было заколдованное царство, расчерченное тончайшей сетью теней и лунных бликов. И мы переговаривались только шепотом, и всеми силами души заклинали время идти помедленнее, чтобы дольше длилось волшебство. Но как ни страстно мы этого жаждали, все было тщетно, такова уж природа времени — даже и в ту пору его невозможно было ни замедлить, ни остановить.

Мы приходили сюда вчетвером — я с Нэнси и Эд Адлер с Присциллой Гордон, а порою к нам присоединялся и Элф Питерсон, но, помнится, всякий раз с другой девушкой.

Я постоял немного на тропинке, пытаясь воскресить все это: сияние луны и мерцание угасающего костра, тихие девичьи голоса и нежное девичье тело, чудо юности — всепоглощающую нежность, и жар, и трепет, и благодарность. Я вновь искал здесь зачарованную тьму и лучистое счастье или хотя бы только их призраки... но ничего не ощутил, только рассудком знал, что когда-то все это было — и минуло.

Так вот что я такое — неудачник, неудачник во всем, даже воспоминания и те не сумел сохранить, все потускнело и выцвело. В эту минуту я трезво оценил себя, впервые посмотрел правде прямо в глаза. Что же дальше?

Быть может, напрасно я забросил теплицы? Но нет, глупости, ничего бы у меня не вышло — с тех пор как умер отец, они медленно, но верно приходили в упадок. Пока он был жив, они давали недурной доход, но ведь тогда мы работали втроем, да к тому же у отца было особое чутье. Он понимал каждый кустик, каждую былинку, холил их и нежил, у него все

цвело и плодоносило на диво. А я начисто лишен этого дара. В лучшем случае у меня всходят хилые и тощие растеньица, и вечно на них нападают какие-то жучки и гусеницы и всяческая хворь, какая только существует в зеленом царстве.

И внезапно река, тропа, деревья — все отодвинулось куда-то в далекое прошлое, стало чужим и незнакомым. Словно я, непрошеный гость, забрел в некое запретное пространство и время и мне здесь не место. И это было куда страшней, чем если бы я и вправду попал сюда впервые, ибо втайне я с дрожью сознавал, что здесь заключена часть меня самого.

Я повернулся и пошел обратно, спиной ощущая леденящее дыхание страха, готовый очертя голову кинуться бежать. Но не побежал. Я нарочно замедлял шаг, я решил одержать победу над собой, она была мне необходима, хотя бы вот такая жалкая, никчемная победа — идти медленно и размеренно, когда так и тянет побежать.

Потом из-под свода ветвей, из густой тени я вышел на улицу, окунулся в тепло и солнечный свет, и все стало хорошо. Ну, не совсем хорошо, но хотя бы так, как было прежде. Улица передо мною лежала такая же, как всегда. Разве что прибавилось несколько машин у обочины, бродячий пес исчез да Шкалик подпирал теперь другую стену. От кабачка «Веселая берлога» он перекочевал к моей конторе.

Вернее сказать, к моей бывшей конторе. Потому что теперь я знал: ждать больше нечего. С таким же успехом можно хоть сейчас забрать из ящиков стола все бумаги, запереть дверь и снести ключ в банк. Дэниел Виллоуби, разумеется, будет весьма холоден и высокомерен... ну и черт с ним. Да, конечно, я задолжал ему арендную плату, мне нечем уплатить, и он, надо думать, обозлится, но у него и кроме меня полгорода в долгу, а денег ни у кого нет и едва ли будут. Он сам этого добивался — и добился чего хотел, а теперь злится на всех. Нет уж, пускай лучше я останусь жалким неудачником, чем быть таким, как

Дэн Виллоуби, изо дня в день ходить по улицам и чувствовать, что каждый встречный ненавидит тебя и презирает и не считает человеком.

Будь все как обычно, я не прочь бы постоять и поболтать немного со Шкаликом Грантом. Хоть он и первый лодырь в Милвилле, а все равно он мне друг. Он всегда рад за компанию пойти порыбачить, знает, где лучше клюет, и вы даже не представляете, как интересно его послушать. Но теперь мне было не до разговоров.

— Эй, Брэд, — сказал Шкалик, когда я с ним поравнялся. — У тебя, часом, доллара не найдется?

Я поразился. Грант уже давным-давно не пробовал поживиться за мой счет, с чего это ему вдруг вздумалось? Правда, он пьяница, лодырь и попрошайка, но при этом настоящий джентльмен и необычайно деликатен. Никогда он не станет выпрашивать подачку у того, кто и сам еле сводит концы с концами. У Шкалика редкостное чутье, он точно знает, когда и как закинуть удочку, чтоб не нарваться на отказ.

Я сунул руку в карман, там была тоненькая пачка бумажек и немного мелочи. Я вытащил пачку и протянул Гранту доллар.

— Спасибо, Брэд, — сказал он. — Мне весь день нечем было горло промочить.

Сунул доллар в карман обвисшей, латаной-перелатаной куртки и торопливо заковылял через улицу в кабачок.

Я повернул ключ, вошел в контору, затворил за собой дверь, и тут раздался телефонный звонок.

Я стал столбом и как дурак уставился на телефон.

А он все звонил и звонил, так что я подошел и снял трубку.

— Мистер Брэдшоу Картер? — осведомился нежнейший, очаровательнейший голосок.

— Он самый, — сказал я. — Чем могу служить?

Я мигом понял, что это не может быть никто из здешних: в Милвилле все звали меня просто Брэд. И потом, ни у одной

моей знакомой даже нот таких нету в голосе. Этот голосок вкрадчиво мурлыкал, будто красотка с экрана телевизора читала рекламное объявление про мыло или крем для лица, и в то же время в нем слышался словно хрустальный звон — так должна бы говорить принцесса из сказки.

— Скажите, пожалуйста, мистер Брэдшоу Картер, это у вашего отца были теплицы?

— Совершенно верно.

— А вы теперь ими не занимаетесь?

— Нет, — сказал я, — не занимаюсь.

И тут голос переменился. Был нежный девичий голосок — и вдруг стал мужской, энергичный и деловитый. Будто трубку взял совсем другой человек. И, однако, как это ни дико, я почему-то не сомневался, что собеседник у меня все тот же, переменился только голос.

— Насколько мы понимаем, — сказал этот новый голос, — вы сейчас свободны и могли бы выполнить для нас кое-какую работу.

— Да, пожалуй, — сказал я. — Но в чем дело? Почему вы заговорили другим голосом? И вообще кто это говорит?

Вопрос был преглупый: сомневался я там или не сомневался, а никто не может так внезапно и резко менять голос. Конечно же, со мной говорили два разных человека.

Но вопрос мой остался без ответа.

— Мы надеемся, что вы можете выступать от нашего имени, — продолжал голос. — Вас рекомендуют наилучшим образом.

— А в качестве кого я должен выступать?

— В качестве дипломата, — сказал голос. — Кажется, это самое точное определение.

— Но я не дипломат. Я этому не учился и не умею...

— Вы нас не поняли, мистер Картер. Совершенно не поняли. Видимо, нам следует кое-что разъяснить. Мы уже установили контакт со многими вашими земляками. И они оказывают нам различные услуги. Например, у нас есть чтецы...

— Чтецы?

— Именно. Те, кто для нас читает. Понимаете, они читают самые разные тексты. Из разных областей. Британская энциклопедия, Оксфордский словарь, всевозможные учебники и руководства. Литература и история, философия и экономика. И все это в высшей степени интересно.

— Но вы и сами можете все это прочитать. Зачем вам чтецы? Нужно только достать книги...

В трубке покорно вздохнули:

— Вы нас не поняли. Вы слишком спешите с выводами.

— Ну, ладно, — сказал я. — Я вас не понял. Пусть так. Чего же вы от меня хотите? Имейте в виду, читаю я прескверно и безо всякого выражения.

— Мы хотим, чтобы вы выступали от нашего имени. Прежде всего мы хотели бы с вами побеседовать, услышать, как вы оцениваете положение, а затем можно было бы...

Он говорил что-то еще, но я уже не слушал. Вдруг до меня дошло, что же тут неладно. То есть, конечно, это все время было у меня перед глазами, но как-то не доходило до сознания. И без того на меня свалилось слишком много неожиданностей: невесть откуда опять взявшийся телефон, хотя телефон у меня только что сняли, и внезапно меняющиеся голоса в трубке, и этот дикий, непонятный разговор... Мысль моя лихорадочно работала и не успевала охватить все в целом.

Но тут меня будто ударило — а ведь телефон какой-то не такой! — и я уже не разбирал слов, все слилось в невнятное жужжанье. Аппарат совсем не тот, что стоял час назад у меня на столе. У него нет диска и нет провода, который соединял бы его с розеткой на стене.

— Что такое? — закричал я. — Кто это говорит? Откуда вы звоните?

Тут послышался новый голос, не поймешь, женский или мужской, не деловитый и не вкрадчиво-нежный, а странно безличный, словно бы чуточку насмешливый, но лишенный какой бы то ни было определенности.

— Напрасно вы так встревожились, мистер Картер, — произнес этот безличный голос. — Мы очень заботимся о тех, кто нам помогает. Мы умеем быть благодарными. Поверьте, мистер Картер, мы вам очень благодарны.

— За что?!

— Навестите Джералда Шервуда, — сказал безличный голос. — Мы побеседуем с ним о вас.

— Слушайте! — заорал я. — Я не понимаю, что происходит, но...

— Поговорите с Джералдом Шервудом, — повторил голос.

И телефон заглох. Как отрезало. Не было смутного гуденья, не ощущалось, что где-то там по проводам идет ток. Все глухо и пусто.

— Эй! — кричал я. — Эй, кто там!

Никакого ответа.

Я отвел трубку от уха и, не выпуская ее из рук, мучительно шарил в памяти. Этот голос, что говорил последним... словно бы он мне знаком. Где-то когда-то я его слышал. Но где? Когда? Не помню, хоть убей.

Я опустил трубку на рычаг и взял аппарат в руки. С виду самый обыкновенный телефон, но без диска и ни признака проводов и контактов. Я осмотрел его со всех сторон — ни фабричной марки, ни имени фабриканта, ни адреса фирмы не оказалось.

Только сегодня Эд Адлер снял у меня телефон. Он перерезал провода, и, когда я уходил из конторы, он стоял тут, держа аппарат на весу.

Когда я, возвратясь, услыхал звонок и увидел на столе телефон, в голове у меня мелькнуло не слишком логичное, но

самое простое объяснение: почему-то Эд не унес телефон и снова его подключил. Может быть, потому, что он мне друг; может, он готов ради меня не выполнить хозяйское распоряжение. Или, может, сам Престон передумал и решил дать мне небольшую отсрочку. А может быть, даже нашелся неведомый доброжелатель, который уплатил по счету, чтобы я не лишился телефона.

Но теперь я знал: все это чепуха. Потому что телефон у меня на столе — не тот, который сегодня отключил Эд.

Я опять снял трубку и поднес к уху.

И опять раздался деловитый мужской голос. Он не сказал: «Слушаю», не спросил, кто говорит. Он сказал:

— Очевидно, вы относитесь к нам с подозрением, мистер Картер. Мы прекрасно понимаем, что вы смущены и не доверяете нам. Мы вас не осуждаем, но при том, как вы сейчас настроены, продолжать разговор бесполезно. Побеседуйте сначала с мистером Шервудом, а потом возвращайтесь — и тогда поговорим.

И телефон снова заглох. На этот раз я не стал кричать в надежде, что голос снова отзовется. Я знал, это бесполезно. Опустил трубку на рычаг и отодвинул телефон.

Повидайте Джералда Шервуда, сказал голос, а после поговорим. Но при чем тут, спрашивается, Джералд Шервуд?

Невозможно поверить, чтобы Джералд Шервуд был причастен к этой странной истории, не такой он человек.

Отец Нэнси Шервуд, в некотором роде промышленник, был коренной милвиллец и жил на краю города, на вершине холма, в старом прадедовском доме. Не в пример всем нам, он не ограничивал свою жизнь рамками Милвилла. Ему принадлежала фабрика в Элморе — до Элмора от нас миль пятьдесят и там чуть ли не сорок тысяч жителей. Фабрика досталась Джералду от его отца и когда-то выпускала сельскохозяйственные машины. Но несколько лет назад разразился крах,

сельскохозяйственные машины стали никому не нужны, и Шервуд занялся всевозможной технической мелочью. Какие там штучки и приспособления выпускала его фабрика, я понятия не имел: семейство Шервуд меня не слишком занимало, если не считать той поры, когда я кончал школу и всерьез увлекся дочерью Джералда.

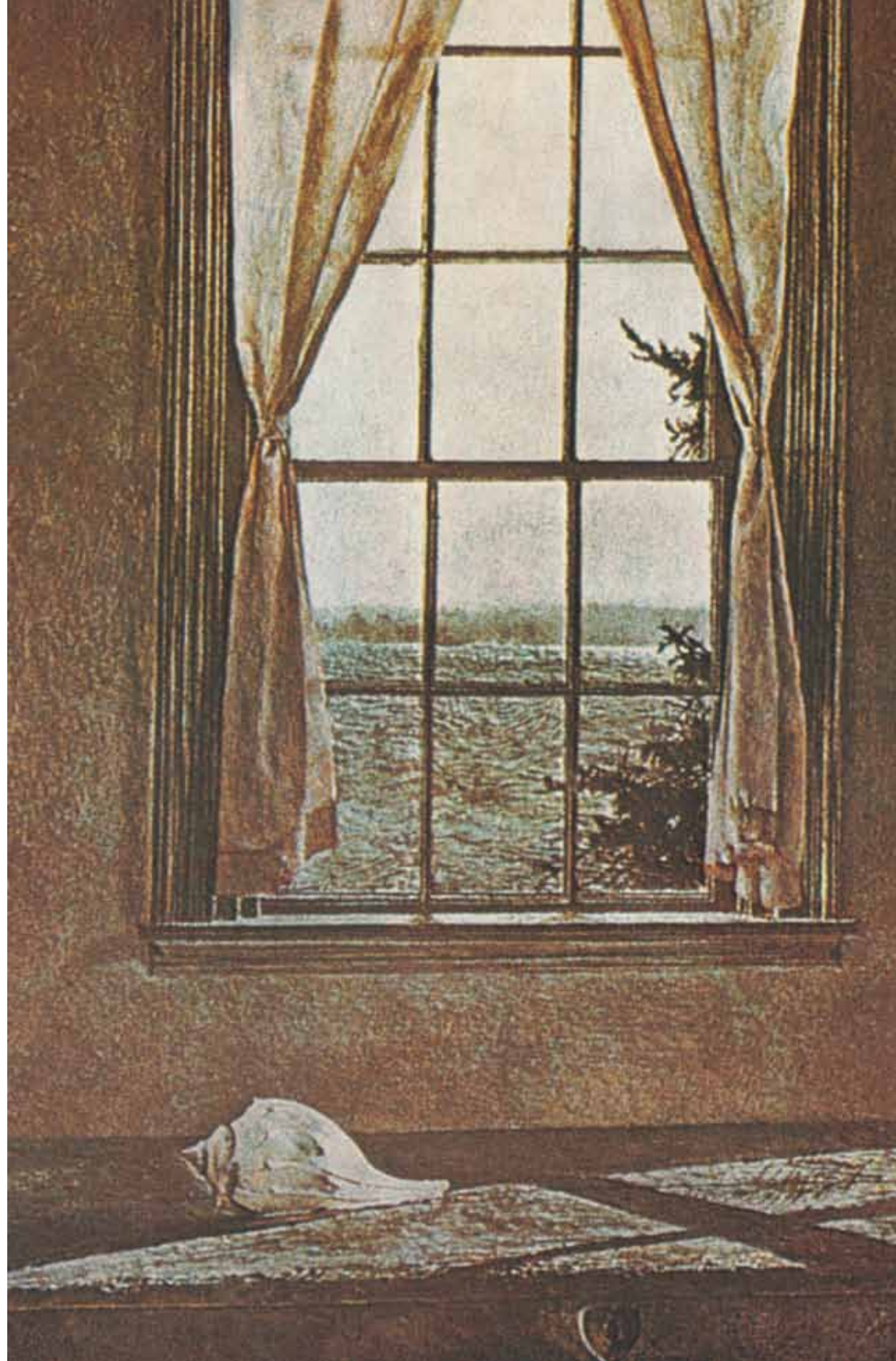
Джералд Шервуд был человек солидный, состоятельный, в городе его уважали. Но деньги свои он, как и отец его, наживал не в Милвилле, а на стороне, притом Шервуды были если и не по-настоящему богаты, то все же люди с достатком, а мы, остальные, бедны как церковные мыши, и потому их всегда считали отчасти чужаками. У них были еще и какие-то другие интересы, не те, что у нас; мы, жители Милвилла, куда теснее связаны между собой. И Шервуды держались немного особняком — не по своей воле, но потому, что мы сами их сторонились.

Так что же мне делать? Нагрянуть к Шервудам и разыгрывать дурачка? Ввалиться без приглашения и спросить, что ему известно о сумасшедшем телефоне без проводов?

Я взглянул на часы — еще только четыре. Даже если идти к Шервуду, то не сейчас, а под вечер. Уж наверно, он возвращается из Элмора часам к шести, не раньше.

Я выдвинул ящик письменного стола и стал собирать свои пожитки. Потом сунул все назад и задвинул ящик. Контору пока закрывать нельзя, попозже вечером я должен буду вернуться, мне ведь надо еще поговорить с незнакомцем (или незнакомцами?) по этому, с позволения сказать, телефону. Когда стемнеет, я могу, если захочу, забрать аппарат и унести его домой. Но не идти же по Милвиллу с телефоном под мышкой средь бела дня!

Я вышел, запер дверь и зашагал по улице. И в растерянности остановился на первом же углу, пытаясь собраться с мыслями. Конечно, можно пойти домой, но очень это мне не по

душе. Словно я удираю и ищу, куда бы зарыться. Можно пойти в муниципалитет, там, верно, найдется, с кем перемолвиться словом. Хотя вполне возможно, что я застану там одного только Хайрама Мартина, полицейского. Хайрам пристанет, чтобы я играл с ним в шашки, а мне сейчас не до шашек. Притом он не умеет вести себя прилично, когда проигрывает, и ему волей-неволей поддаешься, лишь бы не бесился.

Мы с Хайрамом спокон веку не ладили. В школе он был первый задира и хулиган, мы вечно дрались. Он был куда сильнее, мне порядком доставалось, но ни разу он не добился, чтоб я запросил пощады, и потому меня терпеть не мог. Вот если раза два в год позволишь Хайраму себя поколотить и признаешь себя побежденным, тогда он соизволит зачислить тебя в друзья. Очень может быть, что я застану там сейчас еще и Хигмена Морриса, а разговаривать с ним в такой день свыше моих сил. Хигги — мэр нашего города, столп общества и опора церкви, член школьного попечительского совета, член правления банка, чванливый болван и ничтожество. Даже в лучшие мои времена я плохо переваривал Хигги и как мог его избегал.

Можно еще пойти в редакцию нашей «Трибюн» и провести часок с ее редактором Джо Эвансом, время у него найдется, ведь газета вышла только нынче утром. Но Джо станет рассуждать о высокой политике в масштабах нашего округа, о том, что пора наконец соорудить бассейн для плавания, и о прочих столь же злободневных и животрепещущих вопросах, а мне что-то не до них.

Пойду-ка я в «Веселую берлогу», решил я, заберусь в угол за перегородкой в глубине, посижу подольше над кружкой пива — постараюсь убить время и подумать, как и что. Я не пьяница. При моих доходах не разгуляешься, но кружка-другая пива меня не разорит, а в иные минуты от глотка пива куда как легче становится на душе. Время раннее, народу скорее

всего еще немного, смогу побыть один. Там сейчас почти наверняка пропивает мой доллар Шкалик Грант. Но Грант — джентльмен, и он всегда все понимает. Если увидит, что мне компания ни к чему, даже не подойдет.

В «Берлоге» было темно и прохладно, после ярко освещенной солнцем улицы пришлось двигаться почти ощупью. Угол в глубине за перегородкой был свободен, и я сел за столик. Посетителей — никого, занят еще только один отгороженный столик у самого входа.

Из-за стойки навстречу мне вышла Мэй Хаттон.

— А, Брэд! Редкий гость!

— А ты что же, заменяешь Чарли? — спросил я.

Чарли — это ее отец, хозяин «Веселой берлоги».

— Он прилег вздремнуть, — объяснила Мэй. — В эту пору много народу не бывает. Я и одна управлюсь.

— Пива можно?

— Ну конечно. Большую кружку или маленькую?

— Давай большую, — сказал я.

Она подала мне пиво и вернулась за стойку. «Берлога» — местечко мирное, отдохновенное — никакой изысканности и, пожалуй, грязновато, зато отдыхаешь. В окна врывался яркий солнечный свет, но быстро выцветал, словно растворялся в сумерках, затаившихся в глубине.

Рядом за перегородкой поднялся человек. Я не заметил его, когда вошел. Вероятно, он сидел в самом углу, у стены. С недопитой кружкой в руке он обернулся и уставился на меня. Потом шагнул раз-другой и остановился у моего столика. Я поднял голову, но его лицо показалось мне незнакомым. Да и глаза мои еще не освоились с полутьмой «Берлоги».

— Брэд Картер? Да неужто Брэд Картер?

— А почему бы и нет? — сказал я.

Он поставил кружку и сел напротив меня. И тут я узнал эти черты, в которых было что-то лисье.

— Элф Питерсон! — изумился я вслух. — Надо же, только час назад мы с Эдом Адлером тебя вспоминали.

Он протянул руку, я стиснул ее — я рад был его видеть, сам не знаю, отчего я так обрадовался этому выходцу из далекого прошлого! Он ответил сильным, крепким пожатием — явно тоже обрадовался мне.

— Боже милостивый! — сказал я. — Сколько же это времени прошло?

— Шесть лет. А то и побольше.

Мы сидели и смотрели друг на друга в неловком молчании, как бывает с давними приятелями после долгой разлуки: не знаешь, с чего начать, ищешь для разговора темы попроще, побезопаснее.

— Приехал погостить? — спросил я.

— Угу. В отпуск.

— Что ж сразу ко мне не зашел?

— Да я только часа три как приехал.

Странно, что ему тут делать, подумал я, ведь у него в Милвилле никого не осталось. Его семья уже несколько лет как переехала куда-то на восток. Питерсоны родом не здешние. Они провели в Милвилле всего лет пять, пока отец Элфа работал инженером на строительстве шоссе.

— Поживешь у меня, — сказал я. — Места сколько угодно. Я один.

— Да я остановился в мотеле, это немного западнее Милвилла. Называется «Стоянка Джонни».

— Надо было прямо ко мне.

— Верно, да ведь я не знал. Мало ли, может, ты уже уехал из Милвилла. Или, может, женился. Нельзя же просто так вваливаться к женатому человеку.

Я покачал головой:

— И не уехал, и не женился.

Выпили пива. Элф отставил кружку.

— Как делишки, Брэд?

Я уже раскрыл рот, чтобы соврать, но опомнился. Какого черта?! Ведь напротив сидит не чужой человек, ведь это же Элф Питерсон, в прежние годы он был мне едва ли не лучший друг. Чего ради я стану ему врать? Из самолюбия? Когда говоришь с другом, самолюбие ни при чем, надо начистоту.

— Делишки неважные, — сказал я.

— Ох, извини.

— Я дал маху, — сказал я. — Давно надо было убираться отсюда подобру-поздорову. Милвилл — гиблое место, тут делать нечего.

— Ты же хотел стать художником. Помнишь, вечно чего-то чиркал карандашом, даже красками писал.

Я только рукой махнул.

— Будто ты так и не пробовал ступить на эту дорожку? Брось, все равно не поверю! — сказал Элф. — Когда мы кончали школу, ты собирался в художественное училище.

— Ну да, собирался. И даже год проучился. В Чикаго. А потом отец умер, маме одной было не управиться. И денег ни гроша. Просто не пойму, как отец мне на один-то год наскреб.

— А мама? Ты сказал — живешь один?

— Она два года как умерла.

Элф кивнул:

— И теплицы теперь на тебе.

Я покачал головой.

— С теплицами у меня ничего не вышло. Они после отца захирели вконец. Был я страховым агентом, пробовал ввязаться в перепродажу недвижимости. Ничего у меня не получается, Элф. Завтра утром прикрываю лавочку.

— А дальше что?

— Не знаю. Пока не придумал.

Элф помахал Мэй, чтоб принесла еще пива.

— Видно, тебя тут больше ничто не держит, — сказал он.

Я опять покачал головой:

— Не забудь, остается дом. До смерти не хочется его продавать. Если уеду, просто запру его на замок. Но ехать-то никуда неохота, Элф, вот беда. Не знаю, как тебе объяснить. Надо было унести отсюда ноги хотя бы года два назад. А теперь Милвилл так прочно в меня въелся — не вытравить.

Элф кивнул:

— Кажется, понимаю. В меня он тоже въелся. Потому я и приехал. И сам не пойму зачем. Конечно, я очень рад тебя повидать, и, может, еще кое-кого, но все равно чувство такое, что зря я сюда вернулся. Как-то здесь пусто. Будто от прежнего Милвилла ничего и не осталось, одна скорлупа — понимаешь, что я хочу сказать? Может, на самом деле он и не изменился, но такое у меня чувство.

Мэй принесла пиво и забрала пустые кружки.

— Придумал! — сказал Элф. — Хочешь послушать?

— Конечно. Отчего не послушать.

— Через денек-другой я отправлюсь восвояси. Может, поедешь со мной? Я работаю в одном презабавном заведении. Там и для тебя найдется место. У меня отличные отношения с главным, могу замолвить за тебя словечко.

— А что там делать? — спросил я. — Вдруг я не сумею?

— Не знаю, как толком объяснить. Это вроде исследовательской лаборатории... лаборатория мысли. Сидишь в четырех стенах и думаешь.

— И все?

— Угу. Звучит диковато, а? На самом деле это не так уж дико. Входишь в закрытую кабинку и получаешь карточку, а на ней напечатан вопрос, какая-то задача. И ты думаешь над этой задачей, причем думать надо вслух — будто говоришь сам с собой, иногда сам с собой споришь. На первых порах словно бы неловко, но потом привыкаешь. Кабинка звуконепроницаемая, никто тебя не видит и не слышит. Наверно,

какой-нибудь аппарат записывает твои слова, но если он и есть, так где-то скрыт, его не видно.

— И за это платят?

— Да, и неплохо. Прожить можно.

— А для чего это все?

— Мы не знаем, — сказал Элф. — Не то чтобы никто ни разу не спросил. Но тут такое условие: когда поступаешь на работу, тебе не объясняют, что к чему. Наверно, они проводят какой-то эксперимент. Я так думаю, за этим стоит какой-нибудь университет или научно-исследовательский институт. Нам объяснили, что, если мы будем знать, в чем суть, это повлияет на ход нашей мысли. Невольно станешь подгонять свои рассуждения к конечной цели эксперимента.

— Ну а результаты?

— Нам не говорят. Для каждого, кто вот так сидит и думает, существует особый план, но если знать его заранее, это может помешать развитию мысли. Сам того не замечая, начнешь подстраиваться к схеме, соблюдать какую-то последовательность или, наоборот, попробуешь вырваться из рамок. А когда не знаешь результатов работы, нельзя угадать основную схему и нет опасности, что она свяжет твою мысль.

Мимо по улице покатил грузовик, в тишине «Берлоги» его громыхание показалось оглушительным. А когда он проехал, стало слышно, как о потолок бьется муха. Те, кто занимал отгороженный столик у входа, видно, ушли или по крайней мере замолчали. Я обернулся, поискал глазами Гранта — его не было. Тут я вспомнил, что с самого начала не увидел его в «Берлоге». Что за чудеса, ведь я только что дал ему доллар!

— А где оно находится, это ваше заведение? — спросил я.

— В Гринбрайере, штат Миссисипи. Захудалый такой городишко. Вроде Милвилла, пожалуй. Даже не город, а так, поселок — тишина, пылища, жарища. Ох, и жарища — прямо

пекло! Но у нас в здании воздух кондиционированный. И вообще недурно.

— Захудалый городишко, — повторил я. — Чудно что-то, неужели для вашего заведения не нашлось места получше.

— А это маскировка,— сказал Элф.— Чтоб не было лишнего шуму. И нам велено держать язык за зубами. Для секретной работы лучшего места не придумаешь. Никому и в голову не придет искать такую лабораторию в какой-то богом забытой дыре.

— Но ты ведь приезжий...

— Ну, ясно, потому меня туда и взяли. Они не хотят брать на работу много местных жителей. Считается, что у людей, которые выросли в одних и тех же условиях, и мысль работает почти одинаково. Так что там охотно берут приезжих. В этой лаборатории куча всякого пришлого народу.

— А раньше что было?

— Раньше? А, со мной-то. Чего только не было. Шатался по свету, валял дурака. Нигде подолгу не застревал. Поработаю недели две в одном месте, перекочую немного подальше — там месячишко поработаю. В общем, плыл по воле волн. Бывало, когда оставался без гроша, а лучшего ничего не подворачивалось, так и с бетонщиками спину гнул, и посуду в ресторане мыл. Месяца два служил садовником в Луисвиле, у одного земельного туза. Был одно время сборщиком помидоров, но на такой работе живо с голоду подохнешь, пришлось двинуться дальше. Словом, чего только не перепробовал. А в Гринбрайере вот уже одиннадцатый месяц.

— Ну, это рано или поздно кончится. Соберут они там все данные, какие им требуются, — и крышка.

Элф кивнул.

— Да я и сам понимаю. А обидно! Лучшей работы у меня не было и не будет. Так что ж, Брэд? Поедешь со мной?

— Надо подумать, — отвечал я. — А ты не можешь тут задержаться не на день-два, а немного подольше?

— Пожалуй, это можно, — сказал Элф. — Отпуск у меня на две недели.

— Съездим на рыбалку, хочешь?

— Отлично!

— Тогда давай завтра утром и отправимся, ладно? Двинем на недельку на север. Там, думаю, сейчас прохладно. Я прихвачу палатку и всякую походную снасть. Поищем такое местечко, где водится лупоглаз.

— Здорово придумано!

— Поедем на моей машине.

— А я куплю бензин, — предложил Элф.

— Что ж, купи, — сказал я. — Мои финансы такие, что спорить не стану.

3

Если бы не фасад с колоннами да не плоская крыша, обнесенная ослепительно белой балюстрадой, дом Шервудов был бы очень обыкновенным и даже унылым. А ведь когда-то я воображал, что это самый красивый дом на свете. Но уже лет шесть, а то и семь прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз.

Я остановил машину, вылез и постоял минуту, глядя на дом. Еще не совсем стемнело, четыре высокие колонны чуть поблескивали в последних отсветах угасающего дня. С этой стороны все окна были темные, но я видел, что где-то в задних комнатах горит огонь.

Я поднялся по отлогим ступеням, пересек веранду. Ощупью отыскал и нажал кнопку звонка.

В прихожей раздались торопливые женские шаги. Наверно, миссис Флаэрти, подумал я, экономка. Она ведет здесь хозяйство с тех самых пор, как миссис Шервуд ушла из этого дома и не вернулась.

Но мне открыла не миссис Флаэрти.

Дверь распахнулась — и вот она стоит на пороге, уже совсем взрослая, уверенная в себе и еще красивее, чем прежде.

— Нэнси! — вырвалось у меня. — Да ведь это Нэнси!

Совсем не те слова, что нужно, но у меня не было времени подумать.

— Ну да, Нэнси. Что тут такого удивительного?

— Я думал, тебя здесь нет. Когда ты вернулась?

— Только вчера, — сказала она.

Мне показалось, она меня не узнала. Но понимает, что это кто-то знакомый. И пытается вспомнить.

— Чего же мы тут стоим, Брэд, — сказала она (стало быть, узнала!). — Входи.

Я переступил порог, она закрыла дверь, и вот мы стоим в полутемной прихожей и смотрим друг на друга.

Она протянута руку и коснулась отворота моей куртки.

— Мы так долго не виделись, Брэд. Как ты живешь?

— Прекрасно, — сказал я. — Превосходно.

— Говорят, тут почти никого не осталось. Почти никого из нашей компании.

Я покачал головой.

— Ты говоришь так, будто рада, что вернулась.

Она засмеялась — легко, мимолетно:

— Ну конечно, рада!

Смех был совсем прежний: так свойственная ей мгновенная вспышка искрометной веселости.

Послышались шаги.

— Нэнси, — окликнул чей-то голос, — кто там пришел? Малыш Картер?

— Разве ты пришел к папе? — спросила Нэнси.

— Я к нему ненадолго, — сказал я. — Потом еще поговорим?

— Да, конечно. Нам есть о чем поговорить.

— Нэнси!

— Да, папа.

— Иду! — отозвался я.

И пошел к темной фигуре в дальнем конце прихожей. Шервуд распахнул дверь комнаты, повернул выключатель.

Я вошел, и он затворил за мною дверь.

Он был высок ростом, плечи очень широкие, изящно вылепленная голова, аккуратно, почти щегольски подстриженные усы.

— Мистер Шервуд, — сказал я со злостью, — я не малыш Картер. Я Брэдшоу Картер. Для друзей — Брэд.

Злиться было довольно глупо, да, наверно, и не из-за чего. Но уж очень он меня взбесил там, в прихожей.

— Извини, Брэд, — сказал он теперь. — Никак не укладывается в голове, что все вы уже взрослые — и Нэнси, и ребятишки, с которыми она дружила.

Он прошел через комнату к письменному столу у стены. Достал из ящика пухлый конверт, выложил на стол.

— Это тебе.

— Мне?

— Ну да. Я думал, ты знаешь.

Я покачал головой; в этой комнате мне отчего-то стало не по себе, почти жутко. Мрачная комната, по двум стенам сплошь книжные полки, в третьей — наглухо завешенные окна и между ними мраморный камин.

— Так вот, это тебе, — повторил Шервуд. — Бери, чего же ты?

Я подошел к столу и взял конверт. Он был не запечатан, я открыл его. Внутри оказалась толстая пачка денег.

— Полторы тысячи долларов, — сказал Джеральд Шервуд. — Как будто должно быть именно полторы.

— В первый раз слышу про какие-то полторы тысячи. Мне только сказали по телефону, чтобы я с вами побеседовал.

Он поморщился и посмотрел на меня очень внимательно, словно бы даже недоверчиво.

— Вот по такому же телефону, — прибавил я и показал на аппарат у него на столе.

Шервуд устало кивнул.

— Понятно. А давно у тебя появился такой телефон?

— Только сегодня. Эд Адлер пришел и снял мой прежний телефон, обыкновенный, потому что мне нечем платить. Я пошел пройтись, хотел немного собраться с мыслями, а когда вернулся, вдруг зазвонил вот такой телефон.

Движением руки Шервуд остановил меня.

— Возьми конверт, — сказал он. — Положи в карман. Это не мои деньги. Они твои.

Но я положил конверт на стол. Мне позарез нужны были полторы тысячи. Позарез нужны были любые деньги, откуда бы они ни свалились. Но этот конверт я взять не мог. Сам не знаю почему.

— Ладно, — сказал Шервуд. — Садись.

Я опустился на стул, стоявший боком у стола. Шервуд открыл ящик с сигарами.

— Хочешь?

— Я не курю.

— Может, выпьешь чего-нибудь?

— Выпить я не прочь.

— Бурбон?

— Отлично.

Он подошел к шкафчику, стоящему в углу, опустил в бокалы лед.

— Как тебе разбавить, Брэд?

— Хватит и льда.

Шервуд усмехнулся:

— Сразу видно понимающего человека.

Я сидел и смотрел на книжные полки, протянувшиеся вдоль двух стен кабинета от пола и до самого потолка. Тут было немало каких-то многотомных собраний и комплектов, почти все, насколько я мог разглядеть, в дорогих переплетах.

Наверно, это очень здорово — быть не то что богачом, но человеком с достатком, не маяться и не раздумывать, если тебе понадобилась какая-то мелочь, не выгадывать каждый грош, а спокойно взять и купить что хочешь. Жить в таком вот доме, с книгами по стенам, с тяжелыми занавесями на окнах, и чтобы, когда хочется выпить, было из чего выбрать и не приходилось держать единственную бутылку дрянного виски в кухне на полке...

Шервуд подал мне бокал, обогнул стол и снова опустился в кресло. С жадностью отпил несколько глотков и отставил бокал.

— Брэд, — начал он, — много ли тебе известно?

— Ровным счетом ничего. Только то, что я вам уже сказал. Я говорил с кем-то по телефону. И мне предложили работу.

— Ты согласился?

— Нет, — сказал я. — Пока нет, но, может, и соглашусь. Мне не худо бы найти работу. Но то, что они предлагали, — не знаю, кто они такие, — звучит довольно бессмысленно.

— Они?

— Ну, не знаю — либо их было трое, либо там кто-то один три раза менял голос. Конечно, это очень странно, но, по-моему, один и тот же человек говорил на разные голоса.

Шервуд опять жадно глотнул виски. Поднял бокал, посмотрел на свет и, кажется, очень удивился, что там уже только на донышке. Тяжело поднялся и пошел за бутылкой. Налил себе, чуть расплескав, потом протянул мне бутылку.

— Я еще не начинал, — сказал я.

Он поставил бутылку на стол и опять сел.

— Ладно, — сказал он. — Вот ты пришел и мы побеседовали. Все в порядке. Соглашайся на эту работу. Бери свои деньги и ступай. Нэнси, верно, тебя заждалась. Своди ее в кино или еще куда-нибудь.

— И это все?

— Все.

— Значит, вы раздумали, — сказал я.

— Раздумал?

— Вы хотели мне что-то сказать. А потом передумали.

Шервуд холодно, в упор посмотрел на меня.

— Вероятно, ты прав. Но это все равно.

— А мне не все равно. Я ведь вижу, вы чего-то боитесь.

Я ждал, что он обозлится. Кому приятно, когда тебя назовут трусом.

Но он не обозлился. И даже не поморщился, сидел как каменный. Потом сказал:

— Пей же, черт подери. Смотреть на тебя тошно, сидит тут — и ни с места!

Я отхлебнул глоток виски: я совсем забыл про свой бокал.

— Вероятно, ты вообразил себе всякие небылицы. И, конечно, подозреваешь, что я ввязался в какие-то темные дела. Вряд ли ты мне поверишь, но представь, я и сам не знаю, в какие такие дела я ввязался.

— Да нет, я вам верю, — сказал я.

— Чего только я не натерпелся на своем веку, — сказал Шервуд. — Да разве я один. У каждого свои беды — не одно, так другое. На меня свалилось все сразу. Так тоже часто бывает.

Я покивал в знак согласия.

— Началось с того, что меня бросила жена. Это ты, конечно, знаешь. В ту пору, надо думать, все милвиллские сплетники только об этом и говорили.

— Не помню, — сказал я. — Тогда я был еще мальчишкой.

— Да, верно. Скажу одно, оба мы вели себя вполне пристойно. Ни крику, ни скандалов, никакой грязи на суде. Всей этой мерзости мы постарались избежать. И сразу после развода — банкротство. В производстве сельскохозяйственных машин разразился кризис, и я боялся, что придется закрыть фабрику. Очень многие мелкие предприятия тогда прогорели.

Держались по пятьдесят, по шестьдесят лет, приносили солидный доход, а тут лопнули.

Шервуд помолчал, словно выжидая, не скажу ли я чего-нибудь. А что было говорить?

Он налил себе еще виски и продолжал:

— Во многих отношениях я просто глуп. Я умею вести дело. Умею поддерживать фабрику на ходу, пока есть хоть какая-то надежда, пока можно из нее выжать хоть какие-то гроши. У меня, видно, есть хватка, есть способности. Но и только. За всю жизнь я ни разу не додумался до чего-нибудь нового, до чего-нибудь значительного.

Он подался вперед, крепко стиснул руки и оперся ими на стол.

— Я все ломаю голову, — сказал он. — Все пытаюсь понять, что же произошло? Почему именно со мной? Невозможно понять! Не должно это было со мной случиться, не такой я человек. Мне грозило разорение, и ничего я тут не мог поделать. В сущности, все это проще простого. Спрос на сельскохозяйственный инвентарь резко упал, на то были веские экономические причины. Крупным фирмам, у которых свои крупные магазины и вдоволь денег на рекламу, такая передряга не страшна. У них есть простор, они могут перестроиться, как-то извернуться, смягчить удар. А таким, как я, тесно, у нас нет в запасе ни лишних возможностей, ни лишних денег. Моему предприятию, как и многим другим, грозил крах. Пойми, мне совершенно не на что было надеяться. Я вел дело по старинке, по испытанным и проверенным канонам, как до меня мой дед и мой отец. А каноны эти говорят: если ты больше ничего не можешь продать, значит, все, крышка. Другие, может, исхитрились бы, нашли какой-то выход, а мне это не под силу. Делец я толковый, но у меня нет воображения. Мне не хватает новых идей. И вдруг, ни с того ни с сего, у меня начинают возникать новые идеи. Но они не мои. Как будто мне их внушает кто-то другой.

— Понимаешь, — продолжал он, — иногда бывает и так, что новая идея возникает мгновенно. Ни с того ни с сего. Словно бы на пустом месте. Ее никак не свяжешь с тем, что ты делал раньше, или читал, или слышал — ничего подобного! Но, наверно, если копнуть поглубже, можно докопаться до ее корней и проследить, откуда что взялось, только мало кто из нас обучен вот так докапываться. А главное, новая идея — это почти всегда только зернышко, отправной пункт. Может, она и хорошая, и ценная, но ее еще надо вынянчить. Надо ее развить. Обмозговать, повертеть и так и эдак, оглядеть со всех сторон, помучиться с нею, все сообразить и взвесить — и только тогда вылепишь из нее что-то полезное.

А с нынешними моими находками не так. Они выскакивают неизвестно откуда совсем готовенькие. Мне нечего додумывать. Хлоп — и все уже в голове, законченное, отшлифованное, заботиться больше не о чем. Бери и пользуйся. Просыпаюсь утром — а к моим услугам новое открытие, я знаю массу такого, о чем прежде и понятия не имел. Выйду пройтись, возвращаюсь — а в голове еще открытие. Они рождаются пачками. Сразу эдакий букет, будто кто посеял их у меня в мозгу, они полежали там немножко, созрели — и вот прорастают.

— И все это разные механические поделки? — спросил я.

Шервуд посмотрел на меня с любопытством:

— Вот именно, поделки. А что ты про них знаешь?

— Ничего. Знаю только, что, когда с сельскохозяйственными машинами стало худо, вы начали выпускать всякую техническую мелочь. А что именно — не слыхал.

Но он мне этого не объяснил. Он продолжал рассуждать о своих странных озарениях:

— Сначала я не понимал, что происходит. А потом открытия посыпались, как из мешка, и стало ясно: что-то тут не так. Маловероятно, чтобы я сам додумался хоть до одной такой новинки, а тут сразу целый фонтан. Скорее всего, я

вообще никогда бы ничего не придумал, у меня от природы нет воображения и никакой я не изобретатель. Ну ладно, допустим, идейки две-три я еще мог бы родить, да и то вряд ли. А уж на большее меня нипочем бы не хватило. Словом, хочешь не хочешь, а пришлось себе сознаться, что мне помогает кто-то извне.

— Как же так? Кто?

— Не знаю. И по сей день не знаю.

— А идеями этими вы все-таки пользуетесь, — заметил я.

— Я человек трезвый, практический. Кое-кто, наверно, даже скажет — прожженный делец. Но подумай сам: предприятие лопнуло. И не просто мое предприятие, пойми, а родовое, его основал мой дед, и я получил его от отца. Не просто мое дело, а дело, которое мне доверено. Это совсем не одно и то же. Когда идет прахом то, что ты построил сам, — ладно, перетерпишь: мол, на первых порах мне все-таки повезло, начну все сызнова, глядишь, и еще раз повезет. А когда фирма перешла к тебе по наследству, тут совсем другое. Во-первых, позор. А во-вторых, нет уверенности, что сумеешь все поправить. Ведь не ты положил начало, первый успех не твой. Ты пришел на готовенькое. И еще вопрос, способен ли ты сам добиться успеха, восстановить то, что разрушено. В сущности, тебе всю жизнь внушалось обратное.

Шервуд умолк; в тишине я услышал где-то позади негромкое тиканье, но часов не видел и не поддался искушению обернуться. И чувствовал, если поверну голову или хотя бы шелохнусь, что-то незримое в комнате разобьется вдребезги. Будто в посудной лавке, где полным-полно стекла и фарфора и все держится на честном слове: страшно вздохнуть, не дай бог, стронется что-нибудь одно — и все рухнет.

— А ты бы как поступил на моем месте? — спросил Шервуд.

— Цеплялся бы за что попало, — сказал я.

— Вот я и уцепился. С отчаяния. Выхода-то не было. Фабрика, дом, Нэнси, честное имя — все поставлено на карту! И я ухватился за эти самые идеи, записал их, собрал своих инженеров, конструкторов, чертежников — и мы взялись за работу. Понятно, всю заслугу приписали мне. Тут я ничего не мог поделать. Не мог я им объяснить, что не я все это выдумал. И, знаешь, может, оно тебе и странно покажется, но это-то и есть самое тяжкое: что поневоле пользуешься почетом и уважением за то, чего не делал.

— Значит, так, — сказал я. — Родовая фирма спасена, и все прекрасно. На вашем месте я не стал бы особенно терзаться и каяться.

— Но ведь этому нет конца, — сказал Шервуд. — Будь оно все позади, я бы выкинул это из головы. Если б мне вдруг помогли избежать разорения — ну ладно. Но конца-то не видно. Как будто я раздвоился, что ли: есть обыкновенный, всем известный Джералд Шервуд, который сидит вот за этим самым столом, а есть еще какой-то другой, и он думает за меня. Все время на ум приходит что-то новое, иногда только диву даешься, до чего здорово, а иногда кажется — ну чистейшая бессмыслица! Будто из другого мира, серьезно тебе говорю, у нас такого быть не может. Вещи, которым нет на Земле никакого подобия и соответствия, вещи ни с чем не сообразные. Догадываешься, что в них скрыты какие-то возможности, прямо на ощупь чуешь: есть в этом что-то очень важное, значительное, — а как их применить, непонятно.

И тут не только идеи, изобретения, тут еще и знание. Вдруг оказывается, я знаю такое, о чем никогда и не подозревал. Какие-то взрывы, откровения. Никогда этим не интересовался, даже не задумывался. Или такое, что наверняка вообще никому на свете не известно. Как будто кто-то взял самые разные факты и сведения, сгреб в одну кучу клочки, обрывки — вперемешку, без разбору — и запихал мне в башку.

Он потянулся за бутылкой, налил себе еще виски. Ткнул горлышком в мою сторону, и я тоже подставил бокал. Шервуд налил мне до краев.

— Пей, — сказал он. — Сам тянул меня за язык, так слушай. Завтра я, верно, стану ломать голову — чего ради я тебе все это выложил. Ну да ладно.

— Если вы не хотите рассказывать... Если вам кажется, что я сую нос, куда не просят...

Шервуд отмахнулся:

— Ладно, не нравится — не слушай. На, бери свои полторы тысячи.

Я покачал головой:

— Нет уж. Сперва объясните, откуда они взялись и почему вы мне их даете.

— Деньги не мои. Я только посредник. Мне их поручили.

— Кто? Ваш двойник?

Шервуд кивнул:

— Правильно. Как ты догадался?

Я показал на телефон без диска. Шервуд поморщился.

— Ни разу не пользовался этой штукой. Вот ты, говоришь, нашел такой же у себя в конторе, а я и не знал, что у кого-то еще такие есть. Я их выпускаю сотнями...

— Вы?!

— Ну, ясно. Только не для себя. Для этого двойника. А впрочем (Шервуд подался ко мне через стол, доверительно понизил голос)... я начинаю подозревать, что никакой это не двойник.

— Тогда что же это?

Он снова медленно откинулся на спинку кресла.

— А черт его знает. Раньше я думал да гадал, ломал голову, покоя не находил — и все равно понять ничего не мог. А теперь мне плевать. Может, есть и еще такие, как я. Может, я не один... все-таки утешение.

— Ну а этот телефон?

— Я сам его спроектировал. Или, может, не я, а тот двойник, если только он человек. Этот телефон вдруг очутился у меня в голове, я и выложил его на бумагу. И учти, я чертил, а сам понятия не имел, что это за штука и для чего она. То есть, конечно, я сообразил, что это какое-то подобие телефона. Но, хоть убей, не понимаю, каким образом он работает. И никто на фабрике не понимает. Если верить законам физики и здравому смыслу, то эта чертовщина просто не может работать.

— Но вы сами сказали, ваша фабрика выпускает еще уйму всяких поделок, в которых вроде бы нет никакого толку.

— Сколько угодно, — подтвердил Шервуд. — Но там я не сам составлял планы и чертежи, я их и не касался. А с этим так называемым телефоном совсем другой коленкор. Я знал, что надо такие телефоны производить, знал, сколько их понадобится и что с ними делать.

— Что же вы с ними делали?

— Переправлял их одной фирме в Нью-Джерси.

Что за чушь!

— Как же так? Значит, у вас в голове неведомо откуда берется чертеж... что-то вам подсказывает — дескать, фабрикуй у себя эти телефоны, а потом отсылай их куда-то в Нью-Джерси. И вы ничтоже сумняшеся покорно все это выполняете?

— Какое там ничтоже сумняшеся. Не только сомневался, а чувствовал себя дурак дураком. Но ты сообрази: этот мой двойник, мой второй мозг, неведомый помощник из другого мира — зови как хочешь — ни разу меня не подвел. Он спас меня от банкротства, давал дельные советы, столько раз меня выручал. Кто же отвернется от своего доброго гения?

— Кажется, понимаю, — сказал я.

— Чего ж не понять. Игрок верит в свою удачу. Вкладчик, когда покупает акции, полагается на чутье. Но и удача и чутье могут изменить, а тут у меня штука верная и надежная.

Он протянул руку, взял телефон без диска, пытливо оглядел и опять поставил на стол.

— Этот — один из первых, я давным-давно принес его домой, так он и стоит. Все годы я ждал, но он ни разу не позвонил.

— Да ведь вам телефон ни к чему, вы и так обходитесь.

— Думаешь, причина в этом?

— Уверен.

— Пожалуй, так оно и есть. Но иногда не знаешь, что и думать.

— Ну а эта фирма в Нью-Джерси — они вам пишут?

Шервуд покачал головой.

— Ни строчки. Просто я отсылаю туда аппараты.

— И расписок не получаете?

— Никаких расписок. И никакой платы. Да я ее и не ждал. Когда ведешь дело сам с собой...

— Сам с собой?! Так, по-вашему, фирмой в Нью-Джерси заправляет тот двойник?

— Не знаю, — сказал Шервуд. — Ничего я не знаю, черт подери. Столько лет это гвоздем торчит у меня в голове, и все время я пытался хоть что-то понять, но так и не понял.

Лицо у него стало затравленное, и я от души его пожалел. Должно быть, он это заметил. Он вдруг рассмеялся:

— Ты из-за меня не огорчайся. Вытерплю. Я что угодно вытерплю. Не забывай, мне заплачено с лихвой. Расскажи-ка лучше о себе. Занимаешься перепродажей недвижимости?

— Да, и еще страхованием.

— А заплатить по счету за телефон нечем.

— Можете меня не жалеть, — сказал я. — Уж как-нибудь да выкручусь.

— Чудно с вами, с молодежью. Почти никто не остался в Милвилле. Видно, ничто вас тут не держит.

— Видно, что так, — согласился я.

— Нэнси только вчера вернулась из Европы. Я ей рад. Тоскливо одному в пустом доме. В последние годы я ее почти

и не видел. Училась в колледже, потом ударилась во всякую общественную деятельность, потом ездила по Европе. А сейчас вот хочет пожить дома. Надумала писать книжку.

— Это у нее, наверно, хорошо получится, — сказал я. — В школе у нее всегда были лучшие отметки за сочинения.

— Она прямо помешалась на писательстве. Уже напечатала с полдюжины статеек в этой, как ее... в периодике. Знаешь, все эти журнальчики, которые выходят раз в три месяца и не платят авторам ни гроша, а только присылают несколько штук номеров. Прежде я про такие и не слыхивал. Статейки ее я прочитал, но это ведь не по моей части. Кто их там знает, хороши они или плохи. Наверно, что-то в них есть, раз напечатали. Главное, ради своего писания она поживет тут со мной, а мне только того и надо.

Я поднялся.

— Пойду. Уж извините, засиделся.

— Нет-нет, я рад был с тобой потолковать. И не забудь деньги. Этот мой двойник, или как бишь его, велел отдать их тебе. Я так понимаю, это вроде аванса.

— Что за фокусы, — сказал я почти со злостью. — Деньги-то даете вы.

— Ничего подобного. Они взяты из особого фонда, он основан много лет назад. Не годится мне одному снимать все сливки, ведь по-настоящему изобретения не мои. Вот я и стал откладывать десять процентов прибыли в особый фонд...

— Наверно, тоже по подсказке того двойника.

— Да, пожалуй... хотя это было так давно, что я уже и сам не знаю. Короче говоря, завел я такой фонд и все годы давал деньги разным людям, как подсказывал этот самый, который хозяйничает у меня в голове.

Я уставился на Шервуда во все глаза, невежа невежей. Но уж очень это было дико: сидит человек и преспокойно

рассказывает, как кто-то неведомый хозяйничает у него в голове! Свыкся он с этим, что ли, за столько лет? Нет, все равно непостижимо!

— Я немало выплачивал из этого фонда, — невозмутимо продолжал Шервуд, — но все равно набралась кругленькая сумма. С тех пор как у меня в голове завелся сожитель, чего ни коснусь, все приносит изрядный доход.

— И вы не боитесь мне про это рассказывать?

— А чего бояться — что ты пойдешь болтать направо и налево?

— Ну да. Только я болтать не стану.

— Еще бы. Тебя просто поднимут на смех. Кто ж тебе поверит.

— Никто, надо думать.

— Брэд, — сказал Шервуд почти ласково, — не валяй дурака, черт тебя дери. Возьми-ка этот конверт и сунь в карман. Приходи когда-нибудь еще. Как захочешь, так и приходи — посидим, потолкуем. Чует мое сердце, что нам найдется о чем потолковать.

Я протянул руку и взял деньги. И сунул в карман.

— Спасибо, сэр.

— Не стоит благодарности, — сказал он и помахал рукой на прощание. — Еще увидимся.

4

Я медленно прошел через прихожую — Нэнси нигде не было видно, ее не оказалось и на веранде, а я-то надеялся, что она меня там ждет. Она ведь сказала — да, попозже увидимся, нам надо о многом поговорить, и я, конечно, решил, что это значит — попозже сегодня же вечером. А может, она совсем этого не думала. Может, она думала — как-нибудь в другой

раз. Или, может, она меня ждала, а потом ей надоело. Я ведь и правда очень засиделся у ее отца.

В безоблачном небе взошла луна, в тиши — ни ветерка. Исполинские дубы стояли недвижно, как изваяния, летнюю ночь пронизывали сверкающие нити лунного света. Я спустился с крыльца и замер, будто очутился в каком-то заколдованном круге. Эти великаны-дубы, словно призрачные угрюмые стражи, и все насквозь пронизавший лунный свет, и необъятная тишина, полная затаенным ожиданием чего-то, и слабый, какой-то потусторонний аромат, незримой пеленой стелющийся над податливой чернотой под ногами, — да разве это мой знакомый, привычный мир, моя Земля?

А потом колдовство рассеялось, сверканье померкло — меня вновь окружал тот прежний мир, который я знал с детства.

В летней ночи меня пробирала дрожь. Быть может, то был холод разочарования от того, что меня выгнали из волшебной страны, от сознания: она существует, эта страна, но у меня нет надежды там остаться. Я ощутил под ногами асфальт дорожки и ясно видел теперь, что тенистые дубы — все-таки просто дубы, а никакие не изваяния.

Я встряхнулся, точно пес, вылезший из воды, окончательно овладел собой и зашагал по дорожке. Вот и моя машина; я обошел ее, нашарил в кармане ключи и распахнул дверцу.

Только усаживаясь за баранку, я увидел, что рядом сидит Нэнси.

— Я думала, ты уже никогда не придешь, — сказала она. — О чем это вы с отцом так долго рассуждали?

— Да так, о разном. Все пустяки, ничего интересного.

— Ты часто у него бываешь?

— Нет, не очень.

Почему-то мне не хотелось объяснять ей, что до этого вечера я ни разу с Шервудом и двух слов не сказал.

В темноте я на ощупь вставил ключ.

— Прокатимся? — предложил я. — Может, заедем куда-нибудь, выпьем по стаканчику?

— Нет, не стоит. Лучше просто посидим и поговорим.

Я откинулся на спинку сиденья.

— Славный вечер, — сказала Нэнси. — Тихо, спокойно. По-настоящему тихое место теперь такая редкость.

— Тут у вас есть совсем заколдованное местечко, — сказал я. — Как раз перед крыльцом. Я нечаянно ступил на него, да только колдовство быстро пропало. Все заливает луна, и так странно пахнет...

— Это те цветы...

— Какие?

— На клумбе, что у поворота дорожки. Она вся засажена чудесными цветами, их еще давно отыскал где-то в лесу твой отец.

— Значит, и у вас они растут, — сказал я. — Наверно, в Милвилле в каждом саду есть такая клумба.

— Твой отец был необыкновенно славный, я таких людей больше не встречала. Когда я была маленькая, он всегда мне дарил цветы. Бывало, иду мимо, а он непременно сорвет хоть один цветок и даст мне.

Да, правда, отец был, что называется, очень славный. Славный и сильный, и при этом странный и, однако, несмотря на свою силу и на все свои странности, удивительно мягкий. Цветы, плодовые деревья и все, что растет на земле, он знал как свои пять пальцев. Помню, кусты томатов у него поднимались высокие, крепкие, листья у них были какого-то особенно густого темно-зеленого света, и по весне весь Милвилл приходил к нему за рассадой.

И вот однажды отец понес вдове Хиклин томатную и капустную рассаду и корзину многолетних растений — и возвратился с какими-то странными лиловыми цветами: он

наткнулся на них по дороге, в Темной Лощине, осторожно выкопал с полдюжины, заботливо окутал корни куском холстины и принес домой.

Никогда еще отец не видывал таких цветов; оказалось, и никто другой их прежде не видел. Отец высадил их на отдельную клумбу, ходил за ними, как за малыми детьми, и цветы благодарно отозвались на добрую заботу. И теперь едва ли найдешь в Милвилле клумбу, где не росло бы хоть несколько лиловых цветов — цветов, открытых моим отцом.

— Странные они, эти его цветы, — сказала Нэнси. — А удалось ему определить, к какому виду они относятся?

— Нет, — сказал я, — так и не удалось.

— Надо было послать образчик в какой-нибудь университет хотя бы. Кто-нибудь объяснил бы ему, что же это такое.

— Да он сколько раз об этом заговаривал. Но так и не собрался. Всегда работы по горло. Ни минуты передышки. С этими теплицами вечно крутишься как белка в колесе.

— Ты сильно не любил теплицы, Брэд?

— Не то чтобы уж очень не любил. Я с детства к ним привык, умел кое-как управляться. Но у отца был особый дар, сноровка, а у меня — нет. Вся эта зелень у меня просто не желала расти.

Нэнси потянулась так, что руками, сжатыми в кулаки, коснулась верха машины.

— А приятно вернуться домой! Пожалуй, я тут поживу. Мне кажется, папе плохо одному.

— Он говорил, ты хочешь стать писательницей.

— Так и сказал?

— Да. По-моему, он не считал, что это секрет.

— Ну, пусть. Но вообще об этом как-то не говорят заранее, надо сначала написать хотя бы половину. Может быть, ничего и не выйдет, тут столько подводных камней... Есть такие мнимые литераторы — либо он вечно что-то пишет и никак

не допишет, либо вечно рассуждает о своей будущей книге и никак за нее не сядет, а я так не хочу!

— А о чем ты собираешься писать?

— Вот об этом. О нашем городе.

— О Милвилле?

— Ну да, чем плохо? Наш городок и его жители.

— Да тут же не о чем писать!

Нэнси засмеялась и мимолетно коснулась моего плеча.

— Очень даже есть о чем! Сколько знаменитостей! Какие своеобразные характеры!

— У нас — знаменитости? — изумился я.

— Конечно! Билл Симпсон Ноуэлз — известная романистка, Бен Джексон — прославленный адвокат по уголовным делам, Джон Хартфорд стоит во главе исторического факультета в...

— Но ведь они уже не живут в Милвилле, — перебил я. — Здесь им нечего было делать. Они уехали куда-то и там прославились — и глаз не кажут в Милвилл, погостить и то не приедут.

— Но первые-то шаги они сделали тут, у нас, — возразила Нэнси. — Талант у них был, когда они еще не выезжали из Милвилла. И ты меня перебил, я не всех назвала. Из Милвилла вышло еще много выдающихся людей. Маленький, глупый, захолустный городишко, а породил столько прославленных деятелей, и мужчин и женщин, что больше ни один такой городок с ним не сравнится.

— Ты уверена?

Она говорила с таким жаром, что меня разбирал смех, но засмеяться я все же не посмел.

— Придется еще проверить, — сказала она, — но незаурядных людей из Милвилла вышло очень много.

— А насчет своеобразных характеров ты, пожалуй, права. Чудаков в Милвилле хватает. Шкалик Грант, Флойд Колдуэлл, мэр Хигги...

— Это все не то. Они своеобразные не в том смысле. Я бы даже не сказала, что они — характеры. Просто они личности. Они росли привольно, в непринужденной обстановке. Никто не подавлял их, не связывал всякими строгостями и ограничениями, и они остались самими собой. Наверно, в наше время только в таких захолустных городках и можно еще найти подлинно свободную индивидуальность.

Сроду я не слыхал ничего подобного. В жизни мне никто не говорил, что Хигги Моррис — личность. Да и какая он личность! Просто самодовольное ничтожество. И Хайрам Мартин тоже никакая не личность. Уж я-то знаю. В школьные годы он был драчун и нахал и вырос в безмозглого фараона.

— Ты со мной не согласен? — спросила Нэнси.

— Не знаю. Никогда об этом не думал.

А про себя подумал: ох уж эта образованность. Сколько лет Нэнси училась в университете, потом увлеклась общественной деятельностью, работала в Нью-Йорке по улучшению быта населения, потом год путешествовала по Европе — вот оно все и сказывается. Она чересчур уверена в себе, напичкана теориями и всяческой премудростью. Милвилл стал ей чужим. Она больше не чувствует его и не понимает — на родной дом не станешь смотреть со стороны и разбирать по косточкам. То есть она сколько угодно может по привычке называть наш городишко домом, но на самом деле он ей больше не дом. А может, никогда и не был домом? Правильно ли девчонке (или мальчишке, все равно) называть родным домом захудалый нищий поселок, если сама она живет в единственном богатом особняке, каким может похвастать эта богом забытая дыра, и папаша разъезжает в «кадиллаке», и к их услугам кухарка, горничная и садовник? Нет, Нэнси вернулась не домой; скорее, здесь для нее опытное поле, удобное место для наблюдений и изысканий. Она будет смотреть на Милвилл с высоты Шервудова холма, исследовать, раскладывать

по полочкам, она разденет нас донага и, как бы мы ни корчились от позора и мук, выставит нас напоказ, на забаву и поучение той публике, что читает подобные книги.

— Мне кажется, — сказала Нэнси, — в Милвилле есть что-то такое, что может быть полезно всему миру и чего пока в мире недостает. Некий катализатор, благодаря которому в человеке вспыхивает искра творчества. Особый голод, неутолимая пустота внутри, которая заставляет стремиться к величию.

— Голод и пустота внутри, — повторил я. — У нас тут есть семьи, которые тебе могут все до тонкости порассказать про голод и пустоту внутри.

Я не шутил. В Милвилле иные семьи живут впроголодь — не то чтобы умирают с голоду, но вечно недоедают и едят не добротную, вкусную и полезную пищу, а так, что придется. Три такие семьи я мог назвать с ходу, не задумываясь.

— Брэд, — сказала Нэнси, — тебе, видно, не по душе эта моя затея.

— Да нет, я не против. Какое у меня право говорить что-то против. Только уж, пожалуйста, пиши так, как будто ты тоже наша, здешняя, а не гостья — поглядываешь со стороны и посмеиваешься. Постарайся нам хоть немного посочувствовать. Попробуй влезть в шкуру тех, про кого пишешь. Это будет не так уж трудно, все-таки ты столько лет жила в Милвилле.

Нэнси засмеялась, но на этот раз ее смех прозвучал невесело.

— Я очень боюсь, что у меня просто ничего не выйдет. Начну, изведу гору бумаги, но все время надо будет возвращаться к началу, и менять, и переделывать, потому что меняются люди, про которых пишешь, или начинаешь смотреть на них другими глазами и понимать по-другому... и до конца я дописать не сумею. Так что можешь не беспокоиться.

Вероятно, она права, подумал я. Чтобы написать книгу, чтобы довести ее до конца, тоже нужно ощущать голод, пустоту

внутри, только это совсем другой голод. А Нэнси вряд ли так голодна, как ей кажется.

— Надеюсь, — сказал я. — То есть надеюсь, что ты напишешь свою книгу. И это будет хорошая книга, я уж знаю. Иначе просто быть не может.

Я старался как-то искупить недавнюю резкость, и Нэнси, видно, это поняла. Но ничего не сказала.

Экая глупость, ребячество, корил я себя. Разобиделся, распетушился, как заправский провинциал. А не все ли равно? Не все ли мне равно, что она там напишет, когда я и сам только сегодня стоял посреди улицы и чуть зубами не скрипел от ненависти к этому убогому городишке, к жалкому географическому ничтожеству под названием Милвилл.

А рядом сидит Нэнси Шервуд. Та самая, с которой на заре нашей юности мы ходили, взявшись за руки... Та, кого я вспоминал сегодня, когда бродил по берегу реки, пытаясь убежать от самого себя.

Что же случилось, не пойму... И вдруг Нэнси спросила:

— Что случилось, Брэд?

— Не знаю. Разве что-нибудь случилось?

— Не ершись, пожалуйста. Ты же сам знаешь, что-то неладно. Что-то у нас с тобой нехорошо.

— Наверно, ты права. Все как-то не так. Я думал, когда ты вернешься, будет совсем по-другому.

Меня тянуло к ней, мне хотелось ее обнять — и, однако, даже в эту минуту я понимал, что хочу обнять не эту Нэнси Шервуд, которая сидит рядом в машине, а ту, прежнюю подругу далеких-далеких дней.

Посидели, помолчали. И Нэнси промолвила:

— Давай как-нибудь в другой раз попробуем начать сначала. Давай забудем этот разговор. Как-нибудь вечером я надену свое самое нарядное платье, и мы с тобой поедем куда-нибудь, поужинаем вместе и немножко выпьем.

Я повернулся, протянул руку, но она уже отворила дверцу и вышла.

— Спокойной ночи, Брэд, — сказала она и побежала по дорожке к дому.

Я сидел и слушал, как она бежит по дорожке, потом по веранде. Хлопнула входная дверь, а я все сидел в машине, и эхо быстрых легких шагов все еще отдавалось где-то у меня внутри.

5

Поеду домой, говорил я себе. Даже не подойду к своей конторе и к телефону, который ждет на столе: сперва надо все путем обдумать. Ведь если, допустим, я пойду, сниму телефонную трубку и один из тех голосов отзовется — что я скажу? В лучшем случае — что я был у Джералда Шервуда и получил деньги, но, прежде чем браться за работу, которую они мне предлагают, надо же все-таки понять что к чему. Нет, это не годится: что толку бубнить заранее заготовленные слова, точно тупица по шпаргалке? Так я ничего не добьюсь.

И тут я вспомнил, что сговорился с Элфом Питерсоном с утра пораньше отправиться на рыбалку, и преглупо обрадовался: значит, утром некогда будет идти в контору!

Вряд ли что-либо менялось от того, сговорился я насчет рыбалки или не сговорился. Вряд ли тут что-либо могло измениться, какими бы рассуждениями я себя ни тешил. В ту самую минуту, как я давал себе клятву немедленно ехать домой, я уже знал, что неминуемо окажусь в конторе.

На Главной улице было тихо и безлюдно. Почти все магазины уже закрылись, только редкие машины еще стояли у обочин. Перед «Веселой берлогой» толпилась кучка фермеров — видно, собралась компания выпить пива.

У конторы я остановил машину и вылез. Вошел и даже не потрудился повернуть выключатель. Было не так уж темно: в окно падал с перекрестка свет уличного фонаря.

Я подошел к письменному столу, протянул руку, хотел снять трубку... телефона не было!

Я стоял столбом, смотрел на стол и глазам не верил. Наклонился, провел по столу ладонью, обшарил его весь, будто вообразил, что телефон вдруг стал невидимкой и если его не углядишь, то нащупать все-таки можно. На самом деле ничего такого я не думал. А просто никак не мог поверить собственным глазам.

Потом я выпрямился и застыл, а по спине у меня бегали мурашки. Наконец медленно, с опаской я повернул голову и оглядел все углы, вдруг там затаилась какая-то мрачная тень и подстерегает... Но нигде никто не прятался. И ничего в конторе не изменилось. Все было в точности как днем, когда я уходил, каждая мелочь на прежнем месте — только телефон исчез.

Я зажег свет и обыскал комнату. Пошарил по углам, заглянул под стол, перерыл все ящики, перебрал папки в шкафу.

Телефона как не бывало.

Впервые я по-настоящему струхнул. Может, кто-то нашел этот телефон? Ухитрился залезть в контору или каким-то образом отпер дверь — и стащил аппарат? Но зачем, почему? Он вовсе не бросался в глаза. То есть, конечно, у него нет ни диска, ни проводов, но если посмотреть в окно с улицы, вряд ли можно было это заметить.

Нет, скорее, тот, кто прежде оставил этот телефон у меня на столе, вернулся и забрал его. Может быть, это означает, что те, кто мне звонил и предлагал работу, передумали: решили, что я им не подхожу. И забрали телефон, а тем самым взяли назад и свое предложение.

Если так, остается одно: забыть об этой работе и вернуть деньги. Не так-то легко будет их вернуть. Они нужны мне, ох, как нужны — просто позарез!

Потом я сидел в машине и тщетно пытался понять — что же дальше? — но так ничего и не надумал, включил мотор и медленно покатил по Главной улице.

Завтра утром, думал я, заеду за Элфом Питерсоном, и двинем мы с ним на целую неделю на рыбалку. Да, хорошо бы потолковать со старым другом Элфом. Нам есть о чем потолковать — обсудим и его сумасшедшую работу в штате Миссисипи, и мое приключение с телефоном.

И может быть, когда Элф отсюда уедет, я поеду с ним. Чем дальше от Милвилла, тем лучше.

Я не стал заводить машину в гараж. Перед сном надо будет еще собрать и уложить все походное снаряжение и рыболовную снасть, чтобы завтра с утра выехать пораньше. Гараж у меня маленький, укладываться сподручнее прямо на дорожке.

Я вылез из машины и остановился. В лунном свете угрюмой горбатой тенью чернел дом; поодаль, за углом, поблескивали под луной два или три уцелевших стекла обветшалых, вросших в землю теплиц. И чуть виднелась макушка вымахавшего рядом с ними вяза. Помню, много лет назад я заметил нечаянно пробившийся побег — слабый, тоненький прутик — и хотел его выдернуть, но отец не позволил: дерево имеет такое же право жить, как и все мы, сказал он. Так и сказал: такое же право, как и мы. Удивительный человек был мой отец, в глубине души он верил, что цветы и деревья чувствуют и думают, как люди.

И опять я ощутил слабый аромат лиловых цветов, вольно разросшихся вокруг теплиц, — тот самый аромат, которым меня обдало у веранды Шервудов. Но магического круга на этот раз не было.

Я обогнул дом и остановился: в кухне горел свет. Наверно, забыл погасить, подумал я... Впрочем, хоть убей, не помню, чтобы я его зажег.

Но и дверь кухни оказалась открытой, а я точно помнил, как, уходя, захлопнул ее, да еще толкнул ладонью, проверяя, защелкнулся ли замок, и только потом пошел к машине.

Может быть, кто-то меня ждет или в доме побывал вор и все очистил, хотя, бог свидетель, поживиться у меня нечем. А может, ребята озоровали — есть у нас такие шалые, никакого удержу не знают.

Несколько быстрых шагов — и я так и встал посреди кухни. Тут и впрямь был посетитель, меня ждали.

На табурете сидел Шкалик Грант; он согнулся в три погибели, прижал обе руки к животу и медленно раскачивался из стороны в сторону, словно от боли.

— Грант! — крикнул я.

В ответ он то ли застонал, то ли замычал.

Опять нализался. Пьян вдрызг, в стельку, и как он умудрился допиться до такого состояния на тот мой несчастный доллар? А может, он сперва выпросил и еще у двоих или троих, чтобы уж сразу налакаться всласть?

— Грант, — зло повторил я, — какого черта?

Я обозлился всерьез. Пусть его пьет, сколько влезет, это не моя забота, но по какому праву он врывается ко мне в дом?

Шкалик опять простонал, свалился с табурета и нелепой кучей тряпья шмякнулся на пол. Что-то выпало из кармана его драной куртки, забренчало, зазвенело и покатилось по истертому линолеуму.

Я опустился на колени и с немалым трудом кое-как перевернул пьянчугу на спину, физиономия у него была распухшая, вся в багровых пятнах, дыхание неровное, прерывистое, но перегаром от него не пахло. Не веря себе, я наклонился пониже — нет, он явно трезвый!

— Брэд! — пробормотал он. — Это ты, Брэд?

— Я, я, не волнуйся. Сейчас я тебе помогу.

— Уже скоро, — зашептал он. — Времени в обрез.

— Что скоро?

Но он не ответил. Его одолел приступ удушья. Он силился что-то сказать и не мог, слова душили его, застревали в горле.

Я вскочил, кинулся в гостиную, зажег свет у телефона. Второпях, бестолково и неуклюже стал листать телефонную книжку, все время подворачивались не те страницы. Наконец я отыскал номер доктора Фабиана, набрал и стал ждать: в трубке раздавался гудок за гудком. Хоть бы старик был дома, хоть бы не укатил куда-нибудь по вызову! Если его нету, никто не отзовется, на миссис Фабиан надеяться нечего. У нее жестокий артрит, она еле ползает. Доктор всегда старается залучить кого-нибудь, чтоб присматривали за ней, когда его нет дома, и отвечали на звонки, но это ему не всякий раз удается. Миссис Фабиан — старуха нравная, на нее не угодишь, и сносить ее придирки никому не охота.

Наконец доктор снял трубку, и у меня гора с плеч свалилась.

— Док, — сказал я, — у меня тут Шкалик Грант, с ним что-то неладно.

— Пьян, наверно.

— Да нет, не пьян. Прихожу домой, а он сидит у меня на кухне. Его всего скрючило, и он что-то лопочет.

— Что же он лопочет?

— Не знаю. Говорить не может, лопочет не поймешь что.

— Хорошо, — сказал доктор Фабиан, — сейчас приеду.

Надо отдать старику справедливость: на него можно положиться. Днем ли, ночью, в ненастье ли — никогда не откажет.

Я вернулся в кухню. Грант перекатился на бок, он по-прежнему держался обеими руками за живот и тяжело дышал. Я не стал его трогать. Доктор скоро будет, а до тех пор я ничем не могу помочь. Уложить поудобнее? А может, ему удобней лежать на боку, а не на спине?

Я подобрал металлический предмет, который выпал у Гранта из кармана. Это оказалось кольцо с полудюжиной

ключей. На что ему, спрашивается, столько ключей? Может, он их таскает для пущей важности — воображает, будто они придают ему весу?

Я положил ключи на стол, вернулся к Шкалику и присел подле него на корточки.

— Я звонил доку, Грант, — сказал я. — Он сейчас приедет.

Шкалик, кажется, услыхал. Минуту-другую он пыхтел и захлебывался, потом выдавил из себя прерывистым шепотом:

— Больше помочь не могу. Ты остаешься один.

У него это вышло далеко не так связно — какие-то клочки, обрывки слов.

— Про что это ты? — спросил я, как мог мягко. — Объясни-ка, в чем дело.

— Бомба, — сказал он. — Они захотят пустить в ход бомбу. Не давай им сбросить бомбу, парень.

Не зря я сказал доктору Фабиану, что Грант не говорит, а лопочет.

Я вышел к парадной двери поглядеть, не видно ли доктора, и тут он как раз показался на дорожке.

Он прошел впереди меня в кухню и постоял минуту, глядя на Шкалика сверху вниз. Потом отставил свои чемоданчик, тяжело опустился на корточки и повернул Гранта на спину.

— Как самочувствие? — спросил он.

Шкалик не ответил.

— Глубокий обморок, — сказал доктор.

— Он только что со мной говорил.

— Что же он сказал?

Я покачал головой:

— Да так, чушь какую-то.

Доктор Фабиан вытащил из кармана стетоскоп и стал слушать сердце Гранта. Потом вывернул ему веки и посветил в глаза. Потом медленно поднялся на ноги.

— Что с ним? — спросил я.

— Шок. Не понимаю, в чем дело. Надо бы свезти его в Элмор, в больницу, и там обследовать по всем правилам.

Доктор устало повернулся и побрел в гостиную.

— Где у тебя телефон?

— В углу, возле лампы.

— Позвоню Хайраму, — сказал доктор. — Он отвезет нас в Элмор. Гранта уложим на заднее сиденье, я сам тоже поеду, пригляжу за ним.

На пороге он обернулся:

— У тебя найдется парочка одеял? Надо его укутать потеплее.

— Что-нибудь найду.

Я пошел за одеялами. Когда вернулся, доктор уже снова был на кухне. Вдвоем мы спеленали Гранта, как младенца. Он был весь обмякший, будто без костей, по лицу его ручьями струился пот.

— Непостижимо, как еще в нем душа держится, — сказал доктор Фабиан. — Живет в этой своей развалюхе у самого болота, хлещет спиртное подряд, без разбору, питается вообще неизвестно чем. Ест всякую дрянь, сущие помои. И за последние десять лет навряд ли хоть раз толком вымылся, — старик вдруг вспылил: — Черт знает, до чего безобразно иные субъекты относятся к собственному телу.

— Откуда он взялся? — спросил я. — Я всегда считал, что он родом нездешний. Но сколько себя помню, он вечно околачивался в Милвилле.

— Его сюда занесло уже тому лет тридцать, а то и побольше, — сказал доктор Фабиан. — Тогда он был еще совсем молодой. Нанимался то туда, то сюда, подрабатывал по мелочам, так тут и застрял. Никто не обращал на него внимания. Верно, думали — перекати поле, опять его каким-нибудь ветром унесет. А потом как-то так прижился, что Милвилл без него и

представить нельзя. Может, ему здесь понравилось. А может, просто не хватило ума двинуться дальше.

Мы помолчали.

— А почему он вдруг ввалился к тебе? — спросил доктор.

— Право, не знаю. Мы с ним всегда ладили. Иногда ходим вместе на рыбалку. Может, он просто шел мимо и вдруг ему стало худо.

— Может быть, и так, — согласился доктор.

В дверь позвонили, я вышел открыть и впустил Хайрама Мартина. Хайрам — рослый детина, морда у него мерзкая, зато полицейская бляха на лацкане всегда начищена до блеска.

— Где он? — спросил Хайрам.

— На кухне, — сказал я. — И доктор с ним.

Сразу видно было, что Хайраму вовсе не улыбается везти Шкалика в Элмор.

Он прошествовал в кухню и остановился, глядя на укутанное тело на полу.

— Пьян, что ли?

— Нет, — сказал доктор. — Он болен.

— Ладно, — проворчал Хайрам. — Машина у крыльца, мотор не выключен. Давайте перетащим его и поехали.

Втроем мы вынесли Шкалика из дому и пристроили на заднем сиденье.

Я стоял на дорожке, смотрел им вслед и спрашивал себя, каково-то будет Гранту очнуться в больнице. Уж верно, он вовсе не стремился туда попасть.

И еще мне было не по себе из-за доктора Фабиана. Он уже очень не молод, наверняка целый день мотался по больным и все-таки счел своим долгом поехать со Шкаликом.

Вернувшись на кухню, я надумал сварить себе кофе, хотел уже налить воду в кофейник — и увидел ту связку ключей, я ее раньше подобрал с полу и кинул на стол. Я взял ее в руки и стал разглядывать. Два ключа были большие, возможно от са-

рая, два — самые обыкновенные ключи, неизвестно от чего, один от машины и еще один, похоже, от сейфа. Я вертел их в руках, уже почти не глядя, и мысленно пожимал плечами. Откуда у нашего выпивохи ключ от машины, а тем более от сейфа? Машины у него нет — и, даю голову на отсечение, сроду у него не было ничего такого, что стоило бы хранить в сейфе.

Времени в обрез, сказал он мне, они захотят сбросить бомбу. Доктору я сказал, что Шкалик лопочет безо всякого смысла, но теперь, как вспомню, не так уж я в этом уверен. Он задыхался, каждое слово давалось ему с великим трудом, и все же он так старался. Нет, это были осмысленные слова, ему важно было их выговорить. Он непременно хотел их сказать, собрал для этого последние силы? Совсем не похоже на бред, когда язык сам собою мелет и мелет всякую чушь. Но он сказал слишком мало. Ему не хватило сил или, может быть, времени. Ему удалось выговорить лишь несколько слов, но в чем их смысл, понять невозможно.

Есть одно место, где я, пожалуй, еще до чего-нибудь дознаюсь и тогда пойму, что он хотел сказать, только очень мне это не по душе. Пьянчужка Грант — мой старинный друг, мы стали друзьями в тот далекий день, когда Грант, идучи ловить рыбу, прихватил с собой десятилетнего мальца и до вечера просидел с ним на берегу, без устали рассказывая всякие удивительные истории. Помню, тогда нам и кое-какая рыба попалась, но рыба — это было не главное. Важнее всего — это важно и по сей день, — что взрослый человек понимал десятилетнего мальчишку и держался с ним на равных. В тот день, в те несколько предвечерних часов, я разом вырос. Пока мы сидели на берегу реки, я был ничуть не меньше его — такой же человек, а это случилось со мной впервые.

Да, надо кое-что сделать... очень мне это не во душе... но, может, Шкалик и не рассердится. Он ведь пытался мне что-то

сказать и не сумел, не хватило сил. Уж, конечно, он поймет что если я воспользуюсь ключами и заберусь в его лачугу, так не с каким-то злым умыслом и не из праздного любопытства: надо же хоть попытаться понять, о чем он старался меня предупредить.

Еще никто никогда не переступал его порога. Свою халупу на окраине Милвилла, у самого болота, в которое переходит луг Джека Диксона, Грант строил понемногу, год за годом, из всякого хлама, какой попадался под руку: бревешко или доска, которая плохо лежит, расплющенная жестянка, обломок фанеры — все шло в ход. Сперва получилось что-то вроде конуры или курятника с односкатной крышей — лишь бы коекак укрыться от ветра и дождя. Но по кусочку, по щепочке год за годом Грант все укреплял и увеличивал эту странную постройку — и в конце концов вышло хоть и нелепое, нескладное, с какими-то корявыми выступами и углами, а все-таки жилище.

Итак, я решился, в последний раз подбросил ключи, на лету поймал и сунул в карман. Вышел из дому и сел в машину.

6

Призрачно белый туман тонкой пеленой стлался над болотом и завивался у подножия пригорка, на котором стояла хижина Шкалика. Дальше, за этой плоской белизной, вздымалась смутная тень: среди болота торчал поросший лесом островок.

Я остановил машину и вылез; в нос ударил едкий болотный дух: пахло тлением, плесенью, гниющими травами, ржавой стоячей водой. В сущности, не такой уж тошнотворный запах, и, однако, было в нем что-то нечистое, меня даже передернуло. Вероятно, к этому можно привыкнуть, подумал я.

Шкалик живет здесь так долго, что, скорей всего, принюхался и уже ничего не чувствует.

Я оглянулся на город — сквозь темную массу мрачных, будто в дурном сне приснившихся деревьев на миг блеснул луч уличного фонаря, что раскачивался на ветру. Да, можно не беспокоиться, я наверняка доехал незамеченным. Прежде чем свернуть с шоссе, я погасил фары и дальше, по проселочной дороге, которая, петляя, доходила до хижины Гранта, полз, как черепаха, при одном лишь тусклом свете луны.

Яко тать в нощи, подумалось мне. Да так оно и есть, вот только красть я ничего не собираюсь.

Тропинка привела меня к двери, слепленной, будто из заплат, из кривых, бросовых дощечек и обрезков; дверь заперта была на тяжелый засов с огромным висячим замком. Я попробовал один из больших ключей, он подошел, дужка замка откинулась. Толкнул дверь, она со скрипом отворилась.

Я засветил карманный фонарик, который на всякий случай прихватил из машины. С порога повел лучом вправо и влево. Стол, три стула, у одной стены койка, у другой очаг.

И — чистота. Деревянный пол устлан заботливо пригнанными друг к другу кусками линолеума. И линолеум протерт до блеска. Стены оштукатурены и тщательно оклеены клочками обоев, причем на какое-либо соответствие цвета и узора мастеру было в высшей степени наплевать.

Медленно поводя по сторонам лучом фонаря, я вошел в комнату. Теперь, кроме самых больших вещей, которые первыми бросились мне в глаза, — печка, стол, стулья, кровать, я стал замечать и другие, помельче.

И среди прочего — то, что должен был бы заметить прежде всего, но почему-то не заметил: на столе стоял телефон.

Я направил на него луч фонаря и долгие секунды смотрел, проверял то, что было очевидно с самого начала, с самого первого взгляда: у этого телефона не было ни диска, ни провода.

Да и окажись у него провод, его здесь не к чему было бы присоединить: телефонная линия никогда не доходила до этой халупы на краю болота.

Стало быть, их три... то есть это я знаю три. Один стоял у меня в конторе, другой — в кабинете Джералда Шервуда, а вот и еще один — в лачуге первейшего милвиллского лодыря и забулдыги.

А впрочем, не такой уж он забулдыга, как воображает весь Милвилл. Мы-то думали, он зарос грязью в своей развалюхе. А между тем пол вымыт, стены оклеены обоями, все чисто и опрятно.

Джералд Шервуд, я и Шкалик Грант — что, спрашивается, может нас объединять? И сколько еще в Милвилле таких телефонов? С кем еще соединяют нас неведомые, непонятные узы?

Я повел фонариком, луч взобрался на постель, застланную лоскутным одеялом — не смятым, не скомканным, а расправленным гладко, без единой морщинки. А потом луч осветил еще столик по ту сторону кровати. Под ним стояли две картонные коробки. Одна без всякой надписи, на крышке другой яркие крупные буквы — известная марка превосходного шотландского виски.

Я подошел к столику и вытащил ящик из-под виски. То, что я в нем увидел, меня огорошило. Я думал, там сложены белье и прочие пожитки или свален никчемный старый хлам, но никак не ожидал, что это и правда виски.

Не веря глазам, я доставал бутылку за бутылкой — непочатые, даже нераскупоренные. Потом снова поставил их все в ящик и осторожно присел на корточки. Где-то внутри росло желание расхохотаться... но, если вдуматься, тут было не до смеха.

Только сегодня Шкалик выклянчил у меня доллар, уверяя, что ему с самого утра нечем было промочить горло. А в это самое время у него под столом стоял целый ящик первоклассного виски.

Неужели весь его вид, его повадки завзятого пьяницы и забулдыги — просто маскарад? Грязные, обломанные ногти; мятая, драная одежда; вечно небритая физиономия и немытая шея, и вечно он клянчит на выпивку, и не брезгует самой грязной случайной работой ради хлеба насущного... так что же, все это — подделка и обман?

Но если это притворство, то — чего ради?

Я затолкал ящик с виски обратно под стол и вытащил вторую коробку. Тут было уже не виски, но и не какой-нибудь старый хлам. Тут были телефоны.

Я оцепенел, вытаращив глаза. Так, значит, вот каким образом тот аппарат попал ко мне на стол! Его принес Шкалик, а потом дожидался меня, подпирая стенку. Возможно, выходя из конторы, он увидал меня в конце улицы — и попытался единственно правдоподобным образом объяснить, с какой стати он тут околачивается. А может быть, это просто нахальство и больше ничего. И все время он втихомолку надо мной насмехался.

Нет, неправда. Не станет Грант надо мной насмехаться. Мы с ним старые, верные друзья, и не станет он надо мной измываться и дурачить меня. Тут кроется что-то серьезное, что-то очень, очень серьезное, тут совсем не до смеха.

Если это Шкалик принес телефон ко мне в контору, так, может, он сам его и забрал? Может, потому он и заявился вечером ко мне домой — хотел объяснить, отчего телефон исчез?

Нет, едва ли. Не похоже.

Но если телефон забрал не Шкалик, значит, тут замешан кто-то еще.

Вынимать телефоны из коробки не было никакой надобности, я отлично знал, что это такое. И все-таки вытащил их — и, конечно, не ошибся. Ни дисков, ни проводов у них не было. Я поднялся на ноги и постоял в раздумье, глядя на тот телефон, что стоял на столе; потом решился, подошел к столу и снял трубку.

— Слушаю! — отозвался уже знакомый мне деловитый голос. — Что вы можете сообщить?

— Это не Шкалик говорит, — сказал я. — Шкалика отвезли в больницу. Он заболел.

Короткая заминка, потом голос сказал:

— А, это мистер Брэдшоу Картер, не так ли? Очень мило, что вы позвонили.

— Я нашел телефонные аппараты у Шкалика. Я сейчас у него дома. А тот телефон, который был у меня в конторе, куда-то пропал. И я виделся с Джералдом Шервудом. Мне кажется, приятель, вам пора объясниться начистоту.

— Да, конечно, — сказал голос. — Как я понимаю, вы согласны представлять наши интересы.

— Стоп, одну минуту. Сперва объясните толком, в чем дело. И дайте мне время подумать.

— Ну вот что, — сказал голос, — вы все обдумайте и позвоните нам. А что вы сказали про Шкалика, куда его увезли?

— В больницу. Он заболел.

— Почему же он не сообщил нам! — ахнули в трубке. — Мы бы привели его в порядок. Ведь он прекрасно знает...

— Может быть, он просто не успел. Когда я его нашел, он был очень плох.

— Как называется то место, куда его увезли?

— Элмор. Элморская больница.

— Элмор. Да, да, конечно. Мы знаем, где это.

— Может, вы и Гринбрайер знаете?

Сам не понимаю, как это сорвалось у меня с языка. Я и не думал про Гринбрайер. Он вдруг выскочил из подсознания — быть может, где-то там, в глубине, наши здешние происшествия связались для меня с тем, что рассказывал о своей работе Элф.

— Гринбрайер? Да, разумеется. Это в штате Миссисипи. Маленький город, совсем как Милвилл. Так вы нас известите? Когда окончательно примете решение, вы нас известите?

— Извещу.

— Большое спасибо, сэр. Рады будем сотрудничать с вами.

И телефон заглох.

Значит, и в Гринбрайере тоже. Не только в Милвилле. А может, и во всем свете то же самое. Кой черт, что же это творится?

Надо поговорить с Элфом. Пойду сейчас домой и позвоню ему. Или лучше поеду к нему, поговорим с глазу на глаз. Наверно, он уже в постели — придется разбудить. Прихвачу чего-нибудь выпить.

Я взял телефон под мышку и вышел. Притворил дверь, проверил, защелкнулся ли замок, и пошел к своей машине. Открыл заднюю дверцу, поставил телефон на пол и накрыл плащом (он лежал сложенный на заднем сиденье).

Глупо, конечно, а все же как-то спокойнее, когда эта штука спрятана подальше и не бросается в глаза.

Потом я сел за руль и задумался. Пожалуй, не стоит ничего делать второпях, очертя голову. Завтра утром мы с Элфом все равно увидимся, и тогда будет вдоволь времени на разговоры: если надо, проговорим хоть целую неделю. А пока попробую сам обмозговать положение.

Час уже поздний, а надо еще собрать и уложить в машину все, что нужно для рыбалки, и хоть немного поспать.

Не делай глупостей, говорил я себе. Не спеши. Постарайся все продумать.

Дельный совет. Только для кого-нибудь другого. И даже для меня — но только в другое время и при других обстоятельствах. А тут надо было действовать совсем иначе. Надо было гнать во весь дух к «Стоянке Джонни» и вломиться к Элфу. Быть может, тогда все пошло бы по-другому. А впрочем, кто его знает. Наверняка никогда ничего не знаешь.

Короче говоря, я все-таки вернулся домой, уложил рыболовную снасть и все прочее в машину, соснул часок-другой (теперь понять не могу, как мне удалось уснуть), а ни свет ни заря меня поднял будильник.

И, не успев добраться до Элфа, я наткнулся на невидимый барьер.

7

— Эй! — радостно окликнуло меня развеселое пугало.

Он стоял передо мной нагишом и, пуская слюну, пересчитывал собственные пальцы.

Обознаться было невозможно. За минувшие годы он ничуть не изменился. Все то же безмятежно тупое выражение лица, лягушачий рот до ушей, в глазах ни искорки мысли. Как и все в Милвилле, я не видел его целых десять лет, но, казалось, он не стал старше. Разве что волосы отросли и спадали на плечи, но он так и остался безусым. Просто всю физиономию покрывал какой-то цыплячий пух. И он был совершенно голый, только на голове торчал невообразимый соломенный колпак. Да, это был он, Таппер. Все тот же прежний Таппер. Его нельзя было не узнать.

Он перестал считать пальцы и сглотнул слюну. Снял свою дурацкую шляпу и протянул мне, чтобы я получше ее разглядел.

— Сам сделал! — сказал он, раздуваясь от гордости.

— Отличная шляпа, — отозвался я.

А про себя подумал: Таппер — принесла же его нелегкая! Не знаю, откуда он вдруг взялся, но хуже времени выбрать не мог. У Милвилла сейчас хватает забот, ему пока не до Тапперов.

— Твой папа, — сказал Таппер Тайлер. — Где твой папа, Брэд? Мне надо ему кой-чего сказать.

А голос? Как можно было его не узнать? И как я мог забыть, что у Таппера необычайный дар подражания? Он всегда мастерски передразнивал любую птицу, лаял, мяукал и, к восторгу окружавшей его плотным кольцом хохочущей детворы, разыгрывал целые сценки — драку кошки с собакой или перебранку двух соседей.

— Твой папа? — повторил Таппер.

— Пойдем-ка в дом, — сказал я. — Дам тебе что-нибудь надеть. Нечего разгуливать в чем мать родила.

Он рассеянно покивал.

— Цветы, — сказал он. — Много-много, красивые.

И развел руки, показывая, как много цветов.

— Луга, луга. Всюду цветы. Конца-краю нет. И все лиловые. Такие красивые, и пахнут как хорошо, и какие добрые.

Рукой, похожей на птичью лапу, он утер подбородок, по которому во время этой длинной речи побежала струйка слюны. Потом вытер ладонь о бедро.

Я взял его за локоть, повернул и повел к дому.

— А твой папа? Мне надо рассказать твоему папе про цветы.

— После расскажешь.

Я заставил его подняться на веранду, подтолкнул к двери и вошел следом. Вот так-то лучше. Нечего ему болтаться в таком виде по улицам, людей пугать. А я и без того сыт по горло. Только вчера вечером у меня в кухне валялся без памяти Шкалик, и вот заявился нагишом Таппер. Чудаки — народ неплохой, и в захолустных городишках их всегда хватает, но сейчас это, право, некстати.

Все еще крепко держа Таппера за локоть, я привел его в спальню.

— Стой тут.

Он стал как пень посреди комнаты и только бессмысленно озирался, разинув рот.

Я отыскал рубашку, штаны. Вытащил пару башмаков, но поглядел на его ноги и сунул башмаки на прежнее место. Наверняка малы. У Таппера огромные, расшлепанные ножищи — видно, многие годы топал босиком.

Я протянул ему штаны и рубаху:

— Надевай. И сиди тут. Никуда не выходи.

Он не ответил и одежду не взял. И опять принялся пересчитывать свои пальцы.

До этой минуты мне недосуг было задумываться, а тут я впервые спросил себя — да где же он пропадал? Как это могло случиться: исчез человек, скрылся без следа ни много ни мало на десять лет, и вдруг — здрасте! — явился неведомо откуда...

Таппер исчез в тот год, когда я только поступил в среднюю школу, — мне это крепко запомнилось, потому что на целую неделю нас, мальчишек, отпустили с уроков и мы помогали его разыскивать. Миля за милей мы прочесывали поля и леса частой цепью, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и под конец думали уже, что найдем не живого человека, а мертвеца. Полиция обшарила дно реки, окрестные пруды и озера. Отряд милвиллцев под командой шерифа облазил болото за хижиной Шкалика, старательно прощупывая трясину длинными шестами. Отыскали множество бревен, два или три дырявых, выброшенных за ненадобностью бака для белья, да еще в дальнем конце — давным-давно издохшего пса. Таппера не нашли.

— Ну что же ты, — сказал я ему. — На, оденься.

Он досчитал пальцы и из вежливости утер подбородок.

— Мне надо назад, — сказал он. — Цветы не могут долго ждать.

Он протянул руку и принял штаны и рубаху.

— Мои старые изорвались, — пояснил он. — Просто взяли и свалились с меня.

— Полчаса назад я видел твою матушку, — сказал я. — Она тебя искала.

Сказал и насторожился: еще вскинется, никогда не знаешь, какая муха его укусит. Но я нарочно сказал неосторожные слова — вдруг это немного встряхнет его, всколыхнет в нем каплю здравого смысла.

— А она всегда меня ищет, — беспечно отвечал Таппер. — Она думает, я еще маленький, мне нянька нужна.

Как будто он и не пропадал. Как будто не прошло десять лет. Как будто он вышел из родительского дома всего час назад. Как будто время ничего для него не значило... да, наверно, так оно и было.

— Оденься, — велел я. — Сейчас вернусь.

Прошел к телефону и набрал номер доктора Фабиана. Зачастили гудки: занято.

Я повесил трубку. Кому еще позвонить? Можно Хайраму Мартину. Наверно, ему-то и надо звонить. Но стоит ли? Доктор Фабиан — вот кто здесь нужен, он умеет обращаться с людьми. А Хайрам только и умеет ими помыкать.

Я еще раз набрал номер доктора. Опять занято.

Брякнув трубку на рычаг, я кинулся в спальню. Таппера нельзя надолго оставлять одного. Кто его знает, что он может натворить.

И все-таки я мешкал слишком долго. Его совсем не годилось оставлять одного.

Спальня была пуста. Окно раскрыто настежь, рама с москитной сеткой выломана, Таппера как не бывало.

В два прыжка я пересек комнату, высунулся из окна — никого!

В глазах у меня потемнело от страха. Почему — непонятно. Ну что за важность, если Таппер и удрал, сейчас есть заботы поважнее. И, однако, бог весть почему, я знал: надо его догнать, вернуть, ни в коем случае нельзя снова его упустить.

Безотчетно, не думая, я отошел вглубь комнаты, разбежался и нырнул головой в окно. Свалился наземь, ударился плечом, перевернулся и вскочил.

Таппера нигде не было видно, но теперь я понял, куда он пошел. На росистой траве ясно виднелись следы, они вели за угол дома, к старым теплицам. Он пошел прямиком к чаще лиловых цветов, они разрослись на заброшенном участке, где когда-то мой отец, а потом и я разводили на грядках цветы и овощи на продажу. Таппер прошел шагов двадцать вглубь этого лилового островка, за ним тянулась отчетливая борозда: примятые стебли еще не успели расправиться, и листья, с которых он стряхнул росу, были темнее остальных.

В двадцати шагах борозда обрывалась. Дальше и вокруг лиловые цветы стояли совершенно прямо, сплошь посеребренные капельками росы.

И больше никаких следов. Таппер не вернулся той же дорогой и не двинулся потом в другую сторону. Только одна эта протоптанная им узкая тропинка вела прямиком в заросли лиловых цветов и там обрывалась. Словно он вдруг распахнул крылья и взлетел или же провалился сквозь землю.

Что ж, где бы он ни был, какие бы фокусы ни выкидывал, из Милвилла ему не сбежать. Милвилл замкнут со всех сторон загадочной незримой оградой.

Мир вдруг наполнился истошным воплем — пронзительным, нескончаемым, леденящим душу. Застигнутый врасплох, я вздрогнул и оцепенел. А нестерпимый вой длился и длился, вздымался до небес, заполнял Вселенную.

Я почти сразу понял, что это такое, но еще долгие секунды не проходило мучительное, сводящее каждую мышцу оцепенение, и внутри все оледенело от невыразимого ужаса. Уж очень много всякого стряслось за последние часы, и этот железный вопль добил меня, я чувствовал: еще чуть — и не выдержу!

Понемногу я кое-как совладал с собой и направился к дому.

А она все выла, вопила во всю мочь, неистово, неумолчно, — сирена на здании муниципалитета, вестница тревоги.

8

Когда я дошел до дверей, по улице уже бежали люди — сломя голову, вытаращив глаза, неслись они туда, откуда изливался надрывный вой, словно сирена эта — чудовищная дудка в руках Крысолова в последний день бытия, а они — крысы и нет для них ничего страшней, чем опоздать на зов.

Торопливо прихрамывал дряхлый дядюшка Эндрюс, с необычайной силой размахивая костылем, громко стуча им по тротуару, и ветер вздувал ему до самых глаз длинную седую бороду.

С мрачной решимостью ковыляла мамаша Джоунс, она нахлобучила на голову старомодный капор с огромными полями для защиты от солнца, но забыла завязать ленты, и они болтались по плечам. Сия музейная редкость сохранилась у нее одной во всем Милвилле (а быть может, и в целом свете), и старуха ужасно этим чванилась, словно щеголять в головном уборе, в каких разгуливали модницы прошлого века, — признак величайшей добродетели. Следом шагал пастор Сайлас Мидлтон, на лице его застыла гримаса брезгливого осуждения, и все-таки он влился в общий поток. Продребезжал древний «форд». К рулю пригнулся сумасбродный мальчишка Джонсон; в машине полно было его приятелей, таких же хулиганов, они вопили, свистели, мяукали — словом, рады были случаю пошуметь. Спешили еще и еще милвиллцы, наперегонки мчались дети и собаки.

Я отворил калитку и вышел на улицу. Но не бросился бежать, как другие, я ведь уже знал, из-за чего тревога, и меня

угнетало и давило еще многое, чего пока не знал никто. Главное — Таппер Тайлер: как он связан с тем, что происходит?

Пусть это дико, нелепо, но в глубине души я уверен — без Таппера тут не обошлось, каким-то образом он заварил эту кашу.

Надо бы все обдумать, разобраться, но уж очень это огромно, и никак не укладывается в голове, и не за что зацепиться... За этими мыслями я не услышал, как сзади, словно крадучись, подкатила машина. Очнулся, только когда щелкнула распахнутая дверца.

Я круто обернулся — за рулем сидела Нэнси Шервуд.

— Садись, Брэд! — крикнула она сквозь вой сирены.

Я поспешно сел рядом, захлопнул дверцу, и мы понеслись. Машина была большая, мощная, верх опущен; с непривычки как-то чудно мчаться в открытой машине, когда над головой ничего нет.

Сирена утихла. Только что мир был до отказа полон воем ее медной глотки — и вот все оборвалось коротким жалобным стоном и смолкло. Настала тишина — огромная, давящая, под ее необъятным грузом глубоко в мозгу еще таился слабый рыдающий отзвук. Словно вой не совсем кончился, а лишь отодвинулся куда-то очень далеко.

Тишина обдала холодом, я почувствовал себя беззащитным и беспомощным. Глупо: будто, пока выла сирена, у нас была цель, было зачем и куда стремиться. А смолкла она — и непонятно, куда идти и что делать.

— Хорошая у тебя машина, — сказал я первое, что пришло в голову. Ничего другого не подвернулось, а что-то сказать было необходимо.

— Это мне отец подарил ко дню рожденья, — ответила Нэнси.

Машина шла бесшумно, мотора совсем не было слышно, только глухо шуршали шины по асфальту.

— Слушай, Брэд, что происходит? Кто-то мне говорил, будто твоя машина валяется разбитая, а тебя нигде нет. Это не из-за твоей аварии запустили сирену? И еще, говорят, на шоссе пробка, застряла масса машин...

— Вокруг Милвилла поставили ограду, — сказал я.

— Кто поставил? Зачем?

— Это не простая ограда. Ее не видно.

Мы подъезжали к Главной улице, здесь народу стало больше. Шли не только по тротуарам, но и по газонам перед домами, и прямо по мостовой. Нэнси сбавила скорость, машина теперь еле ползла.

— Так ты говоришь, ограда?

— Ну да. Автомобиль без шофера и без пассажиров может пройти сквозь нее, а человека она не пропускает. Подозреваю, что она не пропустит ничего живого. Заколдованная стена, как в волшебной сказке.

— Не хватало еще, чтобы ты верил в волшебство!

— Час назад не верил. А теперь не знаю...

Мы выехали на Главную улицу, тут перед муниципалитетом собралась толпа, все время подходили еще и еще люди. Подбежал Джордж Уокер, мясник из магазина «Рыжий филин»: край белого фартука заткнут за пояс, белый полотняный колпак съехал на ухо. Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, забралась на какой-то ящик посреди тротуара, чтоб лучше видеть, что творится вокруг; Батч Ормсби, хозяин заправочной станции напротив муниципалитета, стоял у обочины и усердно тер комком ветоши перепачканные смазкой ладони, словно знал, что вовеки не ототрет их дочиста, а все-таки обязан стараться.

Нэнси подвела машину к бензоколонке и заглушила мотор.

Размашисто шагая по бетонной площадке, к нам подошел какой-то человек. Наклонился, оперся скрещенными руками о дверцу.

— Ну, приятель, как дела? — спросил он.

Минуту я смотрел на него, не узнавая, и вдруг вспомнил. Он, видно, понял.

— Угу, — подтвердил он. — Я самый. Это я разбил твою машину.

Он выпрямился и протянул руку.

— Звать меня Гэбриел Томас. Попросту сказать, Гейб. Мы тогда на дороге и назваться-то не успели.

Я пожал ему руку и назвал себя, потом представил ему Нэнси.

— Говорят, на шоссе что-то случилось, мистер Томас, — сказала она. — Но Брэд мне не рассказывает.

— Видите ли, мисс, тут дело темное, — сказал Гейб. — Вроде ничего и нет, наезжаешь на пустое место, а оно тебя не пускает — все равно как в каменную стену уперся. Проехать нельзя, а видно все насквозь.

— Звонили вы своему начальству? — спросил я.

— А как же. Ясно, звонил. Да только никто мне не поверил. Думают, я пьян. Думают, я до того допился, что боюсь ехать, вот и отсиживаюсь где-то. Думают, я сочинил эту дурацкую историю себе в оправдание.

— Они вам так и сказали, мистер Томас?

— Нет, мисс, не сказали, да только я и сам знаю, что они думают. То и обидно, что им такое в голову пришло. Я ж непьющий. И ничего за мной худого не водится. Я же три года кряду премии получал за классную езду.

— Ума не приложу, как быть, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Никак не выберусь из этого городишки. Никакого просвета нет. В какую сторону ни подамся — всюду стена. До моего дома пятьсот миль, жена одна осталась, на руках шестеро ребятишек, меньшой еще в пеленках. Ума не приложу, как она там управится. Она, понятно, привыкла, что я уезжаю. Так ведь я всегда за три дня оборачиваюсь, на худой конец — за четыре. А ну как застряну тут недели на три, а то и на все три

месяца? Что ей тогда делать? Денег взять неоткуда, а за квартиру плати да шесть ртов прокорми.

— Может, это и ненадолго, — сказал я; мне хотелось его немного подбодрить. — Может, кто-нибудь сообразит, как этот барьер одолеть. А может, он пропадет сам собой. И потом, мне кажется, компания пока будет выплачивать ваше жалованье жене. Ведь вы-то не виноваты...

Он презрительно фыркнул.

— Чтоб эти выжиги да заплатили? Держи карман шире! Знаю я ихнюю шатию.

— Да вы не волнуйтесь, — уговаривал я. — Мы еще не знаем, что случилось, надо сперва разобраться...

— Это верно, — согласился Гейб. — Все-таки я ж не один такой. Я тут со многими толковал, которые тоже попались. Вот только что у парикмахерской мне один говорил — у него жена лежит в больнице... в этом, как бишь его...

— В Элморе, — подсказала Нэнси.

— Вот-вот. Жена в Элморе в больнице, а он рвет и мечет, боится — вдруг не сумеет ее навестить. Все твердит — хоть бы это поскорей уладилось, хоть бы ему отсюда выбраться. Видно, жена очень плоха, он ее навещал каждый божий день. И она его ищет и наверняка не поймет, чего он не едет. Вроде она малость не в своем уме и ей не втолкуешь. И еще тут один. У него вся семья гостила в Йеллоустоуне, и как раз нынче он ждет их домой. Приедут, говорит, усталые, дорога-то не близкая, а домой не попасть. Он их ждет среди дня. Решил выйти на дорогу и ждать у самого барьера. Встречай не встречай, толку-то чуть, но он говорит — больше ничего придумать не могу. Потом тут куча народу работает на стороне, и теперь они не могут попасть на работу. А еще, кто-то рассказывал, одна здешняя девушка собирается замуж за парня из Кун Вэли — есть такое место поблизости, — и они хотели завтра обвенчаться, а теперь, понятно, свадьбы не выйдет.

— Вы, я вижу, со многими успели потолковать, — заметил я.

— Тише! — сказала Нэнси.

На той стороне улицы, на высоком крыльце муниципалитета, появился наш мэр Хигги Моррис и замахал руками, чтоб все замолчали.

— Сограждане! — заорал Хигги фальшивым голосом, будто на предвыборном собрании; от такого голоса сразу начинает тошнить. — Сограждане, призываю вас соблюдать тишину и спокойствие!

— А ну, скажи им, Хигги! — выкрикнул кто-то.

В толпе прокатился смех, но совсем невеселый.

— Друзья, — продолжал Хигги, — нам грозят неприятности. Вы про это, наверно, уже слышали. Не знаю, что именно вы слышали, ходит уйма всяких сплетен. Я и сам не знаю точно, что случилось. Прошу прощенья, что пришлось пустить в ход сирену, но это был самый быстрый способ созвать вас сюда.

— Да ладно, черт с ним! — крикнул кто-то. — Давай ближе к делу, Хигги!

На этот раз никто не засмеялся.

— Ладно, попробую ближе к делу, — сказал Хигги. — Не знаю, как бы это выразиться — в общем, мы отрезаны. Нас огородило каким-то непонятным забором — ни к нам, ни от нас ходу нет. Не спрашивайте, что это за забор такой и откуда он взялся. Понятия не имею. Наверно, сейчас ни одна душа этого не знает. Может, в нем ничего страшного и нет и нечего нам волноваться. Может, это ненадолго, может, оно и само исчезнет. А я вот что хочу вам сказать: сохраняйте спокойствие. Мы все вместе очутились в этой ловушке, и надо всем вместе искать выход. Пока бояться нечего, опасности никакой нет. Мы отрезаны только в том смысле, что сами не можем выбраться из города. Но связь с внешним миром у нас есть. Телефон работает, газ подается, электричество не выключилось.

Запасы продовольствия у нас есть, вполне хватит дней на десять, а то и больше. И если даже запасы придут к концу, мы достанем еще. Можно подвести грузовики с продуктами и со всем, что нам понадобится, впритык к этому самому забору, потом водитель вылезет, а машину можно будет протолкнуть или перетянуть через забор. Он не пропускает только людей и вообще живую тварь.

— Одну минутку, мэр! — крикнул кто-то.

— Да? — Хигги огляделся, отыскивая глазами того, кто посмел его перебить. — Это вы кричали, Лен?

— Я кричал.

Теперь и я увидал, что это Лен Стритер, учитель естествознания из нашей школы.

— Что вы хотите сказать? — спросил Хигги.

— Насколько я понимаю, ваше последнее утверждение — будто сквозь преграду проходят только неодушевленные предметы — основано на случае с тем автомобилем на кунвэлийской дороге.

— Вот именно, — снисходительно подтвердил Хигги. — На том самом и основано. А вам что об этом известно?

— Ничего, — сказал Лен Стритер. — Об автомобиле мне ровно ничего не известно. Но, я полагаю, вы намерены расследовать это явление, строго соблюдая законы логики.

— Совершенно верно, — с лицемерной кротостью подтвердил Хигги. — Именно так мы и намерены поступать.

Ясно было, он понятия не имеет, о чем говорит Стритер и куда клонит. А Стритер продолжал:

— В таком случае должен вас предостеречь: не спешите с выводами, не то можно совершить грубую ошибку. Например, если в автомобиле не было человека, это еще не значит, что там вообще не было ничего живого.

— Так ведь не было! — возразил Хигги. — Водитель бросил машину и куда-то ушел.

— Кроме людей, в природе существуют и другие живые организмы, — терпеливо объяснял Стритер. — Мы не можем утверждать, что в этом автомобиле не было ничего живого. Напротив, с уверенностью можно сказать, что какие-то формы жизни там были. Возможно, внутри застряла муха. На капоте мог сидеть кузнечик. Безусловно, и в самой машине, и на внешней ее поверхности имелись различные микроорганизмы. А это такие же живые организмы, как и мы с вами.

Хигги слушал растерянно и с досадой. Видно, не понимал — может, Стритер попросту над ним насмехается? Должно быть, он сроду и слов таких не слыхивал: микроорганизмы...

— А знаете, Хигги, наш юный друг прав, — раздался новый голос, который я тотчас узнал: это говорил доктор Фабиан. — Разумеется, микроорганизмы там были. Кое-кому из нас следовало сразу это сообразить.

— Ладно, пускай, — сказал Хигги. — Будь по-вашему, док. Пускай, Лен верно говорит. Да нам-то не все равно?

— Пока, пожалуй, все равно, — согласился доктор.

— Я просто хочу подчеркнуть, что суть не только в том — живые организмы или неодушевленные предметы, — сказал Стритер. — Если мы хотим понять создавшееся положение, нельзя исходить из неверных предпосылок. Иначе мы с самого начала ступим на ложный путь.

— У меня вопрос, мэр, — сказал кто-то сзади, я обернулся, но не увидал, кто именно.

— Валяй, друг, — обрадовался Хигги, очень довольный, что кто-то прервал непонятные рассуждения Стритера.

— Вот какое дело, — продолжал тот же голос. — Я работаю на прокладке дороги, это к югу от Милвилла. А теперь на работу не попадешь. Может, денек-другой меня и не уволят, а уж больше подрядчик ждать не станет, и думать нечего. У него время считанное, сами понимаете: подрядился сделать к сроку, опоздал — за каждый лишний день плати неустойку.

Ему рабочий на месте нужен. Может, день-два обождет, а там и другого наймет.

— Это я все знаю, — сказал Хигги.

— И я не один, — продолжал рабочий. — В Милвилле полно таких, кто работает на стороне. Не знаю, как другим, а мне без заработка не прожить. У меня никаких капиталов не отложено. А ежели на работу не доберешься, жалованья не получишь, сбережений ни гроша — так что же это с нами будет?

— Про это я и хотел сказать, — заявил Хигги. — Я знаю, положение у тебя трудное. И еще у многих. Милвилл — невелик городок, на всех работы не хватает, очень многим приходится зарабатывать на стороне. И я знаю, многие из вас еле дотягивают до получки, а больше вам жить не на что. Надеюсь, это дело скоро уладится, так что вы все вовремя вернетесь к работе и места никто не потеряет. Но вот что я вам еще скажу. Даю вам слово: если это и не враз уладится, никому из вас не придется голодать. И никого не выгонят на улицу, если вы задолжаете за квартиру или не внесете в срок арендную плату. Ничего худого с вами не случится. Из-за этой чертовщины многие потеряют работу, но о вас позаботятся, ни одного человека не бросят на произвол судьбы. Я назначу особую комиссию для переговоров с торговцами и с банком, и мы установим такую систему кредита, чтоб вы могли просуществовать. Кому потребуется кредит или ссуда, тот ее получит, можете не сомневаться. Верно я говорю, Дэн?

И Хигги поглядел на Дэниела Виллоуби, который стоял там же на крыльце, ступенькой ниже.

— Да, да, — сказал банкир. — Ну конечно, все правильно. Мы сделаем все, что только в наших силах.

Но обещание Хигги пришлось ему очень не по вкусу. Это сразу было видно. И согласился он скрепя сердце. Если уж Дэн выкладывает хоть один доллар, так будьте любезны, дайте ему залог, гарантию, надежное обеспечение!

— Пока мы еще не знаем, что такое стряслось, — продолжал Хигги. — Но, может быть, уже сегодня вечером будем знать куда больше. Самое главное — сохранять спокойствие и не терять головы. Не буду врать, я не знаю, как обернется эта история. Если забор так и останется на месте, некоторых затруднений не миновать. Но пока все не так уж плохо. Еще часа два назад почти никто и не знал, что есть на свете такой городок Милвилл. По правде говоря, ничего такого примечательного в нем не было. А сейчас мы прогремим на весь мир. О нас уже заговорили и газеты, и радио, и телевидение. Вот пускай сюда выйдет Джо Эванс, он вам подробно расскажет.

Хигги оглядел толпу, высматривая Эванса.

— Эй, вы там, расступитесь-ка немного, дайте ему пройти.

Наш газетчик поднялся на крыльцо и обернулся к толпе.

— Пока что рассказывать особенно нечего, — сказал он. — Меня вызывали очень многие телеграфные агентства и несколько газет. Все расспрашивали, что у нас тут происходит. Я рассказал все, что знаю, только знаю-то я немного. Одна телевизионная компания посылает к нам из Элмора съемочную группу. Когда я сейчас уходил из дому, телефон все звонил, и в редакцию, наверно, тоже звонят без передышки. Надо думать, газеты и радио уже не выпустят нас из виду, не сомневаюсь, что и власти штата, и правительство не бросят нас на произвол судьбы. Как я понимаю, нашим положением всерьез заинтересуются и научные круги.

— А, по-твоему, эта ученая братия сумеет нас выручить? — спросил все тот же дорожный рабочий.

— Не знаю, — ответил Джо.

Сквозь толпу протолкался Хайрам Мартин и деловито зашагал через улицу. Куда это он собрался?

Кто-то еще спрашивал о чем-то мэра, но озабоченный вид Хайрама отвлек меня, и я прослушал, о чем речь.

— Брэд, — раздалось над ухом.

Я обернулся.

Рядом стоял Хайрам. Шофер грузовика еще раньше куда-то скрылся.

— Что тебе? — спросил я.

— Ты свободен? Мне надо с тобой потолковать.

— Валяй, я свободен.

Он мотнул головой в сторону муниципалитета.

— Ладно, — сказал я, открыл дверцу и вылез из машины.

— Я тебя подожду, — сказала Нэнси.

Хайрам, огибая толпу, двинулся к боковому входу в здание муниципалитета. Я за ним.

Но все это мне сильно не понравилось.

9

Хайрам привел меня в свой закуток рядом с помещением, где стояли машины пожарной команды. В закутке только и хватало места для стола да двух стульев. На стене позади стола болтался огромный, кричаще яркий календарь с изображением голой девицы.

А на столе стоял телефон без диска.

Хайрам широким жестом указал на него и спросил:

— Это что такое?

— Телефон, — сказал я. — С каких пор ты стал такой важный, что у тебя целых два телефона?

— Погляди получше.

— Все равно телефон.

— Лучше гляди, — настаивал Хайрам.

— Какой-то дурацкий аппарат. У него нет диска.

— А еще чего?

— Вроде все. Только диска нету.

— И провода нету, присоединить нечем, — сказал Хайрам.

— А я и не заметил.

— Что-то чудно, — сказал Хайрам.

— Почему чудно? — обозлился я. — И на кой черт ты меня сюда приволок — чтоб я любовался каким-то дурацким телефоном?

— Чудно потому, что телефон-то этот был у тебя в конторе.

— Ничего подобного. Эд Адлер вчера снял у меня телефон. За неуплату.

— Сядь-ка, Брэд.

Я сел, и Хайрам сел напротив.

Лицо у него было пока словно бы даже добродушное, но в глазах появился особенный блеск... этот блеск был мне хорошо знаком по прежним временам, так смотрел Хайрам в школьные годы, когда загонял меня в угол и знал, что податься мне некуда и не миновать драки, и он наверняка излупцует меня до полусмерти.

— Ты что, в первый раз видишь этот телефон? — спросил он.

Я кивнул:

— Когда я вчера уходил из конторы, у меня там телефона не было. Ни этого, ни какого другого.

— Удивительно!

— И мне тоже удивительно. Не знаю, куда ты гнешь. Объясни толком.

Я знал, что никакое вранье меня не выручит, но старался пока выгадать время. Уж, наверно, сейчас у него нет доказательств, что я как-то причастен к этому телефону...

— Ладно, объясню, — сказал Хайрам. — Том Престон — вот кто его у тебя видел. Он послал Эда снять у тебя аппарат, а попозже днем шел мимо, ненароком поглядел, а телефон стоит на столе. Ну, его разобрала досада. Ты, верно, и сам понимаешь.

— Еще бы, — сказал я. — У Тома характер известный. Воображаю, как его там разобрало.

— Он же велел Эду снять телефон. Сперва он подумал — может, ты как-нибудь Эду заговорил зубы. Или, может, Эд сам не торопился. Том же знает, что вы с Эдом друзья.

— Значит, его так разобрала досада, что он взломал дверь и сам унес телефон.

— Нет, — сказал Хайрам, — ничего он не взламывал. Он вошел в банк и выпросил у Дэниела Виллоуби ключ.

— А между прочим, помещение арендую я.

— Арендуешь, да не платишь. Уже за целых три месяца не уплачено. Так что, я считаю, Дэниел в своем праве.

— А я считаю, что Том с Дэниелом вломились ко мне безо всякого на это права и еще обокрали меня.

— Говорят тебе, никто никуда не вламывался. И Дэниел тут ни при чем. Он просто дал Тому запасной ключ. Том вернулся один. И потом, ты ж сказал, этот телефон не твой и ты его раньше в глаза не видал?

— Не в том дело. Мало ли что у меня есть в конторе, а Том не имеет права ничего трогать. Все равно, мое оно или не мое. Почем я знаю, может, он и еще что-нибудь стащил?

— Ничего он у тебя не тащил, черт подери, ты это и сам знаешь! И сам просил, чтоб я тебе рассказал что к чему.

— Так давай рассказывай.

— Ну вот, Том взял ключ, вошел и сразу увидал, что телефон какой-то не такой. Без диска и никуда не присоединен. Он было собрался уходить, а тут телефон возьми да и зазвони.

— Как ты сказал?

— Телефон зазвонил.

— Без провода? Невключенный?

— Ну да, а все равно он зазвонил.

— Ага, — сказал я. — Стало быть, Том снял трубку, и это звонил Санта-Клаус.

— Том снял трубку, и это звонил Таппер Тайлер.

— Таппер?! Но ведь он...

— Знаю, знаю, — сказал Хайрам. — Таппер пропал без вести. Уже лет десять, что ли. Но Том говорит, это голос Таппера. Говорит, обознаться невозможно.

— И что же Таппер ему сказал?

— Том снял трубку — слушаю, мол, а Таппер спросил, кто это говорит. Том сказал. Тогда Таппер ему и говорит — убирайся подальше от этого телефона, он не про тебя. И все заглохло.

— Слушай, Хайрам, да ведь Том тебя просто разыграл.

— Ну, нет. Он подумал, это его кто-то разыгрывает. Он подумал, это вы с Эдом подстроили. В насмешку. Хотели с ним сквитаться.

— Что за чушь! — сказал я. — Даже Если б мы с Эдом состряпали такую штуковину — откуда нам было знать, что Том вломится в контору?

— С вас все станется.

— Да ты что? Может, ты поверил в эту ерунду?

— Ясно, поверил. Говорю тебе, дело темное, что-то тут нечисто.

Но в голосе его не было уверенности, он словно бы оборонялся. Я его провел. Он хотел припереть меня к стенке, да не вышло, и теперь он чувствовал, что попал малость впросак. Но еще немного — и он обозлится. Он такой.

— Когда Том тебе все это рассказал? — спросил я.

— Нынче утром.

— А почему не вчера вечером? Если уж он вообразил, что это так важно...

— Да нет же, говорят тебе. Он не думал, что важно. Думал, это розыгрыш. Думал, это вы подстроили ему назло. А вот нынче утром, как началась кутерьма, тут он и решил, что дело-то серьезное. Вчера-то он, когда поговорил с Таппером, просто забрал аппарат. Решил, понимаешь, что еще неизвестно, кто на ком отыграется. Сперва он думал, это все твои фокусы...

— Понимаю, — сказал я. — А теперь он думает, что это и вправду звонил Таппер, и звонил не кому-нибудь, а мне.

— Ну да, верно. Он забрал этот аппарат к себе домой и вечером несколько раз снимал трубку, и телефон был вроде как включенный, только никто не отзывался. Вот это его и ошарашило — что телефон вроде дышит, как будто включенный. Он все ломал голову, в чем тут секрет. Понимаешь, проводов-то нет, аппарат ни в какую сеть не включен, а дышит.

— И теперь вы с ним хотите меня за эту штуку притянуть к ответу?

Лицо у Хайрама стало злобное.

— Меня не проведешь, — сказал он. — Я же знаю, ты что-то крутишь. Ездил зачем-то вчера вечером на болото к Шкалику, вот когда мы с доком повезли его в больницу.

— Правильно, ездил, — сказал я. — Потому что нашел его ключи, они у него выпали из кармана. Вот я и поехал посмотреть, все ли там у него в порядке, может, он и дверь забыл запереть, мало ли.

— Не просто ездил, а воровским манером, — сказал Хайрам. — Когда сворачивал с шоссе, погасил фары.

— Ничего не гасил, они сами погасли. Короткое замыкание. Когда я оттуда уезжал, мне сперва пришлось исправить цепь.

Отговорка не бог весть какая. Но лучшей я наспех не придумал. Впрочем, Хайрам придираться не стал.

— Нынче утром мы с Томом тоже побывали в логове у Шкалика, — сказал он.

— Стало быть, вот кто за мной шпионил — Том!

— Он уж больно расстроился из-за этого телефона, — проворчал Хайрам. — И подозревал, что это твоих рук дело.

— И вы, значит, вломились к Шкалику в дом. Ясно, вломились. Я, когда уходил, дверь запер на замок.

— Ага, вломились, — подтвердил Хайрам. — И нашли еще такие телефоны. Полный ящик.

— Не пяль на меня глаза, — сказал я. — Я там никаких телефонов не видал. Я не сыщик, по чужим углам ничего не вынюхиваю.

Мне ясно представилось, как эти двое, точно гончие псы, с ходу ворвались в хижину Шкалика, убежденные, что напали на след какого-то преступного заговора: что именно тут кроется, в чем соль, — кто его знает, но уж мы-то со Шкаликом наверняка кругом виноваты!

А ведь какой-то заговор и вправду существует, сказал я себе, и мы со Шкаликом вправду увязли... Надеюсь, хоть Шкалик понимает, в чем тут соль, потому как я-то ни черта не понимаю. От того немногого, что мне известно, все только становится еще непонятнее. И Джеральд Шервуд, если он не соврал (а он едва ли врал), знает не больше моего.

Счастье еще, что Хайрам не проведал про тот аппарат, который стоит в кабинете у Шервуда! И про другие — их, наверно, немало в Милвилле у людей, что служат чтецами этим... неведомо кому... которые разговаривают по таким телефонам.

Впрочем, вряд ли Хайраму удастся пронюхать насчет остальных телефонов: уж, наверно, владельцы запрячут их понадежнее и будут держать язык за зубами, как только станет известно, что такие телефоны существуют. А слух этот наверняка через час-другой разнесется по всему Милвиллу. Хайрам и Том Престон сами же и проболтаются, они у нас первые трепачи.

Любопытно, у кого еще есть такие телефоны?.. И вдруг я понял: у разных бедолаг, невезучих и нищих, у вдов, оставшихся без всяких сбережений и без пенсии, у стариков, которые уже не в силах заработать кусок хлеба, у бродяг, никчемушников и всяких горемык, кто потерпел крах или кому и вовсе ни разу не улыбнулось счастье.

Ведь как получилось с Шервудом и со мной? С Шервудом установили связь (если можно так это назвать), только когда он обанкротился; и мною они (кто бы они ни были) тоже

заинтересовались лишь после того, как я окончательно сел на мель и сам это понял. И, очевидно, теснее всего с ними связан отъявленнейший лодырь и пропойца во всем Милвилле.

— Ну, чего молчишь? — рявкнул полицейский.

— А чего ты хочешь — чтоб я выложил, что я обо всем этом знаю?

— Вот именно. Не то тебе же будет хуже.

— Слушай, Хайрам, ты не грозись. Даже и не пробуй. Если ты думаешь меня запугать...

Дверь распахнулась.

— Пошел! — заорал с порога Флойд Колдуэлл. — Барьер пошел!

Мы кинулись к выходу. По улице с криком бежал народ, посреди мостовой подскакивала на одном месте мамаша Джоунс и пронзительно взвизгивала, капор еле держался у нее на макушке.

Я глянул через улицу — Нэнси по-прежнему сидела в своей открытой машине, я со всех ног бросился к ней. Мотор был включен, и, едва Нэнси заметила меня, машина тихонько двинулась вдоль тротуара. Я ухватился за верх задней дверцы и прыгнул в машину, потом перебрался на переднее сиденье. Тем временем машина уже поравнялась с аптекой, свернула за угол и теперь набирала скорость. Еще несколько машин направлялись к шоссе, но Нэнси в два счета обогнала их.

— Знаешь, что случилось? — спросила она.

Я покачал головой:

— Слышал только, что барьер сдвинулся.

Впереди был дорожный знак — перед выездом на шоссе полагалось остановиться, однако Нэнси даже не сбавила скорости. Да и зачем сбавлять, если на шоссе — никакого движения. Оно перекрыто с обоих концов.

Нэнси свернула на ровную широкую полосу асфальта; на той стороне шоссе, по которой шло встречное движение, сей-

час все впереди сплошь было забито машинами, они застыли неподвижно впритык одна к другой. Перед нами на прежнем месте торчал грузовик Гейба: нос его задрался в воздух, прицеп всей тяжестью придавил ко дну канавы мою злосчастную тележку. Еще дальше сбились в кучу встречные машины: они, видно, подались на нашу сторону шоссе в надежде объехать препятствие — и, прежде чем барьер сдвинулся, там тоже кто-то на кого-то наехал.

А барьера здесь уже не было. То есть, конечно, его все равно никто бы не увидел, но он передвинулся примерно на четверть мили — в этом нетрудно было убедиться.

Там, впереди, неслась по шоссе обезумевшая толпа, гонимая какой-то непонятной силой. А вслед за бегущими двигался огромный вал словно вихрем сметенной травы, кустов и даже вывороченных с корнями деревьев — по нему и видно было движение незримого барьера. Вял тянулся вправо и влево от шоссе, сколько хватал глаз, и, казалось, жил своей особой жизнью: покачивался, вскидывался вверх, вновь медленно полз вперед, и груды деревьев неуклюже перекатывались на растопыренных во все стороны корнях и ветвях.

Наша машина подъехала к затору и остановилась. Нэнси выключила мотор. В тишине стали слышны непрестанные шорохи, шелесты — это подавал голос скошенный неведомой силой зеленый вал; порою раздавался треск: ломались сучья, несуразно ворочаясь, громыхали стволы.

Я вылез из машины, обошел ее и двинулся вперед, пробираясь в железном лабиринте. Наконец затор остался позади, передо мною тянулось свободное от машин шоссе, а по нему все еще убегали люди... впрочем, нет, теперь они уже не мчались очертя голову. Пробегут немного, приостановятся, сбившись в кучу, и оглядываются на вспухающий, медлительный зеленый вал; еще побегут и снова постоят, озираясь. Иные даже не бежали, а шли ровным, почти спокойным шагом.

Отступали не только люди. Самый воздух дрожал и трепетал: мелькали темные тельца — тучами неслись птицы и насекомые, устрашенные таинственной силой, что неотвратимо надвигалась по равнине.

А позади барьера оставалась пустыня. Обнаженная земля, на которой только и торчали два голых, иссохших дерева. Так и должно быть, подумалось мне, естественно, что они уцелели. Ведь они мертвые, для них этот барьер не существует, ибо он отбрасывает только все живое. Впрочем, если Лен Стритер прав, то барьер этот противостоит не всему живому, а лишь определенным формам жизни, быть может живым существам каких-то определенных размеров или определенных видов.

Но если не считать двух высохших деревьев, эта полоса земли обратилась в пустыню. Ни травинки, ни хотя бы крапивы или полыни, ни кустика, ни деревца. От всего, что здесь росло и зеленело, не осталось и следа.

Я сошел с асфальтовой полосы на обочину, опустился на колени и погрузил пальцы в обнаженную почву. Она была не просто обнажена, но вспахана, разрыхлена, будто какая-то исполинская борона прошлась по ней и подготовила под новый посев. Потому она и разрыхлилась, что весь растительный покров с нее сорван. Нигде не осталось ни единого корня, ни одного самого слабого, с волосок толщиной корешка. Все, что здесь прежде росло, сметено начисто и теперь катится чудовищным зеленым валом впереди незримой стены.

В небе глухо зарокотал гром. Я огляделся: гроза, что собиралась с самого утра, надвинулась вплотную, но тучи не сплошь затянули небо, а неслись в вышине клоками, обрывками, их словно кружило вихрем.

— Нэнси, — позвал я.

Никакого ответа.

Я вскочил, оглянулся. Когда я начал выбираться из скопления застрявших машин, она шла следом, а теперь ее нигде не видно!

Я зашагал по шоссе назад — надо же ее найти! — и тут с противоположной обочины скользнул на шоссе голубой седан, за рулем сидела Нэнси. Значит, вот как я ее потерял: она искала какую-нибудь машину, не зажатую намертво десятками других и притом незапертую.

Седан медленно поравнялся со мной, я рысцой поспевал рядом. Через приспущенное окошко донесся взволнованный голос радиокомментатора. Я распахнул дверцу, вскочил в седан и тотчас ее за собой захлопнул.

«...вызвал воинские части и официально уведомил Вашингтон. Первые отряды направятся туда через... нет, только сейчас получено сообщение, что они уже выступили...»

— Это про нас, — пояснила Нэнси.

Я дотянулся до радио, покрутил настройку.

«...новость: барьер двигается! Повторяю: барьер двигается! Еще нет сведений о том, с какой скоростью он передвигается и какое расстояние прошел. Но он отдаляется от окруженного города. Толпа, собравшаяся с внешней стороны барьера, в панике бежит. Сообщаю новые данные: скорость движения барьера не превышает скорости пешехода. Он уже отодвинулся почти на милю от прежней границы...»

Враки, подумал я, он еще и полумили не прошел.

«...вопрос в том, остановится ли он? Какое еще расстояние он пройдет? Можно ли как-нибудь его остановить? Долго ли он способен двигаться без остановки? И есть ли у него конец?»

— Послушай, Брэд, — сказала Нэнси. — А вдруг он сметет всех и вся с лица земли? Всех и все, кроме Милвилла?

— Не знаю, — тупо ответил я.

— Куда он, по-твоему, толкает людей? Куда от него бежать?

«*...в Лондоне и в Берлине,* — накликал между тем диктор. — *Русским, по-видимому, еще не объявлено о том, что происходит. Никаких официальных заявлений ниоткуда не поступало. Безусловно, правительствам в разных странах не так-то просто решить, нужно ли выступать с какими-либо заявлениями. На первый взгляд может показаться, что создавшееся положение не вызвано действиями отдельных лиц или правительств. Однако высказывается предположение, что это испытывается какое-то новое оружие. Впрочем, если бы это было так, трудно понять, почему местом испытаний избран городок Милвилл. Обычно подобные испытания проводятся на военных полигонах и притом в обстановке строжайшей секретности*».

Пока мы слушали радио, Нэнси не спеша вела машину по шоссе, и теперь мы оказались всего в какой-нибудь сотне футов от барьера. Перед нами, по обе стороны дороги, медлительно катился все тот же огромный зеленый вал, а дальше по шоссе по-прежнему отступали люди.

Я перегнулся на сиденье и глянул в заднее окошко на оставшуюся позади пробку. Среди сбившихся в кучу машин и сразу за ними собралась толпа. Наконец-то жители Милвилла подоспели посмотреть, как движется барьер.

«*...сметая все на своем пути!*» — вопило радио.

Я снова посмотрел вперед — мы были уже почти у самого барьера.

— Полегче, — предостерег я. — Как бы в него не врезаться.

— Постараюсь полегче, — что-то чересчур кротко отозвалась Нэнси.

«*...точно ветер упорно и неутомимо гонит гряду выкорчеванных деревьев, травы и кустарника. Точно ветер...*»

И тут впрямь поднялся ветер — первый его порыв взвил и закружил на обнаженной почве позади барьера вихорьки пыли, и тотчас налетел настоящий ураган, машину круто занесло, вокруг завыло, засвистало.

Вот она, гроза, которая подкрадывалась еще с утра. Но почему-то ни молний, ни грома... я вытянул шею, косясь из-за ветрового стекла, — в небе по-прежнему неслись разрозненные косматые клочья, словно последние обрывки отгремевшей бури.

Бешеным напором ветра нашу машину резко повернуло, подхватило, и теперь она боком скользила по шоссе — того и гляди опрокинется. Нэнси вцепилась в баранку, пытаясь вновь повернуть машину, поставить, как лодку, против ветра.

— Брэд! — крикнула она.

И тут по стеклу и по металлу яростно застучал ливень.

Наш седан начал заваливаться набок. Ну, теперь все, мелькнула мысль. Теперь он опрокинется, и никакая сила его не удержит. Но вдруг машина ударилась обо что-то и вновь выпрямилась, и краешком сознания я понял: напором ветра ее накрепко прижало к барьеру.

Только краешком сознания — потому что я был захвачен и поражен другим: никогда в жизни не видал я такого странного дождя.

Он хлестал, как всякий проливной дождь, крупные капли барабанили по машине, гремели, оглушали... но только это были не капли.

— Град! — крикнула Нэнси.

Но это был и не град.

По корпусу машины, по асфальту шоссе стучали, подскакивали, приплясывали маленькие бурые шарики, словно сумасшедший охотник палил какой-то невиданной дробью.

— Семена! — заорал я в ответ. — Это семена!

Это была не настоящая буря, не гроза — гром не прогремел ни разу, буря выдохлась, растеряла свою ярость, еще не дойдя до Милвилла. На нас хлынул ливень семян, и принес его могучий вихрь, порожденный бог весть чем, но только не капризами погоды.

Быть может, это покажется не слишком логичным, но меня осенило: да ведь барьеру вовсе незачем двигаться дальше! Он вспахал землю, взрыхлил, подготовил почву, и вот семена посеяны — и все кончено!

Ураган стих, упало последнее зернышко; шума, свиста, неистовства как не бывало — мы сидели, ошеломленные глубокой тишиной. После шума и неистовства нас оглушила леденящая близость чего-то чуждого, непостижимого: кто-то или что-то вокруг нас опрокинуло все законы природы, вот почему с неба дождем сыплются семена и вихрь налетает неведомо откуда.

— Брэд, — сказала Нэнси, — кажется, я начинаю трусить.

Она ухватилась за мой локоть. Пальцы ее судорожно сжались.

— Прямо зло берет, — сказала она. — Ведь я никогда ничего не боялась, никогда в жизни. А сейчас боюсь.

— Все прошло, — сказал я. — Буря кончилась, барьер больше не двигается. Все в порядке.

— Ну, нет, — возразила Нэнси. — Это еще только начало.

По шоссе кто-то бежал к нам — больше не видно было ни души. От толпы, что теснилась недавно у застрявших машин, не осталось и следа. Вероятно, когда налетел ураган и хлынул тот удивительный дождь, все они кинулись назад к Милвиллу в поисках укрытия.

Наконец я узнал бегущего — это был Эд Адлер, на бегу он что-то кричал. Мы вылезли из машины, остановились и ждали.

Он подбежал, задыхаясь.

— Брэд, — еле выговорил он, — ты, верно, не знаешь... Хайрам и Том Престон мутят народ. Дескать, это ты заварил кашу. Толкуют про какой-то телефон...

— Что за чепуха! — воскликнула Нэнси.

— Ясно, чепуха, — сказал Эд. — Только народ совсем очумел. Их сейчас сбить с толку ничего не стоит. Они чему хочешь поверят. Надо же понять, что такое стряслось, — вот

и хватаются за первую попавшуюся байку. Им некогда разбирать, правда это или вранье.

— К чему ты это все? — спросил я.

— Спрячься куда-нибудь. Через денек-другой все поуспокоится...

Я покачал головой.

— Я еще и половины дел не переделал.

— Но послушай, Брэд...

— Вот что, Эд, я ни в чем не виноват. Не знаю, что стряслось и почему, но только я тут ни при чем.

— Это все равно.

— Нет, не все равно, — сказал я.

— Хайрам с Томом говорят, они нашли какие-то чудные телефоны...

Нэнси хотела что-то сказать, но я поспешно перебил:

— Знаю я про эти телефоны. Хайрам мне рассказывал. Слушай, Эд, даю тебе слово — телефоны тут ни при чем. Это совсем другая история.

Краем глаза я поймал на себе пристальный, пытливый взгляд Нэнси.

— Забудь ты про них, — повторил я.

Хоть бы до нее дошло! Кажется, все-таки поняла — больше и не заикнулась об этих телефонах. Может, она и не хотела ничего такого сказать, может, она даже не знает про тот аппарат в отцовском кабинете. Но рисковать нельзя.

— Смотри, Брэд, сам лезешь на рожон, — предостерег Эд.

— Удирать я не стану. Не по мне это — удирать, прятаться. Да еще от кого — от Хайрама с Томом!

Эд оглядел меня с головы до пят.

— Понимаю, — сказал он. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Можешь. Проводи Нэнси до дому, смотри, чтоб с ней ничего не случилось. А у меня есть кое-какие дела.

И я поглядел на Нэнси. Она кивнула:

— Все это так, Брэд, но ведь у нас машина. Давай я тебя отвезу.

— Я пройду задами, тут ближе. Если Эд верно говорит, лучше никому не попадаться на глаза.

— А я ее доставлю домой в целости и сохранности, — пообещал Эд.

Вот до чего мы докатились за каких-нибудь два часа, подумал я. Все просто спятили, девушке опасно остаться на улице без провожатого.

10

Теперь наконец надо сделать то, что я собирался сделать с самого утра и, видно, напрасно не сделал еще накануне: разыскать Элфа. Это тем важней и необходимей, что почему-то я все больше утверждаюсь в подозрении — есть какая-то связь межу непонятными происшествиями у нас, в Милвилле, и загадочной лабораторией там, в штате Миссисипи.

Я дошел до глухой окраинной улицы и свернул на нее. Она была пуста. Должно быть, все, кто только мог, пешком или на машинах двинулись в центр города.

И тут я встревожился: а вдруг не сумею разыскать Элфа? Вдруг, не дождавшись меня утром, он выехал из мотеля или же торчит где-нибудь у барьера в толпе зевак?

Но напрасно я боялся, не успел я войти к себе, как зазвонил телефон — говорил Элф.

— Битый час названиваю, — сказал он. — Беспокоился, как ты там.

— Элф, а ты слыхал, что творится?

— Кое-что слыхал.

— Чуть бы пораньше — и я успел бы к тебе проскочить, а не застрял в Милвилле. Я, видно, налетел на этот барьер в самые первые минуты, когда он только-только появился.

И я рассказал ему все, что случилось с тех пор, как моя машина налетела на барьер. А потом и про телефоны.

— Они говорят, чтецов у них много. Людей, которые читают для них книги, — прибавил я.

— Это способ получать информацию.

— Я так и понял.

— Послушай, Брэд... у меня одно страшноватое подозрение.

— Вот и у меня тоже.

— Может быть, эта лаборатория в Гринбрайере...

— Я тоже об этом думал.

Элф то ли тихонько ахнул, то ли задохнулся.

— Стало быть, это не в одном Милвилле.

— Пожалуй, таких Милвиллов не счесть.

— Что ж ты теперь будешь делать, Брэд?

— Пойду к себе в сад и погляжу получше на кой-какие цветочки.

— Цветочки?!

— Это очень длинная история, Элф. После расскажу. Ты пока не уедешь?

— Охота было уезжать! — сказал Элф. — Этакого представления еще свет не видал, а у меня место в первом ряду.

— Я тебе позвоню через часок.

— Буду ждать,— пообещал Элф.— Далеко отходить не стану.

Я дал отбой и постоял в раздумье. Ничего нельзя понять! Лиловые цветы явно каким-то образом замешаны в эту историю, и Таппер Тайлер тоже, но все так перепуталось — не поймешь, с чего начинать.

Я вышел из дому и побрел в сад, к старым теплицам. По примятым стеблям еще можно было различить, где прошел Таппер, и у меня полегчало на душе: я боялся, что вихрь, принесший семена, смял и повалил цветы, замел все следы — и теперь их уже не сыскать.

Я стоял на краю сада и озирался, будто видел его первый раз в жизни. В сущности, никакой это не сад. Когда-то на этом участке мы выращивали цветы и овощи на продажу, но потом я забросил теплицы, земля осталась без призора, и всю ее заполонили цветы. С одного бока эти заросли упираются в старые теплицы, двери криво повисли на ржавых петлях, почти все стекла выбиты. У одного угла высится вяз — тот самый, что пророс когда-то из семечка, и я хотел тогда вырвать побег, да отец не позволил.

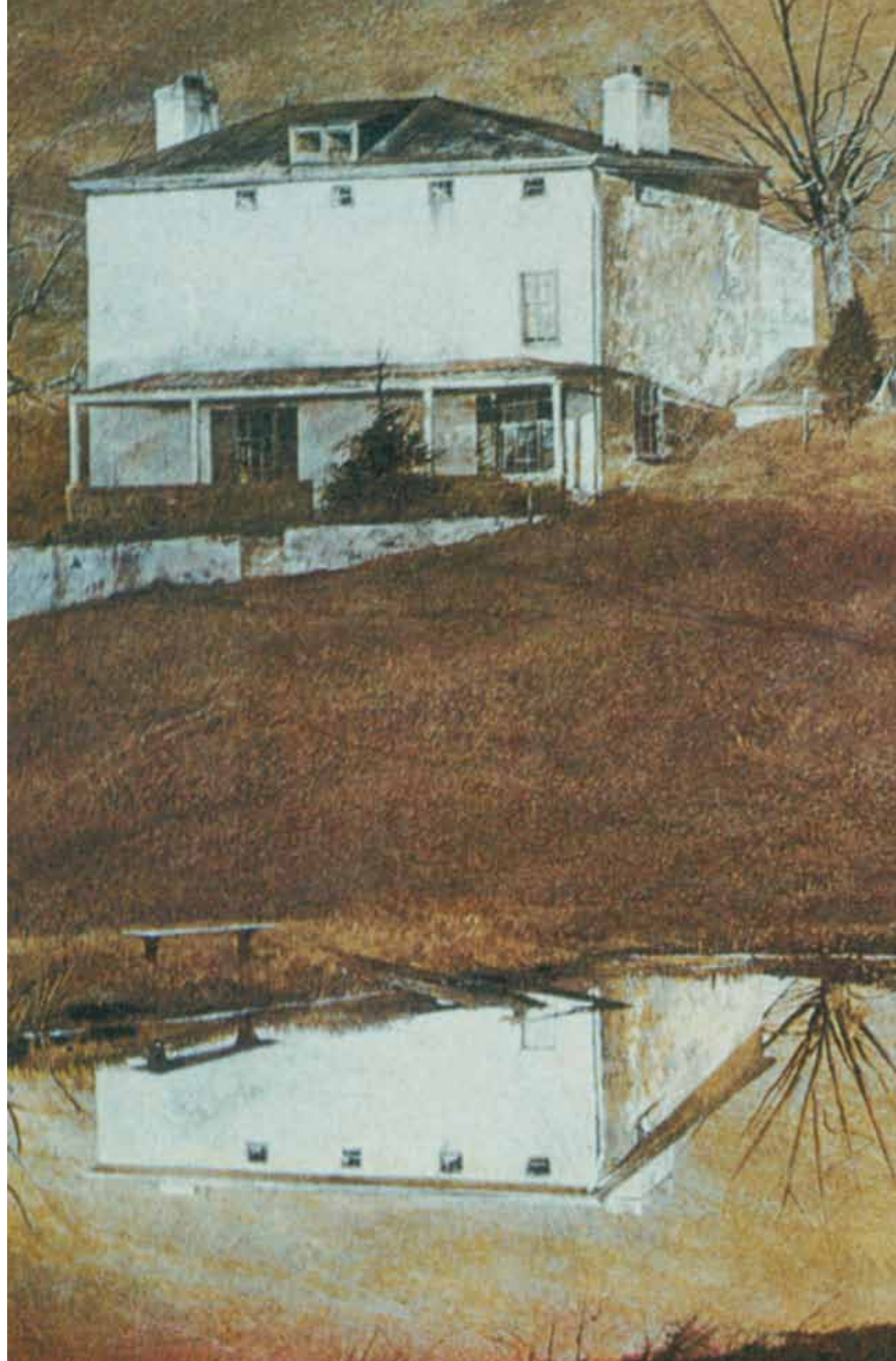
Таппер что-то болтал про эти цветы — как много их разрослось. Он уверял, что все они — те самые, лиловые, и непременно хотел рассказать про них моему отцу. Таинственный голос в телефонной трубке — или по крайней мере один из тех таинственных голосов — отлично знал о существовании отцовских теплиц и осведомлялся, занимаюсь ли я ими по-прежнему. И ко всему, часа не прошло с тех пор, как на нас обрушился ливень семян.

Маленькие лиловые головки — подобие львиного зева — обратились ко мне и дружно кивали, словно втайне посмеивались, а над чем — неизвестно; я резко отвел глаза и посмотрел на небо. Там все еще неслись клочья туч, поминутно заслоняя солнце. Когда их разгонит ветром, будет настоящее пекло. Я уже чуял в воздухе приближение жары.

Осторожно пошел я по следу Таппера. Дошел до конца, остановился и обругал себя стоеросовой дубиной: с чего, спрашивается, я вообразил, что здесь, в цветнике, найду какую-то разгадку?

Таппер Тайлер исчез впервые десять лет назад и сегодня снова исчез, а как это он ухитрился, должно быть, никто никогда не узнает. И все же в голове у меня стучала упрямая догадка, что Таппер и есть ключ ко всей этой темной истории.

Как я пришел к этой мысли — хоть убейте, объяснить не умею. Ведь тут не один Таппер замешан — если он и вправду

замешан. Тут еще и Шкалик Грант... Ох, я же никого не спросил, что со Шкаликом!

Дом доктора Фабиана стоит на холме, как раз над теплицами, можно пойти туда и спросить. Конечно, доктора, может, и нет дома — ну что ж, немного обожду, глядишь, рано или поздно он объявится. Делать покуда все равно нечего. А при том, что там сейчас орут про меня Хайрам и Том Престон, пожалуй, умнее всего не возвращаться домой — уж лучше пусть меня не застанут.

Раздумывая так, я стоял на том месте, где обрывался след Таппера, и теперь шагнул вперед в сторону докторова дома. Но к доктору Фабиану я не попал. Один только шаг — и засияло солнце, дома исчезли. Все исчезло — и дом доктора, и все другие дома, и деревья, и кусты, и трава. Остались одни лиловые цветы, лиловым морем они залили все окрест, а над головой в безоблачном небе запылало слепящее солнце.

И все это случилось оттого, что я сделал один только шаг. Тогда я ступил другой ногой — и вот стою на новом месте, окаменев от страха, не смея обернуться: кто знает, что там, позади... А впрочем, кажется, я знаю, что увижу, если обернусь, — те же лиловые цветы.

Ибо какой-то краешек оцепеневшего, перепуганного сознания подсказывает: вот об этих-то краях и говорил мне Таппер.

Таппер отсюда пришел и сюда вернулся, а вслед за ним сюда попал и я.

Ничего не произошло.

И правильно. Видно, такое это место, здесь, наверно, никогда ничего не происходит.

Сколько хватает глаз, всюду цветы, в небе пылает солнце, а больше вокруг ничего нет.

И — ни звука, ни ветерка. Только со странной силой охватывает, обволакивает благоухание несчетных лиловых цветов, напоминающих львиный зев.

Наконец я собрался с духом и медленно обернулся. Но и позади только цветы и цветы.

Милвилл исчез, провалился в какой-то другой мир. Нет, не так. Наверно, он остался в прежнем, обычном мире. Не Милвилл, а я сам провалился. Один только шаг — и я перенесся из Милвилла в какой-то неведомый край.

Да, это другой, незнакомый край, а между тем сама по себе местность словно бы та же. По-прежнему я стою в ложбине, что лежит позади моего дома, за спиной у меня все тот же косогор круто поднимается к пропавшей невесть куда улице, где только что стоял дом доктора Фабиана, а в полумиле виднеется другой холм, на котором должен бы стоять дом Шервудов.

Так вот он, мир Таппера. Сюда он скрылся и десять лет назад, и сегодня утром тоже. А стало быть, и сейчас, в эту минуту, он здесь.

И стало быть, есть надежда выбраться отсюда, вернуться в Милвилл! Вернулся же Таппер — значит, дорога ему известна! Хотя... почем знать. Что можно знать наверняка, когда свяжешься с полоумным?

Итак, прежде всего надо разыскать Таппера Тайлера. Едва ли он где-нибудь далеко. Понятно, придется потратить какое-то время, но, уж конечно, я сумею его выследить.

И я стал медленно подниматься в гору — дома, в родном Милвилле, эта дорога привела бы меня к доктору Фабиану.

Я поднялся на вершину холма и остановился — внизу, куда ни глянь, расстилалось море лиловых цветов.

Странно видеть эту землю, которая лишилась всех обычных примет: не стало деревьев, дорог, домов. Но очертания

местности все те же, знакомые. Если что и изменилось, так разве только мелочь, пустяки. Вон, на востоке, та же сырая, болотистая низина и пригорок, где стояла прежде лачуга Шкалика... где еще и сейчас стоит лачуга Шкалика, только в каком-то ином измерении, в ином времени или пространстве.

Любопытно, какие нужны поразительные обстоятельства, какое редкостное стечение многих и многих обстоятельств, чтобы вдруг перешагнуть из одного мира в другой?

И вот я стою, чужеземец в неведомом краю, и вдыхаю аромат цветов, он льнет ко мне, обволакивает, захлестывает, словно сами цветы катятся на меня тяжелыми лиловыми волнами и сейчас собьют с ног, и я навеки пойду ко дну. И тихо — я и не знал, что может быть так тихо. В целом мире ни звука. Тут только я понял, что никогда в жизни не слышал настоящей тишины. Всегда что-нибудь да звучало: в безмолвии летнего полдня застрекочет кузнечик иди прошелестит листок. И даже глубокой ночью потрескивают, рассыхаясь, деревянные стены дома, тихонько бормочет огонь в очаге, чуть слышно причитает ветер под застрехами.

А здесь все немо. Ни звука. Ни звука потому, что нечему звучать. Нет деревьев и кустов, нет птиц и насекомых. Только цветы, только земля, сплошь покрытая цветами.

Тишина, тишина на раскрытой ладони бескрайней пустыни. Лиловое море цветов простирается до самого горизонта и там сходится с ослепительно яркой голубизной раскаленного летнего неба.

Тут впервые мне стало страшно — то не был внезапный безмерный и неодолимый ужас, что заставляет бежать, не помня себя, с отчаянным воплем, — нет, это был дрянной, мелкотравчатый страшок, он подкрадывался ближе, кружил визгливой нахальной шавкой на тонких ножках, стараясь улучить минуту и запустить в меня острые зубы. Ему невозможно

противостоять, с ним невозможно бороться, с этим тошнотворным, дрянным, неотвязным страшком.

И это не страх перед опасностью, ибо здесь нет никакой опасности. С первого взгляда ясно, что опасаться нечего. Но, быть может, есть нечто худшее, чем любая опасность: слишком тихо, слишком пустынно, вокруг все одно и то же, и ты один, и где ты — неизвестно.

Передо мной болотистая низина — та самая, где должно бы быть жилище Шкалика, — а чуть правее поблескивает серебром река, та, что в другом мире огибает наш городок. И в том месте, где река сворачивает к югу, вьется, вздымаясь в ясное небо, четкий дымок — тонкая струйка, едва различимая глазом на фоне этой светлой синевы.

— Таппер! — заорал я и бегом кинулся под гору.

Как хорошо, что подвернулся случай, что нашелся предлог пуститься бегом, ведь все время я стоял и еле сдерживался, чтобы не побежать, не поддаться тому дрянному неотвязному страшку, и все время меня так и подмывало бежать.

Я добежал до крутого склона, под ним открылись река и на берегу жилье: подобие шалаша из сплетенных кое-как ветвей, огород, где чего-чего только не росло; вдоль берега редкой вереницей тянулись убогие полумертвые деревца, почти все ветви их уже высохли, и лишь на макушках мотались тощие кисточки зеленых листьев.

Перед шалашом горел маленький костер, и у костра на корточках сидел Таппер. На нем были штаны и рубаха, которые я ему дал, на затылке все еще лихо торчал дурацкий соломенный колпак.

— Таппер! — снова крикнул я.

Он поднялся и степенно зашагал мне навстречу. Утер ладонью подбородок, потом протянул мне руку. Она была влажная, но я с радостью ее пожал. Конечно, Таппер не бог весть какое сокровище, а все-таки он тоже человек.

— Очень рад, что ты выбрал минутку, Брэд. Очень рад, что ты ко мне заглянул.

Он сказал это так, словно я все эти годы навещал его каждый день.

— А у тебя тут славно, — заметил я.

— Это Цветы для меня устроили, — сказал Таппер с гордостью. — Они все для меня сделали. Сперва тут было не так, но они все сделали, как мне надо. Они обо мне заботятся.

— Ну да, ясно.

Не поймешь, что он болтает, но я поддакиваю. Надо поддакивать. Надо ладить с Таппером — вдруг он как-нибудь поможет мне вернуться в Милвилл.

— Они мои самые лучшие друзья, — блаженно пуская слюни, говорит Таппер. — И еще, конечно, ты и твой папа. Пока я не нашел Цветы, у меня было только два друга — ты и твой папа. Только вы одни меня не дразнили. А все дразнили. Я не подавал виду, что понимаю, но я понимал — дразнят. Не люблю, когда дразнят.

— Они ведь не со зла, — успокаиваю я. — Они не хотели тебе худого. Просто так смеялись, по дурости.

— Все равно нехорошо, — упрямо говорит Таппер. — Вот ты никогда меня не дразнил. Я тебя за это люблю, ты меня никогда не дразнил.

Это чистая правда. Я никогда его не дразнил. Но вовсе не потому, что мне ни разу не хотелось над ним посмеяться; а в иные минуты я готов был его убить. Но однажды отец отвел меня в сторону и предупредил: пусть только я попробую издеваться над Таппером, как другие мальчишки, он так меня отлупит — век буду помнить.

— Значит, это и есть то место, про которое ты мне рассказывал, — где всюду цветы и цветы.

Таппер расплылся в восторженной слюнявой улыбке.

— Правда, тут хорошо?

Тем временем мы спустились с холма и подошли к костру. Среди угольев стоял грубо вылепленный глиняный горшок, в нем кипело какое-то варево.

— Оставайся и поешь со мной, — пригласил Таппер. — Ну, пожалуйста, Брэд, оставайся и поешь. Я так давно ем все один да один.

При мысли о том, как давно ему не с кем было разделить трапезу, по щекам его потекли слезы.

— У меня тут в золе печеная картошка и кукуруза, — сказал он, — а в горшке похлебка: горох, бобы, морковка — все вместе. Только мяса никакого нету. Это ничего, что мяса нету, ты не против?

— Нет, конечно, — сказал я.

— А мне страх как хочется мяса, — признался Таппер. — Но тут они ничего не могут поделать. Они не могут обратиться в животных.

— Они?

— Ну, Цветы, — сказал он таким тоном, будто назвал кого-то по имени и фамилии. — Они могут обратиться во что угодно... во всякое растение. А в поросенка или в кролика никак не могут. Я и не прошу никогда. То есть больше не прошу. Один раз попросил, и они мне объяснили. И уж больше я не просил, они и так для меня сколько всего делают, стараются, спасибо им.

— Они тебе объяснили? Ты что же, разговариваешь с ними?

— Ну да, все время, — сказал Таппер.

Он опустился на четвереньки, заполз в шалаш и стал рыться там, что-то разыскивая; зад и ноги его торчали наружу — ни дать ни взять пес в охотничьем азарте разрывает нору, добираясь до сурка.

Потом он попятился и вылез наружу с двумя такими же, как горшок, кривобокими и корявыми глиняными тарелками. Поставил их наземь, в каждую сунул вырезанную из дерева ложку.

— Сам все сделал, — сказал он. — Глину нашел на берегу. Только сперва у меня не получалось, а потом они мне объяснили, как надо делать...

— Кто, Цветы объяснили?

— Ну да. Они всегда мне помогают.

— А ложки ты чем выстрогал?

— Камнем. Наверно, это кремень. С острым краем. Не то что нож, а все-таки годится. Правда, пришлось строгать долго-долго.

Я кивнул.

— Это ничего, — сказал Таппер. — Времени у меня сколько хочешь.

Он опять утер подбородок, потом старательно вытер ладони о штаны.

— Они вырастили для меня лен, чтоб я оделся. Но я никак не выучусь ткать. Они мне объясняли, объясняли, а у меня ничего не получалось. Ну, они и отступились. Я сколько времени голый ходил. В одной шляпе. Сам ее сделал, никто мне не помогал. Они мне даже не говорили ничего, я сам ее придумал и сам сплел. После они сказали — очень хорошо у меня получилось.

— Они совершенно правы, — подтвердил я. — Шляпа просто на диво.

— Правда, Брэд?

— Ну конечно!

— Как я рад, что ты так говоришь! Знаешь, я вроде даже горжусь этой шляпой. За всю мою жизнь я ее первую сам сделал, никто мне не подсказывал.

— Это твои цветы...

— Они не мои, — резко прервал Таппер.

— Ты говоришь, эти цветы могут обратиться во что захотят. Это значит — в разные овощи, которые у тебя на огороде?

— И в овощи, и во всякое растение. Мне надо только попросить.

— Но если они могут обратиться во что захотят, почему же они все до единого — цветы?

— Надо же им чем-то быть, верно? — с жаром, чуть ли не сердито сказал Таппер. — Чем плохо быть цветами?

— Нет, отчего же, совсем неплохо, — сказал я.

Таппер вытащил из горячих угольев два початка кукурузы и несколько печеных картофелин. Подобием ухвата, вырезанного, как мне показалось, из толстой древесной коры, снял с огня горшок. И разлил похлебку по тарелкам.

— А деревьями они не бывают? — спросил я.

— Почему, в деревья они тоже обращаются. Мне ведь нужны дрова. Сперва тут никакого дерева не было, не на чем было готовить еду. Тогда я им объяснил. И они сделали деревья, нарочно для меня сделали. Деревья выросли быстро-быстро и сразу высохли, и а стал ломать сучья и разводить костер. Они горят очень медленно, не то что простой хворост. Это хорошо, у меня костер все время горит, никогда не гаснет. Сперва, когда я сюда пришел, у меня были полны карманы спичек. А теперь нету, давным-давно нету.

Слушая про карманы, полные спичек, я вспомнил: Таппер всегда без памяти любил огонь. Он вечно таскал с собою спички и, тихонько сидя где-нибудь в одиночестве, зажигал их одну за другой и восторженно глядел на язычок пламени, пока спичка не догорала до конца, обжигая ему пальцы. Многие в Милвилле опасались, как бы он не устроил пожар, но ничего такого не случилось. Просто этот чудак очень любил смотреть на огонь.

— Вот соли у меня нет, — сказал Таппер. — Тебе, может, будет невкусно. Я-то привык.

— Но если ты кормишься одними овощами, как же без соли? С такой еды и помереть можно.

— А Цветы говорят, нет. Говорят — они в эти овощи вкладывают всякое такое, что и соли не надо. На вкус не чувству-

ешь. А польза такая же, как от соли. Они меня изучили и знают, что мне надо для здоровья, и все это прямо в овощи вкладывают. И еще у меня подальше на берегу фруктовый сад, и там чего только нет! А малина и земляника поспевают у меня почти что круглый год.

Я не понял, какая же связь между фруктовым садом и сложностями Таппперова питания, ведь Цветы уверяют, будто они могут все? Но ладно, пусть. Добиваться толку от Таппера — напрасный труд. Если начнешь с ним рассуждать, только больше запутаешься.

— Что ж, садись и давай есть, — сказал он.

Я сел прямо на землю, он подал мне еду, сам уселся напротив и придвинул к себе вторую тарелку.

Я порядком проголодался, а это варево без соли оказалось не так уж плохо. Пресновато, конечно, и чуть странный привкус, но в общем недурно. Главное, сытно.

— Как тебе тут живется? — спросил я.

— Это мой дом, — сказал Таппер с некоторой даже торжественностью. — Здесь у меня друзья.

— Но ведь у тебя ничего нет. Ни топора, ни ножа, ни кастрюли, ни сковородки. И не к кому пойти, никто не поможет. А вдруг захвораешь?

Таппер, который до этой минуты жадно уплетал свою похлебку, опустил ложку и уставился на меня так, словно полоумный не он, а я.

— А для чего мне это барахло? — сказал он. — Посуду я леплю из глины. Сучья ломаю руками, топор мне ни к чему. И мотыга ни к чему, грядки рыхлить не надо. Сорняков нету, полоть нечего. Даже сажать не надо. Все растет само. Пока я все съем с одной грядки, на другой опять поспело. И если захвораю, Цветы тоже обо мне позаботятся. Они мне сами говорили.

— Ну, ладно, ладно, — сказал я.

И он снова принялся за еду. Зрелище не из приятных.

А про огород он сказал правду. Теперь я и сам увидел, что земля не возделана. Просто растут овощи, растут длинными ровными рядами, и нигде никаких следов мотыги или лопаты, и ни единой сорной травинки. Да так оно, конечно, и должно быть — никакие сорняки не посмеют здесь носа высунуть. Здесь могут расти только сами Цветы или то, во что они пожелают обратиться, — к примеру, те же овощи или деревья.

А огород превосходный, ни одного чахлого растеньица, никаких болезней, никаких вредных гусениц и жучков. Помидоры на кустах висят как на подбор — круглые, налитые, ярко-алые. Кукуруза — высоченная, горделиво прямая.

— Ты настряпал вдоволь на двоих, — сказал я. — Разве ты знал, что я приду?

Я уже готов был верить чему угодно. Кто его знает, вдруг Таппер (или Цветы) и вправду меня ждал?

— А я всегда стряпаю на двоих, — ответил он. — Мало ли кто может заглянуть, заранее не угадаешь.

— Но пока к тебе еще никто не заглядывал?

— Ты первый. Я рад, что ты пришел.

Любопытно, замечает ли он, как идет время? Иногда мне кажется, он этого просто не понимает. Но ведь когда речь зашла о том, как долго ему приходилось довольствоваться одинокими трапезами, он заплакал...

Несколько минут мы ели молча, а потом я решил попытать счастья. Довольно я к нему подлаживался, пора уже задать кое-какие вопросы.

— Где мы с тобой сейчас? Что это за место? И как быть, если захочешь вернуться домой?

О том, что он только нынче выбрался отсюда и побывал в Милвилле, я напоминать не стал. Еще разозлишь его неделикатным намеком, он ведь так торопился назад... Может, он нарушил какое-то правило или запрет и спешил обратно, пока его на этом не поймали?

Прежде чем ответить, Таппер аккуратно поставил свою тарелку наземь, положил ложку. Но ответил он мне не своим голосом, а тем размеренным, деловым тоном, который я слышал в трубке таинственного телефона.

— С вами сейчас говорит не сам Таппер Тайлер, — произнес он. — Таппер говорит от имени Цветов. О чем вы хотели бы побеседовать?

— Брось ты свои дурацкие шутки, — сказал я.

Но я вовсе не думал, что Таппер меня дурачит. Это сказалось как-то само собой, я невольно старался выиграть время.

— Могу вас заверить, что мы относимся к делу весьма серьезно, — произнес тот же голос. — Мы Цветы, вы хотели поговорить с нами, а мы с вами. И это единственный способ вступить в переговоры.

Таппер на меня не смотрел: он, кажется, вообще ни на что не смотрел. Глаза у него стали пустые и словно выцвели, он как-то ушел в себя. Сидит прямой, как деревяшка, руки упали на колени. Словно он уже и не человек... не человек, а телефон!

— Я уже с вами разговаривал, — сказал я.

— Да, но то был очень короткий разговор, — отвечали Цветы. — Вы тогда в нас не поверили.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Мы вам ответим. Мы приложим все усилия. И постараемся говорить как можно яснее.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Это смежная Земля. От вашей Земли ее отделяет только доля секунды.

— Смежная Земля?

— Да, Земля не одна, их много. Вы этого не знали?

— Нет. Не знал.

— Но вы можете этому поверить?

— Так сразу трудно. Постараюсь привыкнуть.

— Земля не одна, их мириады, — сказали Цветы. — Мы не знаем точно, сколько, но мириады и мириады. Быть может, им вообще нет числа. Многие думают именно так.

— И все они рядом, одна за другой?

— Нет, не то. Не знаем, как вам сказать. Трудно выразить словами.

— Значит, скажем так: Земель очень много. Только я что-то не пойму. Будь их много, мы бы их видели.

— Вы не можете их увидеть, — сказали Цветы. — Для этого надо видеть во времени. Смежные Земли существуют в пластах времени.

— В пластах времени? То есть...

— Проще всего сказать так: все эти бесчисленные Земли разделяет время. Каждая из них отличается своим местом во времени. Для вас существует только настоящее мгновенье. Вы не можете заглянуть ни в прошлое, ни в будущее.

— Значит, когда я попал сюда, я путешествовал во времени?

— Совершенно верно, — сказали Цветы.

Таппер все еще сидел напротив с отсутствующим бессмысленным видом, но я о нем попросту забыл. Слова, которые я слышал, исходили из его гортани, слетали с его губ и языка, но то не были слова Таппера. Я знал, что говорю с Цветами; это может показаться чистейшим безумием, но со мною говорила сама Лиловость, затопившая все окрест.

— Судя по вашему молчанию, вам нелегко освоиться с тем, что вы от нас услышали, — сказали Цветы.

— Такое враз не проглотишь, скорее подавишься, — ответил я.

— Попробуем выразить это иначе. Земля — неизменная основа, но она движется во времени путем прерывающейся последовательности.

— Покорно благодарю, только мне что-то не становится понятнее.

— Мы уже давно это знаем. Мы открыли это много лет тому назад. Для нас это просто и естественно, как всякий закон природы, для вас — нет. Придется вам потерпеть. Не так-то просто в один миг усвоить истину, которую мы познавали веками.

— Но я же прошел сквозь время, вот что всего непонятнее. Как так получилось, что я перешел из одного времени в другое?

— Вы прошли там, где очень тонко.

— Тонко?

— В таком месте, где время не слишком плотное.

— Вы сами сделали его потоньше?

— Скажем так: мы открыли это место и воспользовались им.

— Чтобы добраться до нашей Земли?

— Пожалуйста, сэр, не надо так ужасаться. Ведь вы, люди, уже несколько лет как летаете в космос.

— Пробуем летать, — поправил я.

— Вы думаете о завоевании. В этом смысле мы с вами одинаковы. Вы стремитесь завоевать пространство, мы — время.

— Постойте, не торопитесь, — взмолился я, — дайте разобраться с самого начала. Между всеми этими Землями есть какие-то границы?

— Да.

— Границы во времени? Миры разделены какими-то периодами?

— Совершенно верно. Вы очень точно это уловили.

— И вы стараетесь пробиться сквозь барьер времени, чтобы проникнуть на мою Землю?

— Да, так.

— А зачем?

— Мы хотим с вами сотрудничать. Заключить соглашение. Нам нужно жизненное пространство, дайте его нам, а мы взамен дадим вам наши познания; нам нужна техника, ведь у нас

нет рук, а вы, пользуясь нашими знаниями, создадите новую технику — она пойдет на благо и вам, и нам. Вместе мы сможем проникнуть и в другие миры. В конце концов множество Земель сольется в единую цепь, и все те, кто их населяет, тоже объединятся, у них будет одна цель, одни стремления.

Где-то под ложечкой у меня зрел холодный, свинцово-тяжелый ком; я ощущал странную пустоту внутри и мерзкий металлический вкус во рту. Сотрудничество, соглашение — а кто будет играть главную роль? Жизненное пространство — а сколько его останется для нас? Иные миры — а что произойдет там, в иных мирах?

— Вы много знаете?

— Очень много. Это для нас важнее всего: мы познаем, поглощаем, впитываем знания.

— Вы очень усердно собираете их и у нас. Ведь это вы нанимаете чтецов?

— Да, и этот способ гораздо лучше всех прежних, раньше мы получали весьма посредственные результаты. Теперешний путь вернее, и притом легче отбирать самое важное.

— Так пошло с тех пор, как вы обучили Джералда Шервуда делать телефоны?

— Телефоны позволяют нам непосредственно общаться с жителями вашей Земли, — был ответ. — До этого мы могли только перехватывать мысли.

— Так вы и раньше понимали людей? Может, вы уже давным-давно читаете наши мысли?

— Да-да! — весело откликнулись Цветы. — Мы понимали очень многих людей и уже много, много лет назад. Но беда в том, что это были отношения односторонние. Мы слышали и понимали людей, а они нас — нет. Большинство даже и не подозревало о нашем существовании, а более чуткие кое-что воспринимали, но только очень смутно и сбивчиво.

— Однако вы подслушивали их мысли.

— Да, конечно. Но нам приходилось довольствоваться тем, что они думали сами. Мы не могли направлять их мысли, пробуждать у них те или иные интересы.

— Уж конечно, вы старались их подтолкнуть в ту сторону, куда вам требовалось.

— Да, подталкивали, и с некоторыми получалось очень удачно. Другие почему-то двигались совсем не туда, куда надо. И многие, очень многие упорно оставались глухи, все наши старания пропадали понапрасну. Это было очень печально.

— Как я понимаю, вы проникали в сознание этих людей через те самые просветы, где время не очень плотное. Обычные границы вы бы не преодолели.

— Да, приходилось наилучшим способом использовать каждый просвет, какой удавалось найти.

— Очевидно, этого вам было недостаточно.

— У вас очень тонкое восприятие. Мы ничего не могли достичь.

— И тогда вы пошли на прорыв.

— Мы не совсем понимаем.

— Вы попробовали взяться за дело с другого конца. Задались целью переправить через границу не мысль, а какой-нибудь предмет. Скажем, горсть семян.

— Да, разумеется. Вы прекрасно все улавливаете и очень верно нас понимаете. Но если бы не ваш отец, нас и тогда постигла бы неудача. Проросло всего лишь несколько семян, и побеги в конце концов неминуемо погибли бы, но ваш отец их нашел и позаботился о них. Поэтому мы и избрали вас посредником...

— Нет, обождите, — сказал я. — Сперва я хочу еще кое-что выяснить. Вот хотя бы насчет барьера — чем вы огородили Милвилл?

— Это не так сложно, — сказали Цветы. — Этот барьер — капсула времени, нам удалось выбросить ее через неплотное место в границе, разделяющей наши миры. Тонкий

слой пространства, который образует капсулу, находится в ином времени, чем Милвилл и чем вся ваша Земля, в вашем прошлом. Тут разница в невообразимо малую долю секунды, на эту малую долю время капсулы отстает от земного. Доля эта столь ничтожно мала, что едва ли даже точнейшие ваши приборы могли бы ее измерить. Самая малость — и, однако, согласитесь, отлично действует.

— Да, — сказал я, — действует.

Еще бы, иначе и не может быть — по самой природе своей барьер неодолим, ничего прочнее и вообразить нельзя. Ибо он принадлежит прошлому; прошлое обволакивает Милвилл тонкой, как мыльный пузырь, пленкой, она так тонка, что сквозь нее можно видеть и слышать, и, однако, человеку сквозь нее не прорваться.

— Но палки... — сказал я. — И камни... И дождь...

— Барьер задерживает только все живое, — ответили мне. — Только те формы жизни, которые достигли определенного уровня и могут ощущать и осознавать то, что их окружает, могут чувствовать... как бы это лучше сказать?

— Вы сказали очень понятно. А неодушевленным предметам барьер не помеха...

— У времени — у того явления природы, которое вы называете временем, — есть свои законы, — услышал я. — И это лишь малая часть знаний, которыми мы с вами поделимся.

— Все, что вы нам скажете о времени, будет для нас ново. Мы ничего о нем не знаем. Мы даже не представляли, что время — это сила, которую можно изучать. Мы и не пробовали к нему подступаться. То есть, конечно, отвлеченной болтовни хватало, а вот настоящего знания нет и в помине. Мы никогда и не догадывались, с чего начать.

— Да, нам это известно.

Ослышался я — или в том, как они это сказали, прозвучало торжество? Может быть, просто почудилось?

Новое оружие, подумал я. Адское оружие. Никого не убивает и не ранит. Всего лишь гонит, толкает, сметает с дороги, сгребает всех в одну кучу — неодолимо, неотвратимо.

Как бишь сказала Нэнси: вдруг барьер сметет с лица Земли все живое и останется один лишь Милвилл? Пожалуй, и это возможно, хотя зачем такие крайности? Если Цветам нужно только жизненное пространство, у них уже есть способ его получить. Расширяя капсулу времени, они могут очистить для себя столько места, сколько пожелают, могут оттеснить человечество и поселиться на его территории. У них есть оружие против жителей Земли — оно же послужит им защитой от любых контрмер, к каким попытались бы прибегнуть люди.

Если они хотят захватить Землю, путь открыт. Ведь этим путем проходил Таппер и прошел я. Теперь их ничем не остановишь. Они просто-напросто двинутся на Землю, заслоняясь, как щитом, барьером времени.

— Так чего же вы ждете? — спросил я.

— В некоторых отношениях вы очень непонятливы, — прозвучало в ответ. — Мы вовсе не собираемся вас завоевать и покорить. Мы хотим с вами сотрудничать. Мы хотим прийти к вам как друзья, мы ищем полного понимания.

— Что ж, отлично, — сказал я. — Вы хотите с нами дружить. Но сперва нам надо знать, кого мы берем в друзья. Что вы, собственно, такое?

— Вы неучтивы.

— Совсем нет. Просто я хочу вас понять. Вы говорите о себе во множественном числе, как будто вы составляете какое-то сообщество.

— Да, сообщество. Вы, вероятно, назвали бы нас единым организмом. Наши корни сплетены в единую сеть, она охватывает всю планету — возможно, вы скажете, что это наша нервная система. На равных расстояниях расположены большие массы того же вещества, из которого состоят и корни, и

эти массы служат нам... должно быть, вы назовете это мозгом. Не один мозг, а многие множества, и все они связаны общей нервной системой.

— Как же так! — запротестовал я. — Этого просто не может быть! Растения не бывают разумными. Конечно, в растительном царстве тоже идет борьба за существование, но там все меняется не так быстро и резко, чтобы мог развиться разум.

— Вы рассуждаете весьма логично, — невозмутимо ответили Цветы.

— Вот видите, логично — и все-таки мы с вами разговариваем!

— У вас на Земле есть животное, вы его называете собакой.

— Правильно. Очень умный зверь.

— Вы привыкли к собакам, они ваши любимцы, баловни и верные спутники. Люди и собаки неразлучны с незапамятных времен. И, может быть, от постоянного общения с вами они еще больше поумнели. Это животное способно многому научиться.

— При чем тут собаки?

— Представьте: вдруг бы люди на вашей Земле с начала времен все силы посвятили тому, чтобы учить собак развивать их разум. Как, по-вашему, чего бы они достигли?

— Ну... право, не знаю. Может, теперь собаки были бы так же разумны, как и мы. Может, их разум чем-то и отличался бы от нашего, но...

— Некогда в одном из миров так поступили с нами, — сказали Цветы. — Все это началось больше миллиарда лет тому назад.

— И обитатели того мира сознательно сделали растения разумными?

— Для этого была причина. То были не такие существа, как вы. Они совершенствовали нас с определенной целью. Они нуждались в каком-то устройстве, способном собирать

и хранить для них наготове всевозможные знания и сведения, беспрерывно накапливать их и приводить в стройную систему.

— Ну и вели бы записи. Все можно записать.

— Тут были некоторые физические пределы и, что, пожалуй, еще важнее, некоторые психологические ограничения.

— То есть они не умели писать?

— Они до этого не додумались. Им не случилось открыть для себя письмо. И даже речь — они не говорили, как вы. Но даже умей они говорить и писать, они все равно не достигли бы того, что им требовалось.

— Не могли бы привести свои знания в единую систему?

— Отчасти и это, конечно. Но скажите, многое ли сохранилось из того, что знали люди в древности, что было записано и, как им в ту пору казалось, закреплено на века?

— Да нет, мало что уцелело. Многое затерялось, многое разрушено и погибло. Время стерло все следы.

— А мы и поныне храним знания того народа. Мы оказались надежнее всяких записей. Правда, в том мире никто и не думал вести записи.

— Обитатели того мира, — повторил я. — Вы сохранили их знания — а может, и знания еще многих других?

— Сейчас некогда, а то мы бы вам все объяснили, — сказали Цветы вместо ответа. — Тут много обстоятельств и соображений, которые вы пока понять не в силах. Поверьте нам на слово: когда они, изучив другие возможности, решили превратить нас в хранилище знаний и сведений, они выбрали самый мудрый и верный путь.

— Но сколько же на это ушло времени! Развить у растения разум... Бог ты мой, да на это нужна целая вечность! И как к этому подступиться? Как сделать растение разумным?

— О времени они не думали. Это было просто. Они умели им управлять. Они обращались со временем, как вы — с материей. Иначе ничего бы не вышло. Они сжали, спрессовали

наше время так, что в нашей жизни прошли многие века, а для них — секунды. В их распоряжении всегда было столько времени, сколько требовалось. Они сами создавали время, которое им требовалось.

— Создавали время?

— Да, разумеется. Разве это так непонятно?

— Мне непонятно. Время — река. Оно течет, и его не остановишь. Тут ничего нельзя поделать.

— Время ничуть не похоже на реку, — был ответ. — Никуда оно не течет, и с ним очень многое можно сделать. Кроме того, напрасно вы стараетесь нас оскорбить, нас это не задевает.

— Я вас оскорбил?!

— По-вашему, растениям так трудно обрести разум.

— Но я совсем не хотел вас оскорбить! Я думал о наших земных растениях. Не могу себе представить какой-нибудь одуванчик...

— Одуванчик?

— Обыкновенный цветок, такие у нас растут на каждом шагу.

— Возможно, вы и правы. Должно быть, мы с самого начала были не такие, как растения у вас на Земле.

— Но вы этого, конечно, не помните.

— Вы имеете в виду родовую память?

— Да, наверно.

— Это было очень давно. Но у нас есть данные. Не миф, не легенда, а точные данные о том, как мы стали разумными.

— В этом смысле человечеству до вас далеко, — сказал я. — У нас таких данных нет.

— А сейчас мы должны с вами проститься, — сказали Цветы. — Наш глашатай очень устал, надо беречь его силы, ведь он уже так давно служит нам верой и правдой, и мы к нему привязались. Мы с вами побеседуем в другой раз.

— Ф-фу! — сказал Таппер и утер ладонью подбородок. — Так долго я за них еще не разговаривал. Про что это вы толковали?

— А ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать, — огрызнулся Таппер. — Отродясь не подслушивал.

Он опять стал похож на человека. Глаза ожили, застывшие черты оттаяли.

— А чтецы? — спросил я. — Они же читают дольше, чем мы разговаривали?

— Кто читает, это не по моей части, — сказал Таппер. — С ними разговоров не ведут. Там прямо ловят мысли.

— А телефоны зачем же?

— Просто чтоб говорить им, про что надо читать.

— А разве они читают не по телефону?

— Ну, ясно, по телефону. Это чтоб они читали вслух. Цветам легче понимать, когда вслух. Вроде тогда у чтеца в голове все отчетливей выходит.

И Таппер медленно поднялся.

— Пойду сосну часок, — сказал он и направился к шалашу. Но на полдороге остановился и обернулся: — Совсем забыл. Спасибо тебе за штаны и за рубаху.

12

Стало быть, предчувствие меня не обмануло. Таппер — ключ к тому, что происходит, или по крайней мере — один из ключей. И, как ни дико это звучит, искать ключи ко всем другим загадкам надо на той же лужайке за теплицами, где разрослись лиловые цветы.

Ибо эта лужайка ведет не только к Таппер, но и ко всему остальному: к «двойнику», что выручил Джералда Шервуда,

к телефону без диска и к работе чтецов, к тем, кому служит Шкалик Грант, и, по всей вероятности, к тем, кто устроил загадочную лабораторию в штате Миссисипи.

А сколько еще за этим кроется престранных случаев, непонятных фабрик и лабораторий?

Конечно, это все не новость, это началось много лет назад. Цветы сами сказали, что уже многие годы для них открыт разум многих людей на Земле — они подслушивают мысли этих людей, перенимают их понятия, представления, знания, и даже когда человек не подозревает, что в его мозг прокрались незваные гости, они упорно подталкивают, направляют чужой разум, куда им заблагорассудится, как направляли ум Шервуда.

Многие годы, сказали они, а я не догадался спросить точнее. Может быть, это длится уже несколько столетий? Почему бы и нет, ведь они говорили, что обладают разумом уже миллиард лет.

Быть может, они вмешиваются в нашу жизнь уже несколько веков — уж не с эпохи ли Возрождения это началось? Что если расцветом культуры, духовным ростом и развитием человечество хотя бы отчасти обязано Цветам, которые толкали его все вперед по пути прогресса? Нет, конечно, не они определили характер человеческой науки, искусства, философии, но очень возможно, что это они будили в людях беспокойный дух, заставлявший стремиться к совершенству.

Джералда Шервуда такой неугомонный советчик вынудил стать изобретателем и конструктором. И может быть, он далеко не единственный, только в других случаях чужое вмешательство было не так очевидно? Шервуд почувствовал, что в него вселилось некое чуждое начало, и понял: сотрудничать с чужаком полезно и выгодно. А многие другие могли этого и не почувствовать, но все равно их что-то вело, толкало, и отчасти поэтому они чего-то достигли.

За сотни лет Цветы, конечно, неплохо изучили человечество и пополнили свои запасы многими людскими познаниями. Ведь для того их и наделили разумом, чтобы сделать хранилищем знаний. В последние несколько лет человеческие знания текли к ним непрерывным потоком, десятки, а то и сотни чтецов усердно наполняли ненасытную глотку их разума всем, что общими усилиями собрало в своих книгах человечество.

Наконец я поднялся — я так долго сидел на земле не шевелясь, что весь одеревенел. Потянулся, медленно повернул голову и осмотрелся — взгляд упирался в гряды холмов, они тянулись справа и слева, чуть поодаль от реки, сплошь захлестнутые лиловым приливом.

Не может этого быть. Не мог я разговаривать с цветами. Что-что, а растения — только они из всех форм жизни на Земле — начисто лишены дара речи.

Да, но ведь это не наша Земля. Это какая-то другая Земля — по их словам, лишь одна из многих миллионов.

Можно ли по одной из этих Земель судить о другой, мерить их той же мерой? Уж наверно, нельзя. Правда, местность вокруг почти такая же, как и наизусть знакомые места на моей родной Земле, но, возможно, рельеф остается тот же для всех бесчисленных миров. Как бишь они сказали: Земля — это неизменная основа?

А вот жизнь, эволюция — тут нет ничего общего. Даже если на моей Земле и на этой, куда я сейчас попал, жизнь начиналась совершенно одинаково (а это вполне могло случиться), то все равно в дальнейшем на ее пути неизбежно возникали несчетные мелкие отклонения, сами по себе, возможно, пустячные, но все вместе они привели к тому, что жизнь и культура одной Земли ничем не напоминают остальные.

Таппер захрапел — в носу и в глотке у него громко бурлило, булькало, храп был под стать всему его облику. Он лежал в шалаше навзничь на куче листьев, но шалаш был так мал,

что ноги Таппера высовывались наружу. Задубевшие пятки упирались в землю, широко расставленные пальцы торчали в небо — зрелище не слишком изысканное.

Я подобрал тарелки и ложки, сунул под мышку горшок, в котором Таппер варил похлебку. Отыскал взглядом тропинку, сбегавшую к реке, и стал спускаться. Таппер стряпал еду, так должен же я хотя бы перемыть посуду.

Я присел на корточки у самой воды, вымыл кривобокие тарелки и горшок, ополоснул ложки и старательно протер их пальцами. С тарелками я обращался бережно: еще размокнут! На глине виднелись отпечатки неуклюжих тапперовых пальцев, вылепивших эту корявую утварь.

Он живет здесь уже десять лет, и он счастлив, ему хорошо среди лиловых цветов, они стали ему друзьями, наконец-то он защищен от злобы и жестокости мира, в котором родился. Мир этот был зол, был жесток с Таппером, потому что Таппер не такой, как все, — но как часто злоба и жестокость преследуют и тех, кто ничем не выделяется среди других.

Тапперу, конечно, кажется, что он попал в волшебный край, сказочная страна фей стала для него явью. Здесь красиво и просто — эта безыскусственность и красота созвучны его простой душе. Здесь он может жить бесхитростно, безмятежно, к такой жизни он всегда стремился, по ней тосковал, сам того не понимая.

Я поставил горшок и тарелки на берегу, нагнулся пониже, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воды и стал пить. Вода была чистая, точно ключевая, и, наперекор жаркому летнему солнцу, прохладная.

Выпрямляясь, я услыхал слабый шелест бумаги, и сердце екнуло: я вдруг вспомнил! Сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил длинный белый конверт. Он не был запечатан, я открыл его — внутри лежала пачка денег, полторы тысячи долларов, которые передал мне Шервуд.

С конвертом в руке я присел на корточки. Какого же я свалял дурака! Мы с Элфом собирались на рыбалку с утра пораньше, когда банк еще не открыт, и я хотел покуда спрятать конверт где-нибудь дома, а потом началась кутерьма, я закрутился и позабыл. Это ж надо — забыть про полторы тысячи долларов!

Я перебрал в уме все, что могло случиться с этим конвертом, и меня прошиб холодный пот. Я мог потерять его раз двадцать — и чудо, что не потерял. Вот уж поистине дуракам счастье! Но странно: вот я сижу на берегу, ошарашенный собственной забывчивостью, держу в руках кругленькую сумму — и оказывается, почему-то она теперь не так уж много для меня значит.

Быть может, это на меня так подействовало тапперово волшебное царство, что деньги для меня уже не столь важны, как прежде? Хотя, конечно, если бы я сумел возвратиться домой, они вновь значили бы очень, очень много. Но здесь, в чужом мире, на краткий миг стало важно другое: неуклюжая утварь, грубо вылепленная из речной глины, шалаш из ветвей и куча листьев вместо постели. И куда важнее всех денег на свете поддерживать крохотный костер, потому что спичек здесь нет.

А впрочем, ведь это не мой мир. Это мир Таппера, безвольный, подслеповатый, как он сам, — и где ему понять, что таит в себе и чем грозит этот мир.

Ибо настал день, который давно предвидели и о котором много рассуждали... хотя рассуждали куда меньше, чем следовало, и слишком плохо к нему готовились, ведь он казался таким далеким, таким невероятным. Настал день, когда человечество встретилось (а быть может, вернее сказать — столкнулось) с иным разумом.

Правда, мы всегда рассуждали либо о пришельцах из космоса, либо о встрече с чужим разумом с какой-нибудь далекой

планеты. А тут пришельцы не из пространства, но из времени или, во всяком случае, из-за барьера времени.

А не все ли равно? Из пространства ли, из времени ли — осложнения те же. Вот он пришел — час, когда человеку предстоит величайший в истории экзамен, и провалиться нельзя.

Я собрал посуду и стал подниматься по тропинке. Таппер еще спал, но больше не храпел. Он по-прежнему лежал на спине, пальцы ног все так же торчали в небо.

Солнце клонилось к закату, но жара не спадала, в воздухе — ни ветерка. И лиловые цветы на склонах холмов недвижны.

Я стоял и смотрел на них — цветы как цветы, милые, невинные, словно бы ничего не обещают и ничем не грозят. Просто луг, поросший цветами, — все равно как ромашками или нарциссами. Мы, люди, искони привыкли к цветам и ничего худого от них не ждем. Они безличны, они ничего не значат, радуют глаз яркими красками — и только.

Вот в том-то и загвоздка, в голове никак не укладывается, что эти Цветы — не просто цветы. Не верится, будто они — разумные существа, будто за ними стоит нечто значительное, весомое. Трудно принять их всерьез, а надо, ибо по-своему они столь же разумны, как люди, а быть может, и разумнее.

Я оставил посуду у костра и начал медленно подниматься в гору. На ходу я раздвигал и мял цветы, а некоторые раздавил, но просто невозможно было пройти, не растоптав ни одного цветка.

Непременно надо будет еще с ними поговорить. Как только Таппер отдохнет, я опять с ними потолкую. Столько всего надо выяснить, во многом разобраться. Если Цветам и людям придется существовать бок о бок, необходимо достичь взаимопонимания. Ну-ка, попробуем вспомнить все, о чем мы говорили, в чем же она была, скрытая угроза, ведь была же она? Но хоть убей, сколько ни вспоминаю, в том, что я слышал, никакой угрозы нет.

Вот и вершина холма, с нее далеко видна волнистая лиловая низина. Огибая косогор, бежит ручеек, вьется меж холмами и чуть подальше впадает в реку. Бежит, прыгает по камешкам, мне отсюда слышен его серебряный лепет.

Я стал медленно спускаться к ручью — и на другом берегу, у подножия нового холма, увидел какой-то бугор, что-то вроде насыпи. Прежде я ее не замечал — вероятно, косые закатные лучи падали так, что она не бросалась в глаза.

Просто бугор, ничем не примечательный, но он как-то не сочетается со всем окружающим. Здесь, посреди цветущей холмистой равнины, он торчит отдельно, сам по себе, словно горбатый урод, оставшийся от иных времен.

Я спустился к ручью и перешел его вброд — здесь было мелко, вода покрывала полосу блестящей гальки всего лишь дюйма на три.

У самого края воды, наполовину выступая из береговой кручи, торчала каменная глыба. Совсем как скамья — я уселся и поглядел на реку. Солнце отсвечивало в воде, мельчайшая рябь искрилась алмазами, в воздухе серебром рассыпались переливчатые трели ручья.

В том мире, где остался Милвилл, на этом месте никакого ручья нет; а впрочем, через луг Джека Диксона проходит высохшее русло и порой в него просачивается вода из болота, что за лачугой Шкалика. Может, и там, возле Милвилла, в старину был такой ручеек, а потом появился пахарь с плугом, началась эрозия почвы, и облик всей местности переменился.

Так я сидел, околдованный алмазным сверканьем и звоном ручья. Наверно, вот так, в теплых лучах заходящего солнца, под защитой холмов можно сидеть целую вечность.

Бездумно, от нечего делать я коснулся ладонями камня, на котором сидел, и начал его поглаживать. Руки должны бы мигом подсказать мне, что поверхность у камня какая-то

странная, но я так поглощен был солнцем и ручьем, что лишь через несколько минут странность эта дошла до моего сознания.

Я и тут не вскочил, я по-прежнему сидел и кончиками пальцев водил взад и вперед по камню, но теперь и не глядя убеждался: ошибки нет, на ощупь ясно — это не просто каменная глыба, а обтесанная плита.

Наконец я поднялся и посмотрел — да, сомнений нет. Передо мною квадратная плита, кое-где еще видны знаки от удара зубилом. И на одном углу сохранились следы хрупкого вещества — должно быть, некогда это было подобие цемента.

Разглядев все это, я выпрямился и отступил, пришлось войти в ручей, вокруг щиколоток заплескалась вода.

Не просто глыба, не какой-нибудь валун, а каменная плита! Обтесанная плита со следами зубила и с остатками цемента по краю!

Значит, Цветы — не единственные обитатели этой планеты. Есть и другие или были когда-то. Существа, которые умели строить из камня и придавали камню нужную форму и размеры при помощи орудий.

Я поднял глаза от каменной плиты к тому бугру у края воды — из него выступали и еще такие же плиты. Я застыл на месте и, позабыв о солнечных бликах, о серебряной песне ручья, обвел взглядом проступавшие из земли плиты — все ясно, некогда здесь была стена.

Так, стало быть, этот бугор — не прихоть природы. Это — свидетельство, что в давние времена здесь потрудились существа, которые умели строить, умели пользоваться орудиями и инструментами.

Я вышел из ручья и взобрался на бугор. Камни невелики и никак не украшены — только следы зубила да кое-где остатки скреплявшего плиты цемента. Видно, когда-то здесь стояло здание. Или, может быть, ограда. Или памятник.

Я опять начал спускаться к ручью, держа чуть ниже того места, где переходил его вброд; склон был крутой, и я спускался медленно, осторожно, тормозя руками — не ровен час сорвешься.

И тут, прижимаясь всем телом к откосу, чтобы не упасть, я набрел на кость. Должно быть, дождь и ветер совсем недавно высвободили ее из-под слоя почвы, и теперь ее укрывали только лиловые цветы. Если бы не чистая случайность, я, скорее всего, прошел бы мимо. Сперва я ее не разглядел, заметил только: в земле что-то тускло белеет. Сполз по склону — и лишь тогда увидел кость, вновь подтянулся повыше и вытащил ее.

Когда я сжал ее, пальцы мои словно пылью покрылись — верхний слой изъело время, — но сама кость не сломалась.

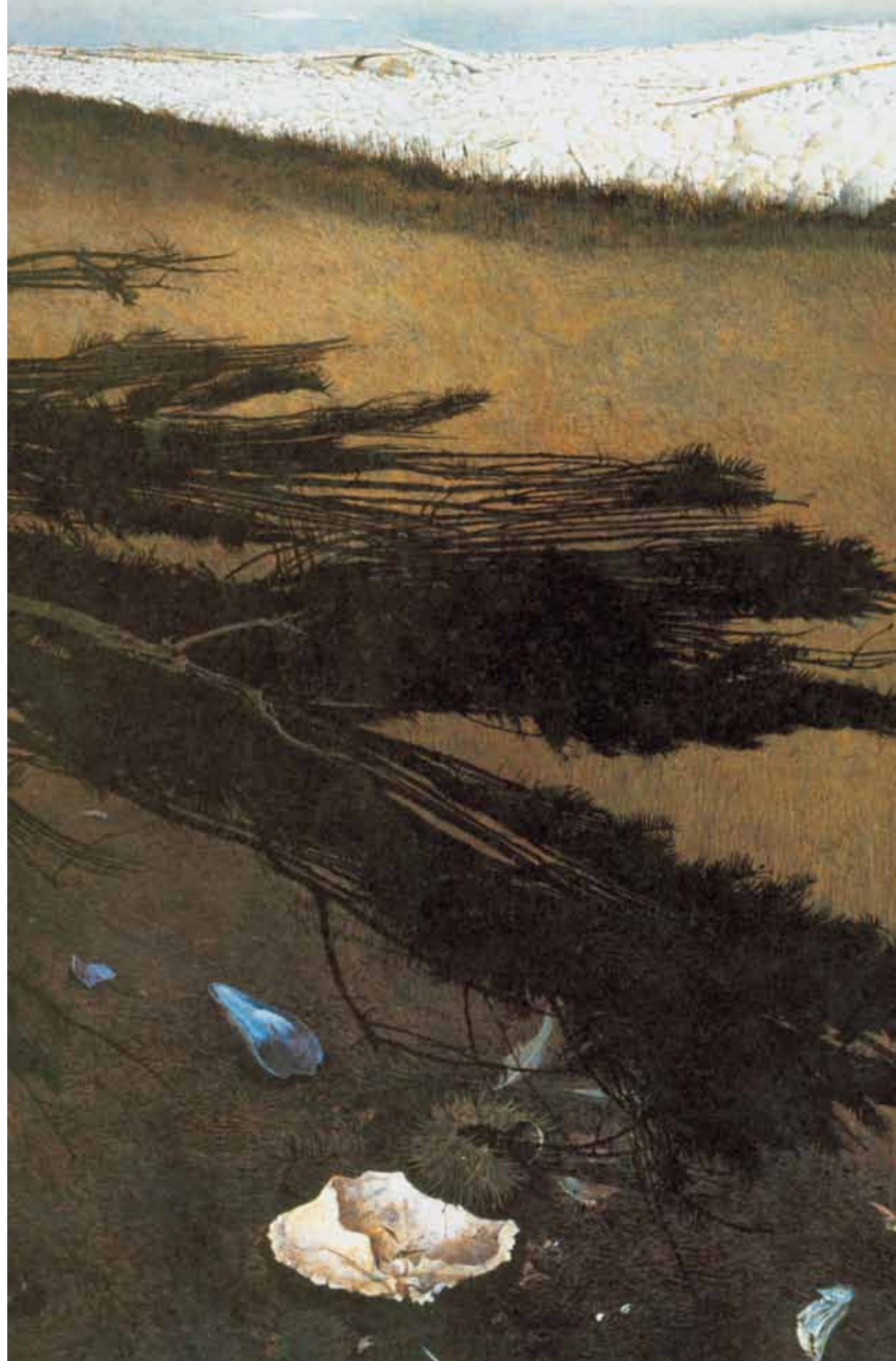
Чуть изогнутая и призрачно-белая, белая как мел.

Я повертел ее в руках: похоже, что это ребро, и, может быть, судя во форме и размеру, человеческое, — впрочем, тут моих знаний не хватает, могу и ошибиться.

Если эта кость и вправду сходна с человеческой, значит, когда-то здесь жили существа, напоминающие людей. Но тогда, может быть, здесь и поныне обитает какое-то подобие человечества?

Планета, населенная цветами... никакой иной жизни — только лиловые цветы да в последние годы Таппер Тайлер. Так подумал я сначала, увидав море цветов, расплескавшееся до самого горизонта, но это был только домысел. Не успев путем разобраться, я поспешил с выводами. Отчасти их подкрепляло то, что я увидел: здесь, на этом клочке земли, и в самом деле нет больше ничего живого — ни птиц, ни зверей, ни насекомых, разве что какие-нибудь бактерии, вирусы, да и то, вероятно, лишь такие, которые полезны Цветам.

Хотя верхний слой кости под пальцами обращался в меловую пыль, сама кость, видимо, была очень крепкая. Не так уж

давно это была часть живого существа. Чтобы определить ее возраст, наверно, надо знать состав и влажность почвы и еще многое. Это задача специалистов, а я не специалист.

Потом я заметил справа еще одно белое пятнышко. Конечно, это мог быть и просто белый камень, но я с первого взгляда решил иначе. В глаза бросалась та же меловая белизна, что и у ребра — моей первой находки.

Я осторожно передвинулся вправо и, уже наклоняясь, увидел, что это не камень. Я отложил ребро и стал копать. Почва рыхлая, песчаная, можно обойтись и без лопаты, собственными руками.

Кость оказалась округлой, через минуту я понял: это череп, а еще через минуту — что череп человеческий.

Я откопал его, поднял — и если с ребром я еще мог ошибиться, то теперь сомнений не было.

Я был подавлен, меня захлестнула жалость: вот он когда-то жил, и его больше нет... и еще мне стало страшно.

Ведь этот череп у меня в руках — бесспорное доказательство, что Земля эта не всегда принадлежала Цветам. Их родина не здесь... должно быть, они завоевали этот мир... так или иначе, он перешел к ним от кого-то другого. Да, очень возможно, что они переселились во времени очень далеко от той Земли, где иное племя — по их описанию, племя, нисколько не похожее на людей, — научило их мыслить.

Как далеко в прошлом лежит она, родина Цветов? Сколько еще Земель завоевали они на пути сюда, в этот мир из того неведомого, который был их колыбелью? Сколько миров осталось позади, опустошенных, очищенных от всего живого, что могло соперничать с этими Цветами...

А те, кто обучил и возвысил простые растения, кто наделил их разумом, — где они теперь, что с ними сталось?

Я положил череп обратно в яму, откуда его извлек. Снова осторожно засыпал его песком и землей — так, что больше

уже ничего не было видно. Хорошо бы взять его с собой и внизу, на берегу, получше разглядеть. Но нельзя: Таппер не должен знать о моей находке. Его друзья Цветы с легкостью читают его мысли, а мои мысли для них — книга за семью печатями, иначе зачем бы им для переговоров со мной понадобился телефон. Значит, пока я ничего не скажу Таппер у, Цветы не узнают, что я нашел этот череп. Впрочем, быть может, они уже знают, быть может, они умеют видеть или обладают еще каким-нибудь чувством, которое заменяет им зрение. Но нет, вряд ли: ничего такого пока не заметно. Вернее всего, они способны к умственному симбиозу и знают только то, что им открылось в мыслях других разумных существ.

Я спустился с насыпи, обогнул ее и по дороге нашел еще много каменных плит. Несомненно, когда-то на этом месте стояло здание. А может быть, тут был поселок или даже город? Так или иначе, здесь жили люди.

Я вышел на берег у дальнего конца насыпи, где ручей бежал вдоль нее вплотную, подмывая крутой склон, — и зашлепал по воде к тому месту, где раньше переходил вброд.

Солнце село, алмазные искры на воде угасли. Смеркалось, и ручей казался темным, почти бурым.

Крутой черный берег вдруг ощерился ухмылкой мне навстречу, и я застыл, вглядываясь, — передо мной белел ряд обломанных зубов, выпукло круглился череп. Течение хватало меня за ноги, стараясь увлечь за собой, вода тихонько рычала на меня, с темнеющих холмов тянуло холодом... меня пробрала дрожь.

Ибо, глядя на этот второй череп, оскалившийся мне навстречу из черной крутизны, я понял: человечеству грозит величайшая, небывалая опасность. Доныне род людской мог погибнуть только по собственной вине, по вине людей. И вот у меня перед глазами новая угроза.

13

Спотыкаясь в полутьме, я спускался по косогору и еще издали увидел красноватый отблеск костра: Таппер уже проснулся и готовил ужин.

— Погулял? — спросил он.

— Так, огляделся немного, — ответил я. — Тут и смотреть особенно не на что.

— Одни Цветы — и все, — подтвердил Таппер.

Он утер подбородок, сосчитал пальцы на руке, потом пересчитал сызнова, проверяя, не ошибся ли.

— Таппер!

— Чего?

— Тут что же, всюду так? По всей этой Земле? Больше ничего нету, одни Цветы?

— Иногда еще разные приходят.

— Кто — разные?

— Ну, из разных других миров. Только они опять уходят.

— А какие они?

— Забавники. Ищут себе забаву.

— Какую же забаву?

— А я не знаю. Просто забаву.

Таппер отвечал хмуро, уклончиво.

— А больше здесь никто не живет, кроме Цветов?

— Никого тут нету.

— Ты разве всю эту Землю обошел?

— Они мне сами сказали. Они врать не станут. Они не то, что милвиллские. Им врать ни к чему.

Двумя сучьями он сдвинул глиняный горшок с пылающих угольев в сторонку.

— Помидоры, — сказал он. — Любишь помидоры?

Я кивнул; он опустился на корточки у огня, чтоб лучше следить за своей стряпней.

— Они всегда говорят правду, — вновь начал Таппер. — Они и не могут врать. Так уж они устроены. У них вся правда внутри. Они ею живут. Им и ни к чему говорить неправду. Ведь люди почему врут? Боятся, вдруг им кто сделает больно, плохо, а тут никого плохого нет, Цветам никто зла не сделает.

Он задрал голову и уставился на меня с вызовом — дескать, попробуй, поспорь!

— Я и не говорил, что они врут, — сказал я. — Пока что я ни в одном их слове не усомнился. А что это ты сказал: у них правда внутри? Это ты про то, что они много знают?

— Да, наверно. Они много-много всего знают, в Милвилле никто такого не знает.

Я не стал возражать. Милвилл — это прошлое Таппера. В его устах Милвилл означает человечество.

А он опять принялся пересчитывать пальцы. Сидит на корточках, такой счастливый, довольный, в этом мире у него совсем ничего нет — но все равно он счастлив и доволен.

Поразительна эта его способность общаться с Цветами! Как мог он так хорошо, так близко их узнать, чтобы говорить за них? Неужели этому слюнявому дурачку, который никак не сосчитает собственных пальцев, дано некое шестое чувство, неведомое обыкновенным людям? И этот дар в какой-то мере вознаграждает его за все, чего он лишен?

В конце концов, человеческое восприятие на редкость ограниченно: мы не знаем, каких способностей нам не хватает, и не страдаем от своей бедности именно потому, что просто не в силах вообразить себя иными, одаренными щедрее. Вполне возможно, что какой-то каприз природы, редкостное сочетание генов наделили Таппера способностями, недоступными больше ни одному человеку, а сам он и не подозревает о своей исключительности, не догадывается, что другим людям недоступны ощущения, для него привычные и естественные. Быть

может, эти сверхчеловеческие способности под стать тем, непостижимым, которые таятся в лиловых Цветах?

Деловитый голос, по телефону предлагавший мне заделаться дипломатом, сказал, что меня рекомендовали наилучшим образом. Кто же? Уж не этот ли, что сидит напротив, у костра? Ох, как мне хотелось его спросить! Но я не посмел.

— Мяу, — подал голос Таппер. — Мяу, мя-ау!

Надо отдать ему справедливость, мяукал он как самая настоящая кошка. Он мог изобразить кого угодно. Он всегда неутомимо подражал голосам разного зверья и птичья и достигал в этом истинного совершенства.

Я промолчал. Он, видно, опять ушел в себя и, может быть, попросту забыл обо мне.

От горшка, стоявшего на угольях, шел пар, в воздухе дразняще запахло едой. На востоке, низко над горизонтом, проглянула первая вечерняя звезда, и снова меж треском угольев и мяуканьем Таппера я ощутил мгновенья тишины — такой глубокой, что, как вслушаешься, кружится голова.

Страна безмолвия, огромный вечный мир тишины — ее нарушают лишь вода, ветер да слабые, жалкие голоса пришельцев, чужаков вроде меня и Таппера. Хотя Таппер, наверно, больше не чужак, он стал своим.

Я остался в одиночестве: тот, кто сидит напротив, отгородился и от меня, и от всего окружающего, замкнулся в убежище, которое сам для себя построил; там он совсем один, охраняемый накрепко запертой дверью, — только он один и может ее отпереть, больше ни у кого нет ключа, никто и не представляет, с каким ключом к ней подступиться.

В одиночестве и молчании я ощутил Лиловость — смутный, едва уловимый дух и облик хозяев планеты. Веет словно бы и дружелюбием... но оно какое-то пугающее, будто к тебе ластится огромный, свирепый зверь. И становится страшно.

Экая глупость. Испугаться цветов!

Тапперов кот, одинокий, потерянный, скитается во тьме, в унылых, оплаканных дождем лесах некоей страны чудовищ, и тихонько, жалобно мяучит, тщетно отыскивая путеводную нить в этом мире неведомого.

Страх отступил за пределы тесного светлого круга от костра. Но Лиловость по-прежнему здесь, на холмах, — затаилась и подстерегает.

Враг? Или просто — нечто чуждое, непонятное?

Если это враг, то грозный, безжалостный и неодолимый.

Ведь растительное царство — единственный источник энергии, питающей царство животных.

Только растения способны уловить, преобразить и сохранить про запас то, без чего нет жизни. И только пользуясь энергией, накопленной растениями, могут существовать животные и люди. Если растения умышленно погрузятся в сон или станут несъедобными, все живое, кроме них, погибнет.

А эти Цветы опасно переменчивы. Они могут обернуться каким угодно растением, тому свидетельство — огород Таппера и деревья, что растут ему на топливо. Эти оборотни могут стать деревом и травой, колосом, кустом и лианой. Они не просто прикидываются, нет, они и вправду превращаются в любое другое растение.

Что если им откроют доступ на нашу Землю, на планету людей, а за это они предложат заменить наши деревья другими, лучшими... или это будут те же, издавна знакомые дубы, березы и сосны, только они станут быстрей расти, поднимутся стройней и выше, дадут больше тени и лучшую древесину, лучший строевой лес... Допустим, Цветы заменят нашу пшеницу другой, лучшей, — урожаи станут богаче, зерно полновеснее, этой пшенице не страшны будут ни засуха, ни иные напасти. Допустим, будет заключен такой уговор: Цветы заменят все земные растения — все овощи и травы, все злаки и деревья — и дадут людям больше пищи с каждого поля и

каждой грядки, больше дров или досок от каждого дерева, больше пользы и выгоды от всего, что растет.

В мире не станет голода, всего будет в избытке, ведь Цветы могут дать человеку все, что ему нужно.

Мы привыкнем полагаться на них, от них, от их верности уговору будут зависеть все хозяйство и самая жизнь человечества — и тогда человечество в их власти! А если они вдруг снова превратятся из пшеницы, кукурузы, травы во что-нибудь другое? Они разом обрекут всю Землю на голодную смерть. Или внезапно станут ядовитыми — и смогут убивать мгновенно, это все-таки милосерднее. А если к тому времени они по-настоящему возненавидят людей? Разве они не могут наполнить воздух какой-нибудь тлетворной пыльцой, столь пагубной для всего живого на Земле, что смерть, когда она наконец настанет, покажется желанным избавлением?

Или, предположим, люди не захотят пустить их на Землю, но они все равно к нам проникнут... люди не станут заключать с ними сделку, но они сами тайно обратятся в хлеба и травы и все другие земные растения, вытеснят их, убьют, подменят собою несчетные виды земной растительности. Что ж, конец будет тот же.

Проникнут ли они к нам с нашего согласия или наперекор нашей воле — мы бессильны их остановить, мы в их власти. Быть может, они нас истребят, а может быть, и нет, но если и нет, важно одно: стоит им пожелать — и они в любую минуту нас уничтожат.

Однако, если Цветы намерены пробраться на Землю, захватить ее, смести с лица ее все живое, тогда чего ради они вступали со мной в переговоры? Они вольны проникнуть к нам и без нашего ведома. На это уйдет немного больше времени, но дорога открыта. Ничто не могло бы им помешать, ведь люди ни о чем бы не подозревали. Предположим, некие лиловые цветы выйдут за пределы милвиллских садов и год от года начнут множиться, разрастутся среди живых изгородей,

в придорожных канавах, в глухих уголках и закоулках, подальше от людского глаза... ведь этого никто и не заметит. Год от года они станут расползаться все шире, все дальше и за сто лет обоснуются на Земле прочно и навсегда.

Так я думал, рассчитывал, прикидывал на все лады, а откуда-то из глубин сознания упрямо пробивалась и взывала другая мысль — и наконец я прислушался: ну, а если бы мы и могли воспротивиться Цветам, отбросить их — нужно ли это? Даже если здесь и может таиться опасность, надо ли преграждать им путь? Ведь это впервые мы встречаемся с иной жизнью, с иным разумом. Впервые человечеству представился случай — если только у нас хватит решимости — приобрести новые познания, по-новому посмотреть на жизнь, заполнить пробелы в нашей науке, перекинуть мост мысли через пропасть, постичь иные, новые для человека воззрения, изведать новые чувства, встретиться с незнакомыми побуждениями, разобраться в незнакомой нам логике. Неужели мы струсим и попятимся? Неужели не сумеем пойти навстречу первым пришельцам из иного мира, не постараемся сгладить разногласия, если они и есть? Ведь если мы провалимся на первом же экзамене, не миновать провала и во второй раз, и, может быть, уже никогда нам не знать удачи.

Таппер очень похоже изобразил звонок телефона. Любопытно, как попал телефон в дебри, где одиноко блуждает его воображаемый кот? Может, кот набрел на телефонную будку посреди темной, залитой дождем чащи и теперь хочет узнать, где же он и как ему вернуться домой?

Снова телефонный звонок, потом короткое, выжидательное молчание. И вдруг Таппер сказал мне с досадой:

— Да отзовись ты! Это ж тебя!

— Что такое?!

— Скажи — слушаю! Давай отвечай.

— Ладно, — сказал я, лишь бы он не злился. — Слушаю.

И тут он заговорил голосом Нэнси, да так похоже, что мне показалось — она тут, рядом.

— Брэд! — позвала она. — Брэд, где ты?

Она почти кричала, задыхалась от волнения, голос дрожал и срывался.

— Где ты, Брэд? Куда ты исчез?

— Трудно объяснить, — сказал я. — Понимаешь...

— Где я только не искала! — она захлебывалась словами. — Мы тут все обыскали. Тебя весь город ищет. А потом я вспомнила про этот телефон у папы в кабинете — знаешь, который без диска. Я его и раньше видела, только внимания не обращала. Думала, это какая-то модель, или игрушка, или так, подделка, обман шутки ради. А сейчас столько шуму из-за этих телефонов в хижине у Шкалика Гранта, и Эд Адлер рассказал мне, что у тебя в конторе тоже был такой аппарат. И под конец до меня дошло: может, и у папы такой же телефон. Только до меня ужасно долго не доходило. А потом я пошла к папе в кабинет, встала, и стою, и только смотрю на этот телефон... понимаешь, просто струсила. Стою и думаю — кто его знает, возьмусь за него — и вдруг начнется что-то очень страшное. А потом собралась с духом, сняла трубку, слышу — дышит, ток есть, я и спросила тебя. Конечно, это дурацкий поступок, но... Так что ты сказал, Брэд?

— Я говорю, очень трудно объяснить толком, где я. Сам-то я знаю, да объяснить не могу, никто не поверит.

— Скажи мне. Не трать время зря. Только скажи, где ты.

— В другом мире. Я прошел через сад...

— Куда прошел?!

— Просто я шел по саду, по следам Таппера, и вдруг...

— По каким следам?

— По следам Таппера Тайлера. Я, кажется, забыл тебе сказать: он вернулся.

— Не может быть! Я прекрасно помню Таппера. Уже десять лет, как он исчез.

— Он вернулся. Сегодня утром. А потом опять ушел. И я пошел по его следам...

— Это ты уже говорил. Ты пошел за Таппером и очутился в другом мире. Где он находится, этот мир?

Нэнси, как все женщины, задает невозможные вопросы!

— Точно не знаю, но он в другом времени. Может быть, разница только в одну секунду.

— А вернуться ты можешь?

— Попробую. Что выйдет — не знаю.

— А я не могу тебе как-нибудь помочь? Или все мы — весь город?

— Слушай, Нэнси, это пустой разговор. Скажи лучше, где твой отец?

— Он сейчас у тебя дома. Там полно народу. Все тебя ждут.

— Ждут? Меня?

— Ну да. Понимаешь, они все обыскали и знают, что в Милвилле тебя нет, и многие считают, что ты знаешь, в чем секрет...

— Это насчет барьера?

— Да.

— И они здорово злы?

— Некоторые — очень.

— Слушай, Нэнси...

— Не трать зря слов. Я и так слушаю.

— Можешь ты пойти туда и потолковать с отцом?

— Конечно!

— Вот и хорошо. Скажи ему, что, когда я вернусь... если только сумею... мне надо будет с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь наверху. На самом верху. Может, даже с президентом или кто там к нему поближе. Или с кем-нибудь из Организации Объединенных Наций.

— Кто же тебя пустит к президенту, Брэд?

— Может, и не пустят, но мне нужно добраться до кого-нибудь там повыше. Мне надо им кое-что сообщить, прави-

тельство должно об этом знать. И не только наше — все правительства должны знать. У твоего отца наверняка найдутся какие-нибудь знакомые, с кем он может поговорить. Скажи ему, дело нешуточное. Это очень важно.

— Брэд... Брэд, а ты нас не разыгрываешь? Смотри, если это все неправда, будет ужасный скандал.

— Честное слово, — сказал я. — Нэнси, это очень серьезно, я говорю тебе чистую правду. Я попал в другой мир, в соседний мир...

— Там хорошо, Брэд?

— Недурно. Всюду одни цветы, больше ничего нет.

— Какие цветы?

— Лиловые. Их мой отец разводил. Такие же, как у нас в Милвилле. Эти цветы все равно что люди, Нэнси. И это они огородили Милвилл барьером.

— Но цветы не могут быть как люди, Брэд!

Она говорила со мной, как с маленьким. Как с младенцем, которого надо успокоить. Надо же: спрашивает, хорошо ли здесь, и объясняет, что цветы — не люди. Уж эта мне милая, деликатная рассудительность.

Я постарался подавить злость и отчаяние.

— Сам знаю. Но это все равно. Они разумные и вполне общительные.

— Ты с ними разговаривал?

— За них говорит Таппер. Он у них переводчиком.

— Да ведь Таппер был просто дурачок.

— Здесь он не дурачок. Он может многое, на что мы не способны.

— Что он такое может? Брэд, послушай...

— Ты скажешь отцу?

— Скажу. Сейчас же еду к тебе домой.

— И еще, Нэнси...

— Да?

— Пожалуй, ты лучше не говори, где я и как ты меня отыскала. Наверно, Милвилл и так ходит ходуном.

— Все просто взбеленились, — подтвердила Нэнси.

— Скажи отцу что хочешь. Скажи все как есть. Но только ему одному. А уж он сообразит, что сказать остальным. Ни к чему будоражить их еще больше.

— Хорошо. Береги себя. Возвращайся целый и невредимый.

— Ну, ясно, — сказал я.

— А ты можешь вернуться?

— Думаю, что могу. Надеюсь.

— Я все передам отцу. Все в точности, как ты сказал. Он этим займется.

— Нэнси. Ты не беспокойся. Все обойдется.

— Ну конечно. До скорой встречи!

— Пока! Спасибо, что позвонила.

— Спасибо, телефон, — сказал я Таппер у.

Таппер поднял руку и погрозил мне пальцем.

— Брэд завел себе девчонку, — нараспев протянул он. — Брэд завел себе девчонку.

Мне стало досадно.

— А я думал, ты никогда не подслушиваешь, — сказал я.

— Завел себе девчонку! Завел себе девчонку!

Он разволновался и так и брызгал слюной.

— Хватит! — заорал я. — Заткнись, не то я тебе шею сверну!

Он понял, что я не шучу, и замолчал.

14

Я проснулся. Вокруг была ночь — серебро и густая синева. Что меня разбудило? Я лежал на спине, надо мной мерцали частые звезды. Голова была ясная. Я хорошо помнил, где нахожусь. Не пришлось ощупью, наугад возвращаться

к действительности. Неподалеку вполголоса журчала река; от костра, от медленно тлеющих ветвей тянуло дымком.

Что же меня разбудило? Лежу совсем тихо: если оно рядом, не надо ему знать, что я проснулся. То ли я чего-то боюсь, то ли жду чего-то. Но если и боюсь, то не слишком.

Медленно, осторожно поворачиваю голову — и вот она, луна: яркая, большая — кажется, до нее рукой подать, — всплывает над чахлыми деревцами, что растут по берегу реки.

Я лежу прямо на земле, на ровной, утоптанной площадке у костра. Таппер с вечера забрался в шалаш, свернулся клубком, так что ноги не торчали наружу, как накануне. Если он все еще там и спит, то без шума, из шалаша не доносится ни звука.

Слегка повернув голову, я замер и насторожился: не слышны ли чьи-то крадущиеся шаги? Но нет, все тихо. Сажусь.

Залитый лунным светом склон холма упирается верхним краем в темно-синее небо — это сама красота парит в тишине, хрупкая, невесомая... даже страшно за нее: вымолвишь слово, сделаешь резкое движение — и все рассыплется; тишина, небо, серебряный откос — все разлетится тысячами осколков.

Осторожно поднимаюсь на ноги, стою посреди этого хрупкого, ненадежного мира... Что же все-таки меня разбудило?

Тишина. Земля и небо замерли, словно на мгновенье привстали на цыпочки — и мгновенье остановилось. Вот оно застыло, настоящее, а прошлого нет и грядущего не будет — здесь никогда не прозвучат ни тиканье часов, ни вслух сказанное слово...

И вдруг надо мной что-то шевельнулось: человек или что-то похожее на человека бежит по гребню холма; легко, стремительно бежит гибкая, стройная тень, совсем черная на синеве неба.

Бегу и я. Взбегаю по косогору, сам не знаю, почему и зачем. Знаю одно: там — человек или кто-то подобный человеку, я должен встретить его лицом к лицу; быть может, он наполнит

новым смыслом эту заросшую цветами пустыню, этот край безмолвия и хрупкой, неверной красоты; быть может, благодаря ему здесь, в новом измерении, в чужом пространстве и времени, для меня что-то прояснится и я пойму, куда идти.

Неведомое существо все так же легко бежит по вершине холма, я пытаюсь его окликнуть, но голоса нет — остается бежать вдогонку.

Должно быть, оно меня заметило: оно вдруг остановилось, круто обернулось и смотрит, как я поднимаюсь в гору. Сомнений нет, передо мною человеческая фигура, только на голове словно гребень или хохол, он придает ей что-то птичье — как будто на человеческом теле выросла голова попугая.

Задыхаясь, бегу к этой странной фигуре, и вот она начинает спускаться мне навстречу — спокойно, неторопливо, с какой-то безыскусственной грацией.

Я остановился и жду, и стараюсь отдышаться. Бежать больше незачем. Странное существо само идет ко мне.

Оно подходит ближе, тело у него совсем черное, в темноте толком не разглядеть, видно лишь, что хохол на голове то ли белый, то ли серебряный. В лунном свете не разберешь — белый или серебряный.

Я немного отдышался и вновь начинаю подниматься в гору, навстречу непонятному существу. Мы медленно подходим друг к другу — наверно, каждый боится каким-нибудь резким движением спугнуть другого.

Оно останавливается в десяти шагах от меня, я тоже останавливаюсь — теперь я уже ясно вижу: оно сродни человеку. Это женщина — нагая или почти нагая. Под луной сверкает странное украшение у нее на голове, не понять — то ли это и вправду какой-то хохол, то ли причудливая прическа, а может, и головной убор.

Хохол — белый, а все тело совершенно черное, черное как смоль, от луны на нем играют голубоватые блики. И такая

в нем настороженная гибкость и проворство, такая неукротимая радость жизни, что дух захватывает!

Она заговорила со мной. Ее речь — музыка, просто музыка, без слов.

— Простите, — сказал я. — Не понимаю.

Она снова заговорила, ее голос прозвенел в серебряно-синем мире хрустальной струйкой, звонким фонтаном живой мысли, но я ничего не понял. Неужели, неужели никому из людей моей Земли не постичь речи без слов, языка чистой музыки? А может быть, эту речь и не нужно понимать логически, как мы понимаем слова?

Я покачал головой — и она засмеялась, это был самый настоящий человеческий смех: негромкий, но звонкий, полный радостного волнения.

Она протянула руку, сделала несколько быстрых шагов мне навстречу, и я взял протянутую руку. И тотчас она повернулась и легко побежала вверх по косогору, увлекая меня за собой. Мы добежали до вершины и, все так же держась за руки, помчались вниз с перевала — стремглав, безоглядно, неудержимо! Нас подхватила сумасбродная молодость, нам кружили головы лунный свет и неизбывная радость бытия.

Мы были молоды и пьяны от странного, беспричинного счастья, от какого-то неистового восторга — по крайней мере, так пьян был я.

Сильная, гибкая рука крепко сжимает мою руку, мы бежим так дружно, так согласно, мы двое — одно; мне даже чудится, что каким-то странным, пугающим образом я и вправду стал лишь частицей ее и знаю, куда мы бежим и зачем, но все мысли путает та же неукротимая, ликующая радость, и я не могу перевести это неведомо откуда взявшееся знание на язык ясных мне самому понятий.

Добежали до ручья, пересекли его, взметнув фонтаны брызг, обогнули насыпь, где я днем нашел черепа, взбежали

на новый холм — и на вершине его застали целую компанию. Тут расположились на полуночный пикник еще шесть или семь таких же созданий, как моя спутница. На земле раскиданы бутылки и корзинки с едой — или что-то очень похожее на бутылки и корзинки, — и все они образовали круг. А по самой середине этого круга лежит, поблескивая серебром, какой-то прибор или аппаратик чуть побольше баскетбольного мяча.

Мы остановились на краю круга, и все обернулись и посмотрели на нас, но посмотрели без малейшего удивления, словно это в порядке вещей — что одна из них привела с собою чужака.

Моя спутница что-то сказала своим певучим голосом, и так же напевно, без слов ей ответили. Все смотрели на меня испытующе, дружелюбно.

А потом они сели в круг, только один остался на ногах — он шагнул ко мне и знаком предложил присоединиться к ним.

Я сел, по правую руку села та, что прибежала со мною, по левую — тот, кто пригласил меня в круг.

Наверно, это у них вроде праздника или воскресной прогулки, а может быть, и что-то посерьезнее. По лицам и позам видно: они чего-то ждут, предвкушают какое-то событие. Они радостно взволнованы, жизнь бьет в них ключом, переполняет все их существо.

Теперь видно, что они совершенно нагие и, если бы не странный хохол на голове, вылитые люди. Любопытно, откуда они взялись. Таппер сказал бы мне, если бы здесь жил такой народ. А он уверял, что на всей планете живут одни только Цветы. Впрочем, он обмолвился, что иногда тут появляются гости.

Может быть, эти черные хохлатые создания и есть гости? Или они — потомки тех, чьи останки я отыскал там, на насыпи, и теперь наконец вышли из какого-то тайного убежища? Но нет, совсем не похоже, чтобы они когда-либо в своей жизни скрывались и прятались.

Странный аппаратик по-прежнему лежит посреди круга. Будь мы на воскресной прогулке в Милвилле, вот так посередине поставили бы чей-нибудь проигрыватель или транзистор. Но этим хохлатым людям музыка ни к чему, самая их речь — музыка, а серебристый аппарат посреди круга очень странный, я никогда в жизни ничего похожего не видел. Он круглый и словно слеплен из множества линз, каждая стоит немного под углом к остальным, каждая блестит, отражая лунный свет, и весь этот необыкновенный шар ослепительно сияет.

Сидящие в кругу принялись открывать корзинки с едой и откупоривать бутылки, и я встревожился. Мне, конечно, тоже предложат поесть, отказаться неловко — они так приветливы, — а разделить с ними трапезу опасно. Хоть они и подобны людям, организм их, возможно, существует на основе совсем иного обмена веществ, их пища может оказаться для меня ядом.

Казалось бы, пустяк, но решиться не так-то просто. Что же делать, как поступить? Пусть их еда мерзкая, противная — уж как-нибудь я справлюсь, не покажу виду, что тошно, и проглочу эту дрянь, лишь бы не обидеть новых друзей. Ну а вдруг отравишься насмерть?

Только недавно я уверял себя, что, как бы ни опасны казались Цветы, надо пустить их на нашу Землю, надо всеми силами добиваться взаимопонимания и как-то уладить возможные разногласия. Я говорил себе: от того, сумеем ли мы поладить с первыми пришельцами из чужого мира, быть может, зависит будущее человечества. Ибо настанет время — все равно, через сто лет или через тысячу, — когда мы встретимся еще и с другими разумными существами — жителями иных миров, и нельзя нам в первый же раз не выдержать испытания.

А здесь со мною уселись в кружок представители иного разума — и не может быть для меня других правил, чем для всего человечества в целом. Надо поступать так, как должен бы,

на мой взгляд, поступать весь род людской, — а стало быть, раз угощают, надо есть.

Наверно, я рассуждал не так связно. Неожиданности сыпались одна за другой, я не успевал опомниться. Оставалось решать мгновенно — и надеяться, что не ошибся.

Но мне не пришлось узнать, верно ли я решил: по кругу еще только начали передавать еду, как вдруг из сверкающего шара послышалось мерное тиканье — не громче, чем тикают в пустой комнате часы, но все мигом вскочили и уставились на шар.

Я тоже вскочил и тоже во все глаза смотрел на странный аппарат; про меня явно забыли, все внимание приковано было к этому блестящему мячу.

А он все тикал, блеск его замутился, и светящаяся мгла поползла от него вширь, как стелются по прибрежным лугам речные туманы.

Нас обволокло этой светящейся мглой, и в ней стали складываться странные образы — сперва зыбкие, расплывчатые... понемногу они сгущались, становились отчетливей, хотя так и не обрели плоти; словно во сне или в сказке, все было очень подлинное, зримое, но в руки не давалось.

И вот мгла рассеялась — или, может быть, просто мы больше ее не замечали, ибо она создала не только образы и очертания, но целый мир, и мы оказались внутри его, хотя и не участниками, а всего лишь зрителями.

Мы стояли на террасе здания, которое на Земле назвали бы виллой. Под ногами были грубо обтесанные каменные плиты, в щелях между ними пробивалась трава, за нами высилась каменная кладка стен. И, однако, стены казались неплотными, тоже какими-то туманными, словно театральная декорация, вовсе и не рассчитанная на то, что кто-то станет ее пристально разглядывать и пробовать на ощупь.

А перед нами раскинулся город — очень уродливый, лишенный и намека на красоту. Каменные ящики, сложенные

для чисто практических надобностей; у строителей явно не было ни искры воображения, никаких стройных замыслов и планов, они знали одно: громоздить камень на камень так, чтобы получилось укрытие. Город был бурый, цвета засохшей глины, и тянулся, сколько хватал глаз,ы — беспорядочное скопище каменных коробок, теснящихся как попало, впритык одна к другой, так что негде оглядеться и вздохнуть.

И все же он был призрачным, этот огромный, тяжеловесный город, ни на миг его стены не стали настоящим плотным камнем. И каменные плиты у нас под ногами тоже не стали настоящим каменным полом. Верней бы сказать, что мы парили над ними, не касаясь их, выше их на какую-то долю дюйма.

Было так, словно мы очутились внутри кинофильма, идущего в трех измерениях, фильм шел вокруг нас своим чередом, и мы знали, что мы — внутри него, ибо действие разыгрывалось со всех сторон, актеры же и не подозревали о нашем присутствии; и хоть мы знали, что мы здесь, внутри, мы в то же время чувствовали свою непричастность к происходящему: странным образом, объятые этим колдовским миром, мы все-таки оставались выключенными из него.

Сперва я просто увидел город, потом понял: город охвачен ужасом. По улицам сломя голову бегут люди, издали доносятся стоны, рыдания и вопли обезумевшей, отчаявшейся толпы.

А потом и город, и вопли — все исчезло в яростной вспышке слепящего пламени, оно расцвело такой нестерпимой белизной, что внезапно в глазах потемнело. Тьма окутала нас, и во всем мире не осталось ничего, кроме тьмы, да оттуда, где вначале расцвел ослепительный свет, теперь обрушился на нас громовой раскатистый грохот.

Я осторожно шагнул вперед, протянул руки. Они встретили пустоту, и я захлебнулся, похолодел, я понял — пустоте этой нет ни конца, ни края... да, конечно же, я в пустоте, я и

прежде знал, что все это только мерещится, а теперь видения исчезли, и я вечно буду вслепую блуждать в черной пустоте.

Я не смел больше сделать ни шагу, не смел шевельнуться и стоял столбом... нелепо, бессмысленно, и все же я чувствовал, что стою на краю площадки и если ступлю еще шаг — полечу в пустоту, в бездонную пропасть.

Потом тьма начала бледнеть, и скоро в сером сумраке я снова увидел город — его сплющило, разбило вдребезги, придавило к земле, по нему проносились черные смерчи, метались языки пламени, кучи пепла — все кружилось в убийственном вихре разрушения. А над городом клубилось чудовищное облако, словно тысячи грозовых туч слились в одну. И из этой бешеной пучины исходило глухое рычание — свирепый голос смерти, страха, судьбы, яростный, леденящий душу вой самого Зла.

А вот и мои новые знакомцы — чернокожие, хохлатые, они застыли, оцепенели словно бы в страхе — и смотрят, смотрят... и кажется, их сковал не просто страх, а некий суеверный ужас.

Я стоял недвижно, как и они, точно окаменел, а меж тем грохот стихал. Над руинами вились струйки дыма — и когда наконец громовой рык умолк, стали слышны вздохи, хруст и треск: это рушились и оседали последние развалины. Но теперь уже не было воплей, жалобных стонов и плача. В городе не осталось ничего живого, ничто не двигалось, только рябь проходила по грудам мусора: они осыпались, укладывались все плотнее, широким кольцом окружая совершенно ровную и голую черную пустыню, оставшуюся там, где впервые расцвел ослепительный свет.

Серая мгла рассеивалась, и город тоже таял. Там, где прежде расположилась компания хохлатых, в самой середине круга вновь поблескивал линзами странный шар. А самих хохлатых и след простыл. Только из редеющей серой мглы донесся

пронзительный крик — но не крик ужаса, совсем не тот вопль, что слышался над городом перед тем, как взорвалась бомба.

Да, теперь понятно — у меня на глазах город был разрушен ядерным взрывом, я видел это словно на экране телевизора. И этим «телевизором» был, конечно, блестящий шар из линз. Это какой-то чудодейственный механизм, он вторгся во время и выхватил из прошлого роковое мгновенье истории.

Серая мгла окончательно рассеялась, вновь настала ночь, золотилась луна, сияла звездная пыль, серебряные склоны холмов мягкими изгибами сбегали к живому, переливчатому серебру ручья.

По дальнему склону мчались быстрые гибкие фигуры, в лунном свете серебрились хохлатые головы, они бежали во весь дух, оглашая ночь воплями притворного ужаса.

Я посмотрел им вслед и содрогнулся: что-то было в этом болезненное, извращенное, какой-то недуг, разъедающий душу и разум.

Я медленно обернулся к шару. Это снова был просто шар, слепленный из блестящих линз. Я подошел, опустился на колени и принялся его разглядывать. Да, он словно ощетинился множеством линз под равными углами, а в просветах между ними чуть виден какой-то механизм, но в слабом лунном свете его не рассмотреть.

Протянув руку, я опасливо коснулся шара. Он, видно, очень хрупкий, боязно его разбить, но не оставлять же его здесь. А мне он пригодится, и, если я сумею унести его на Землю, он подтвердит то, что мне надо будет рассказать.

Я снял куртку, разостлал ее на ровном месте, бережно, обеими руками поднял шар и уложил на куртку. Подобрал ее края, обернул шар, завязал рукава, чтобы все это держалось прочно и надежно. Потом осторожно взял узел под мышку и поднялся на ноги.

Вокруг валялись бутылки и корзины, и я решил поскорей отсюда убраться: та компания, пожалуй, вернется за своей снедью и за этим аппаратом... Но пока их что-то не видно. Затаив дыхание, я прислушался — кажется, это их крики затихают где-то далеко-далеко...

Я спустился с холма, перешел вброд ручей и начал подниматься по противоположному склону. На полдороге мне повстречался Таппер — он шел меня искать.

— Я думал, ты заплутался, — сказал он.

— Встретил тут одну компанию, посидели немножко, — объяснил я.

— Это такие, с чудными хохолками на макушке?

— Да.

— Они мне приятели, — сказал Таппер. — Часто приходят. Они приходят пугаться.

— Пугаться?

— Ну да. Для потехи. Они любят пугаться.

Я кивнул: так и есть. Будто ребятишки подкрадываются к заброшенному дому, про который идет молва, что там водятся привидения: заглянут в окна, почудится им что-то, послышатся шаги — и вот они удирают со всех ног и визжат, напуганные ужасами, которые сами же и вообразили. Забава эта никогда им не приедается, опять и опять они ищут страха, и он доставляет им странное удовольствие.

— Им весело живется, — сказал Таппер. — Веселей всех.

— Ты часто их встречал?

— Сто раз.

— Что ж ты мне не говорил?

— Не успел, — сказал Таппер. — Не пришлось к слову.

— А близко они живут?

— Нет. Очень далеко.

— Но на этой планете?

— На планете? — переспросил Таппер.

— Ну, в этом мире?

— Нет. В другом мире. В другом месте. Только это все равно. Для потехи они куда хочешь заберутся.

Стало быть, для потехи они готовы забраться куда угодно. В любое место. И, наверно, в любое время. Это упыри, вампиры, они сосут кровь времени, кормятся минувшим, наслаждаются былыми трагедиями и катастрофами, выискивают в истории человечества все самое гнусное и отвратительное. Вновь и вновь их тянет сюда — упиваться видом смерти и разрушения.

Кто они, эти извращенные души? Быть может, их мир завоеван Цветами, и теперь они, отмеченные печатью вырождения, рыщут по другим мирам, пользуясь теми же просветами, калитками во времени, что и сами завоеватели?

Впрочем, судя по всему, что я успел узнать, завоеватели — не то слово. Я ведь сам видел сейчас, что случилось с этим миром. Жителей его истребили не Цветы, нет: люди обезумели и совершили самоубийство. Скорее всего, этот мир был пустынен и мертв долгие годы, и лишь потом Цветы пробились сюда сквозь рубеж времени. Черепа, которые я нашел, должно быть, принадлежали тем, кто пережил катастрофу, — наверно, их уцелело немного и прожили они недолго, они были обречены, ибо взрыв отравил и почву, и воздух, и воду.

Итак, Цветы никого не покорили и не завоевали, просто им достался мир, утраченный прежними хозяевами в припадке безумия.

— Давно здесь поселились Цветы? — спросил я Таппера.

— Почему — поселились? Может, они всегда тут жили.

— Да нет, я просто так подумал. Они тебе про это не рассказывали?

— Я не спрашивал.

Ну конечно, Таппер не спрашивал: ему не любопытно. Он попросту был рад и счастлив сюда попасть, тут он нашел

друзей, которые с ним разговаривали и заботились о нем, и тут никто над ним не насмехался и ему не докучал.

Мы спустились к его жилью; луна передвинулась далеко на запад. Костер едва тлел, Таппер подбросил несколько сучьев и сел у огня. Я сел напротив, осторожно положил рядом завернутый в куртку шар.

— Что там у тебя? — спросил Таппер.

Я развернул куртку.

— Эта штука была у моих друзей. Ты ее украл.

— Они убежали, а эту штуку бросили. Я хочу посмотреть, что это такое.

— Она показывает разные другие времена, — сказал Таппер.

— Так ты это знаешь?

Он кивнул.

— Они мне много показывали... не много раз, а много разного другого времени. Не такое время, как наше.

— А ты не знаешь, как она действует?

— Они мне говорили, да я не понял.

Он утер подбородок, но без толку, пришлось вытирать еще раз.

«Они мне говорили», — сказал Таппер. Значит, он может с ними разговаривать. Он может разговаривать и с Цветами, и с племенем, у которого вместо слов — музыка. Бессмысленно его об этом расспрашивать, ничего путного он не скажет. Быть может, никто не сумеет объяснить эту его способность, во всяком случае, человеку ее не понять. Как это назвать, какие слова найти, чтобы мы поняли? У нас в языке и слов таких нет.

Шар лежал на моей куртке и мягко светился.

— Может, пойдем спать, — сказал Таппер.

— Я лягу немного погодя.

Лечь можно в любую минуту, как захочется, здесь это не хитрость: растянулся на земле — вот тебе и постель.

Я осторожно коснулся шара.

Аппарат, который проникает вглубь прошлого и помогает увидеть и услышать события, хранящиеся в скрытых пластах памяти пространства-времени... Чего только не сделаешь при помощи такого аппарата! Он стал бы бесценным оружием историков, исследователей минувших эпох. Он уничтожил бы преступность — ведь можно было бы раскрыть, извлечь из прошлого подробности любого преступления. Но какая это будет опасная сила, попади он в нечистые руки или во власть правительства...

Если только удастся, я возьму его с собой, лишь бы самому вернуться в Милвилл. Он будет вещественным доказательством, подтверждением всему, что я буду рассказывать... ну, хорошо, я все расскажу, предъявлю этот шар и мне поверят, а дальше что? Запереть его в сейф и уничтожить шифр, чтобы никто не мог до него добраться? Взять молоток и раздробить его в пыль? Отдать ученым? Что с ним делать?

— Ты этой штукой всю куртку измял, — сказал Таппер.

— Да она и так старая и мятая.

И тут я вспомнил про конверт с деньгами. Он лежал в нагрудном кармане и запросто мог выпасть, пока я бегал, как шальной, по холмам или когда заворачивал эту машинку времени.

Ах, болван, безмозглый осел! Так рисковать! Надо было заколоть карман булавкой, либо сунуть конверт в башмак, либо еще что-то придумать. Шутка ли, полторы тысячи долларов, такое не каждый день дается в руки.

Я наклонился, пощупал карман куртки — конверт был на месте, и у меня гора с плеч свалилась. Но тотчас я почуял неладное: конверт на ощупь совсем тоненький, а ведь в нем должна лежать пухлая пачка — тридцать бумажек по пятьдесят долларов.

Я выхватил конверт из кармана, открыл... он был пуст.

Нечего и спрашивать. Нечему удивляться. Все ясно. Ах ты, мерзкий слюнявый бездельник, недотепа, не знающий счета

собственным пальцам... я тебя излуплю до полусмерти, я вытрясу из тебя эти деньги!

Я уже приподнялся, готовый взять Таппера за горло, как вдруг он заговорил со мной — и не своим голосом, а голосом красотки-дикторши с экрана телевизора.

— Таппер говорит сейчас от имени Цветов, — сказал этот кокетливый голосок. — А вы извольте сидеть смирно и ведите себя прилично.

— Ты меня не одурачишь, — огрызнулся я. — Нечего прикидываться, все равно не обманешь...

— Но с вами говорят Цветы! — резко повторил голос.

И правда, лицо у Таппера опять стало безжизненное, глаза остекленели.

— Так ведь он взял мои деньги, — сказал я. — Он их вытащил из конверта, пока я спал.

— Тише, тише, — промолвил мелодичный голосок. — Молчите и слушайте.

— Сперва я получу обратно свои полторы тысячи.

— Да, конечно. Вы получите гораздо больше, чем полторы тысячи.

— Вы можете за это поручиться?

— Ручаемся.

Я снова сел.

— Послушайте, — сказал я, — вам не понять, что значат для меня эти деньги. Конечно, отчасти я сам виноват. Надо было подождать, пока откроется банк, или припрятать их в каком-нибудь надежном местечке. Но такая заварилась каша...

— Только не волнуйтесь, — сказали Цветы. — Мы вернем вам деньги.

— Ладно, — сказал я. — А Таппер непременно надо говорить таким голосом?

— Чем плох голос?

— А, черт... ну валяйте, говорите, как хотите. Мне надо с вами потолковать, может, придется и поспорить, выходит нечестно... ну, постараюсь помнить, с кем говорю.

— Хорошо, перейдем на другой, — сказали Цветы, и на полуслове голос переменился на уже знакомый мне мужской, деловитый.

— Большое спасибо, — сказал я.

— Помните, мы беседовали с вами по телефону и предлагали вам стать нашим представителем? — сказали Цветы.

— Конечно, помню. Но стать представителем...

— Нам очень нужен такой человек. Человек, которому мы доверяем.

— Да откуда вы знаете, что мне можно доверять?

— Знаем. Потому что вы нас любите.

— Послушайте, — сказал я, — с чего вы это взяли? Не понимаю...

— Ваш отец нашел тех из нас, кто погибал в вашем мире. Он взял нас к себе и стал о нас заботиться. Он оберегал нас, выхаживал, он нас полюбил — и мы расцвели.

— Все это мне известно.

— Вы — продолжение своего отца.

— Н-ну, не обязательно. Не в том смысле, как вы думаете.

— Нет, это так,—упрямо повторили Цветы.—Мы изучили человеческую биологию. Мы знаем о законах наследственности. Ваша пословица говорит: яблоко от яблони недалеко падает.

Что толку спорить. Их не переубедишь. У этого племени особая логика, соприкасаясь с нашей Землей, они собрали уйму сведений, кое-как их усвоили, кое-как осмыслили и сделали выводы. С их точки зрения, с точки зрения растительного мира, вполне естественно и логично, что отпрыск растения почти неотличим от родителя. Бесполезно внушать им, что рассуждения, безусловно справедливые для них, отнюдь не всегда приложимы к людям.

— Ладно, — сказал я, — будь по-вашему. Вы убеждены, что можете мне доверять, и, пожалуй, так оно и есть. Но только скажу вам по совести: не могу я взяться за эту работу.

— Не можете?

— Вы хотите, чтобы я выступал от вашего имени перед людьми на Земле. Хотите сделать меня вашим посланником. Вашим посредником.

— Совершенно верно.

— Но меня этому не учили. Я не дипломат. Понятия не имею, как делаются такие дела. Просто не знаю, с какого конца за это браться.

— А вы уже взялись, — возразили Цветы. — Мы очень довольны вашими первыми шагами.

Я даже вздрогнул.

— Какими шагами?

— Ну, как же. Неужели вы не помните? Вы просили Джералда Шервуда с кем-нибудь переговорить. И еще подчеркнули: с кем-нибудь, кто облечен властью.

— Я просил об этом вовсе не ради вас.

— Но вы можете выступать от нашего имени. Нам необходимо, чтобы кто-то за нас объяснился.

— Давайте начистоту, — сказал я. — Как я могу за вас объясняться? Я же ничего о вас не знаю.

— Мы вам расскажем все, что вы хотите знать.

— Начать с того, что ваша родина не здесь.

— Вы правы. Мы прошли через многие миры.

— А люди... ну, не люди, разумные существа... разумные жители тех миров... что с ними сталось?

— Мы вас не поняли.

— Когда вы проникаете в какой-то новый мир и находите там мыслящих обитателей, что вы с ними делаете?

— Мы очень редко находим в других мирах разум... подлинный, высокоразвитый разум. Он развивается далеко не во

всех мирах. Когда мы встречаемся с мыслящими существами, мы находим с ними общий язык. Сотрудничаем с ними. То есть когда это удается.

— А если не удается?

— Пожалуйста, не поймите нас ложно, — попросили Цветы. — Раза два бывало так, что мы не могли установить контакт с мыслящими обитателями планеты. Они нас не слушали и не понимали. Мы остались для них просто одной из форм жизни, одним из... как это у вас называется?.. Одним из видов сорной травы.

— И что вы тогда делаете?

— Что же мы можем сделать?

Не очень-то прямой и честный ответ. Как я понимаю, они могут сделать очень многое.

— И вы идете все дальше?

— Дальше?

— Ну, из мира в мир. Из одного мира в другой. Когда вы думаете остановиться?

— Мы не знаем, — сказали Цветы.

— Какая у вас цель? Чего вы добиваетесь?

— Мы не знаем.

— Стоп, погодите. Вы уже второй раз говорите, что не знаете. Но вы должны знать...

— Сэр, а у вашего народа есть какая-то цель? Цель, к которой вы все сознательно стремитесь?

— Пожалуй, нет, — признался я.

— Значит, в этом мы равны.

— Да, верно.

— В вашем мире есть машины, которые называются электронным мозгом.

— Да. Их только недавно изобрели.

— Задача этих машин — собирать и хранить всевозможные сведения, устанавливать между ними связь и сообщать их, как только вам это понадобится.

— Тут еще много других задач. К примеру, исправлять устаревшие данные...

— Это сейчас неважно. Скажите нам, как вы определите цель такого электронного вычислителя?

— У него нет осознанной цели. Это ведь не живое существо, а машина.

— Ну а если бы он был живой?

— Что ж, тогда, наверно, его конечной целью было бы собрать все факты и сведения о Вселенной и установить соотношение между ними.

— Пожалуй, вы правы, — сказали Цветы. — Так вот, мы — живые вычислители.

— Тогда вашим странствиям не будет конца. Вы никогда не остановитесь.

— Мы в этом не уверены.

— Но...

— Собирать факты и сведения — это лишь средство, — веско произнесли Цветы. — Цель же одна: достичь истины. Быть может, чтобы достичь истины, нам вовсе не нужно собрать сведения обо всей Вселенной.

— А как вы узнаете, что достигли ее?

— Узнаем, — был ответ.

Я только рукой махнул. Так мы ни до чего не договоримся.

— Стало быть, вы хотите захватить нашу Землю, — сказал я.

— Вы очень неправильно и несправедливо выражаетесь. Мы не хотим захватить вашу Землю. Мы хотим получить доступ к вам, получить место, где можно поселиться, хотим сотрудничества и содружества. Мы поделимся друг с другом нашими познаниями.

— Дружная получится команда, — сказал я.

— Да, конечно.

— А потом?

— Мы вас не поняли.

— Ну вот, мы обменяемся знаниями, а потом что будет?

— Пойдем дальше, разумеется. В другие миры. И вы вместе с нами.

— Будем искать новые цивилизации? И новые знания?

— Совершенно верно.

Очень у них все просто получается. А на самом деле это не так просто, не может быть просто. На свете все очень и очень непросто.

Толкуй с ними хоть месяц подряд, задавай еще и еще вопросы — и все равно не разберешь, что происходит, — разве что в самых общих чертах...

— Поймите одно, — сказал я. — Люди моей Земли не примут вас вот так, вслепую, не поверят на слово. Им надо точно знать, чего вы ждете от нас и чего нам ждать от вас. Им нужны доказательства, что мы и правда можем с вами сотрудничать.

— Мы во многих отношениях можем вам помочь, — ответили Цветы. — Нам вовсе не обязательно быть такими, как вы нас видите сейчас. Мы можем обратиться в любое растение, какое вам полезно. Можем создать для вас неисчерпаемые экономические ресурсы. Можем обратиться в привычные вам растения, на которых издавна строится ваше хозяйство, но только лучше, полноценнее. Мы дадим вам лучшую пищу, лучший строительный материал, лучшее волокно. Только скажите, какие растения вам нужны, с какими свойствами, — и мы в них обратимся.

— Как же так: вы согласны, чтобы мы вас ели, пилили на дрова, пряли и ткали из вас одежду? Вы не против?

Ответом было что-то очень похожее на вздох.

— Ну как вам объяснить? Вы съедите кого-то из нас — но мы остаемся. Вы спилите кого-то из нас — но мы остаемся. Мы все — одно, и наша жизнь едина, вам никогда не убить

нас всех, не съесть нас всех. Наша жизнь — это наш мозг и нервная система, наши корни, луковицы, клубни. Ешьте нас, мы совсем не против, нам только важно знать, что мы вам помогаем. И мы можем стать не только такими растениями, которыми вы привыкли пользоваться в вашем хозяйстве. Мы можем обратиться в другие злаки и деревья, вы о таких и не слыхали. Мы можем приспособиться к любой почве, к любому климату. Можем расти всюду, где вы только пожелаете. Вам нужны различные лекарства и снадобья. Пусть ваши врачи и аптекари скажут, что вам требуется, и мы вам это дадим. Мы будем растениями на заказ.

— И ко всему еще поделитесь вашими знаниями.

— Совершенно верно.

— А что же мы дадим вам взамен?

— То, что знаете вы. Мы соединим все наши познания и сообща будем ими пользоваться. Вы поможете нам выразить себя, мы ведь лишены этой способности. Мы богаты знанием, но само по себе знание — мертвый груз, важно его применить. Мы жаждем, чтобы наши знания приносили пользу, жаждем сотрудничать с народом, который способен воспользоваться тем, что мы можем ему дать, только тогда мы обретем полноту бытия, сейчас нам недоступную. И, конечно, мы надеемся, что сообща мы с вами найдем лучший способ проникать через рубежи пространства-времени в новые миры.

— Вот вы накрыли Милвилл колпаком, куполом времени... для чего это?

— Мы хотели привлечь внимание вашего мира. Хотели дать вам знать, что мы существуем, что мы ждем.

— Так ведь можно было сказать это кому-нибудь из людей, с которыми вы общаетесь, а они бы передали всем. Да вы, наверно, кое-кому и говорили. Например, Шкалику Гранту.

— Да, ему мы говорили. И еще некоторым людям.

— Вот они бы и сказали всему свету.

— Кто бы им поверил? Подумали бы, что они... как это у вас говорят? Чокнутые.

— Да, правда, — согласился я. — Шкалика никто слушать не станет. Но есть же и другие.

— Мы можем установить контакт не со всяким человеком, а только с теми, у кого определенный склад ума. Мы понимаем мысли многих людей, но лишь очень немногие понимают нас. А прежде всего нас надо понять — только тогда вы нас узнаете и нам поверите.

— Что же, значит, вас понимают только разные чудаки?

— Да, по-видимому, так...

Если вдуматься, так оно и выходит. Самого большого взаимопонимания они достигни с Таппером Тайлером, а что до Шкалика — он, конечно, в здравом уме, но человеком почтенным, солидным членом общества его никак не назовешь.

Любопытно знать, а почему они связались со мной и с Джералдом Шервудом? Впрочем, это не одно и то же. Шервуд им полезен, он фабрикует для них телефоны, при его помощи они получают оборотный капитал для своих затей. Ну а я? Неужели все дело в том, что о них заботился мой отец? Хорошо, если так...

— Ладно, — сказал я. — Кажется, понял. А что это была за гроза с ливнем из семян?

— Мы засеяли показательный участок, теперь вы своими глазами увидите, что мы можем изменяться как хотим.

Где уж мне с ними тягаться. Что ни спрошу, у них на все найдется ответ.

Да, в сущности, разве я надеюсь до чего-то с ними договориться? Разве я, по совести, этого хочу? Кажется, в глубине души я хочу только одного: вернуться в Милвилл.

А может, это все Таппер? Может, и нет никаких Цветов? Может, просто-напросто, покуда он торчал тут десять лет, он со своими мозгами набекрень додумался до этакой хитрой шутки, затвердил ее, вызубрил и сейчас всех нас дурачит?

Нет, чепуха. Таппер — придурок, ему вовек такого не сочинить. Слишком это для него сложно. Не мог он додуматься до такой шутки, а если бы и додумался, не сумел бы ее разыграть. И потом, он ведь как-то очутился здесь, в этом непонятном мире, а за ним сюда попал и я — этого никаким розыгрышем не объяснишь.

Я медленно поднялся на ноги, обернулся лицом к склону холма над нами — вот они темнеют в ярком лунном свете, несчетные лиловые цветы... а Таппер сидит на прежнем месте, только подался вперед, согнулся в три погибели и спит крепким сном, тихонько похрапывая.

Теперь они, кажется, пахнут сильнее, и лунный свет словно трепещет, и чудится — там, на склоне, скрывается Нечто. Я смотрел во все глаза... вот-вот, кажется, что-то различаю... но нет, все снова растаяло... и все-таки я знаю: Оно там.

Сама эта ночь таит в себе Лиловость. И я ощущаю присутствие Разума, он ждет только слова, найти бы это слово — и он сойдет с холма, и мы заговорим, как двое друзей, нам больше не понадобится переводчик, мы сядем у костра и проболтаем всю ночь напролет.

«Ты готов?» — вопрошает Оно.

Так что же нужно — найти какое-то слово, или просто что-то должно пробудиться у меня в мозгу — что-то, рожденное Лиловостью и лунным светом?

— Да, — отвечаю, — я готов. Я сделаю все, что в моих силах.

Я наклонился, осторожно завернул шар из линз в куртку, зажал сверток под мышкой и двинулся вверх по косогору. Я знал: Оно там, наверху, Оно ждет... и меня пробирала дрожь. Может, и от страха, но чувство было какое-то другое, на страх ничуть не похожее.

Я поднялся туда, где ждало Оно, — и ничего не разглядел, но я знал, что Оно идет рядом со мною, бок о бок.

— Я тебя не боюсь, — сказал я.

Оно не ответило. Просто шло рядом. Мы перевалили через вершину холма и стали спускаться в ложбину — ту самую, где в другом мире находились цветник и теплицы.

«Чуть левее, — без слов сказало То, что шло в ночи рядом со мною, — а потом прямо».

Я подался чуть левее, потом пошел прямо.

«Еще несколько шагов», — сказало Оно.

Я остановился, оглянулся в надежде его увидеть... ничего! Если секундой раньше позади что-то было, оно уже исчезло.

На западе разинула золоченую пасть луна. В мире пустынно и одиноко; серебряный склон словно тоскует о чем-то. Иссиня-черное небо смотрит мириадами крохотных колючих глаз, они жестко, холодно поблескивают каким-то хищным блеском — чужие, равнодушные.

По ту сторону холма у еле тлеющего костра дремлет человек, мой собрат. Ему там неплохо, ибо он наделен особым даром, которого у меня нет, — теперь-то я твердо знаю, что нет... ему довольно пожать руку (или лапу, или щупальце, или клешню) любого пришельца — и его вывихнутые мозги переведут прикосновение чужого разума на простой и понятный язык.

Я поглядел на разинутую пасть золоченой химеры — луны, содрогнулся, ступил еще два шага — и перешел из этого пустынного, тоскливого мира в свой сад.

15

По небу все еще неслись клочья облаков, закрывая луну. Бледная полоска на востоке предвещала зарю.

В окнах моего дома горел свет — стало быть, Джералд Шервуд и все остальные меня ждали. А слева от меня темнели теплицы и подле них, на фоне холма, точно призрак, смутно маячил высокий вяз.

Я направился было к дому — и тут цепкие пальцы ухватились за мои брюки. Вздрогнув, я опустил глаза — оказалось, я забрел в кусты.

Когда я в последний раз проходил по саду, никаких кустов здесь не было, только лиловые цветы. Но еще прежде, чем я нагнулся посмотреть, за что зацепился, мелькнула догадка.

Я присел на корточки, вгляделся — и в сером предутреннем свете увидел: цветов не стало. На месте лилового цветника растут невысокие кустики, лишь чуть повыше и пораскидистей тех цветов.

Сижу на корточках, смотрю, а внутри медленно холодеет, объяснение может быть только одно: эти кустики и есть цветы; каким-то образом те Цветы, жители другого мира, превратили мои здешние цветы в эти кустики. Но зачем, зачем?!

Значит, даже и здесь, у нас дома, они нас могут настичь. Даже здесь они вольны разыгрывать с нами свои шуточки и расставлять нам ловушки. Что им вздумается, то и сделают: они накрыли этот уголок нашей Земли куполом времени — и хоть они еще не вполне здесь хозяева, но уже вмешиваются в нашу жизнь.

Ощупываю одну ветку — на ней по всей длине набухли мягкие почки. Весенние почки, еще день-другой, и они лопнут, и проклюнется молодой лист. Весенние почки в разгар лета!

Но ведь я в них поверил. В те немногие последние минуты, когда Таппер умолк и задремал у костра, а на склоне холма появилось Нечто и поговорило со мною и проводило меня домой, — в те минуты я в них поверил.

Да полно, было ли там что-то на холме? Провожало ли оно меня? — спрашиваю себя теперь, обливаясь холодным потом.

Под мышкой у меня все еще осторожно прижат завернутый в куртку шар — «машинка времени»: вот он, талисман, ощутимое доказательство, что тот, другой мир не примерещился мне, а и вправду существует. Значит, надо верить.

Кстати, они говорили, что я получу свои деньги обратно, они за это ручались. И вот я вернулся домой, а полутора тысяч нет как нет.

Я встал, пошел было к себе — и тут же передумал. Повернулся и зашагал в гору, к дому доктора Фабиана. Не худо бы поглядеть, что происходит по другую сторону барьера. А те, кто ждет у меня дома, подождут еще немного.

С вершины холма я поглядел на восток. Там, далеко за окраиной Милвилла, протянулась яркая цепочка костров, вспыхивали фары сновавших взад и вперед автомобилей. Тонкий голубой палец прожектора медленно проводил по небу то вправо, то влево. А в одном месте, немного ближе к городу, горел огонь поярче. Тут, кажется, было особенно людно и оживленно.

Я пригляделся и увидал паровой экскаватор, а по обе стороны от него — черные горы свежевынутого грунта. До меня доносился приглушенный расстоянием металлический лязг: огромный ковш сваливал в стороне свою ношу, поворачивался, нырял в котлован и снова вгрызался в почву. Как видно, там пробуют подкопаться под барьер. По улице с шумом и треском подкатила машина и свернула на дорожку к дому позади меня.

Доктор, подумал я. Видно, его подняли с постели ни свет ни заря и теперь он возвращается от больного.

Я пересек лужайку, завернул за угол. Машина уже стояла на асфальте перед домом, из нее вылезал доктор Фабиан.

— Доктор, — окликнул я. — Это я, Брэд.

Он обернулся, близоруко прищурился.

— А-а, вернулся, — голос у него был усталый. — Там у тебя дома, знаешь, полно народу, тебя ждут.

Он так устал, что не удивился моему возвращению, он слишком измучился, ему было все равно.

Волоча ноги, он двинулся ко мне. До чего же он старый! Конечно, я и раньше знал, что наш доктор немолод, но он никогда не казался стариком. А тут я вдруг увидел, какой он

сутулый, еле передвигает ноги, штаны болтаются, как на скелете, лицо изрезано морщинами...

— Я от Флойда Колдуэлла, — сказал он. — У Флойда был сердечный приступ... Такой крепыш, здоровяк — и вдруг на тебе, сердечный приступ.

— Как он сейчас?

— Я сделал что мог. Надо бы положить его в больницу, нужен полный покой. А положить нельзя. Из-за этой стены я не могу отвезти его в больницу. Не знаю, Брэд, просто не знаю, что с нами будет. Сегодня утром миссис Дженсен должна была лечь на операцию. Рак. Она все равно умрет, но операция дала бы ей еще несколько месяцев жизни, может быть даже год или два. А теперь ее в больницу не переправишь. Гопкинсы регулярно возили свою девочку на прием к специалисту, он ей очень помогал. Деккер — может, ты про него слышал. Великий мастер в своей области. Мы с ним когда-то начинали в одной клинике.

Он все стоял и смотрел на меня.

— Пойми, — продолжал он, — я не в силах им помочь. Кое-что я могу, но этого слишком мало. С такими больными мне не справиться, одному это не под силу. Прежде я отослал бы их к кому-нибудь, кто бы им помог. А теперь я бессилен. В первый раз в жизни я бессилен помочь моим больным.

— Вы принимаете это слишком близко к сердцу, — сказал я.

Он все смотрел на меня, лицо у него было бесконечно усталое и измученное.

— Не могу я иначе, — сказал он. — Они всегда на меня надеялись.

— А что со Шкаликом? Вы, верно, слышали?

Доктор Фабиан сердито фыркнул:

— Этот болван удрал.

— Из больницы?

— Откуда же еще? Улучил минуту, когда они там зазевались, потихоньку оделся и дал тягу. Уж такая это воровская

душа, да и умом он тоже никогда не блистал. Его там ищут, но пока никаких следов.

— Домой потянуло, — сказал я.

— Естественно, — согласился доктор. — Послушай, а что это болтают, какие телефоны у него нашли?

Я пожал плечами:

— Хайрам говорил про какой-то телефон.

Старик поглядел на меня так, будто видел насквозь.

— А ты об этом ничего не знаешь?

— Почти что ничего.

— Нэнси говорила, будто ты побывал в каком-то другом мире. Это еще что за сказки?

— Нэнси вам сама говорила?

Доктор Фабиан покачал головой.

— Нет, это Шервуд сказал. И спрашивал меня, как быть. Он боялся об этом заговаривать — еще взбаламутишь весь Милвилл.

— И на чем порешили?

— Я ему посоветовал держать язык за зубами. Народ и так взбаламучен. Он только передал то, что ты говорил Нэнси про эти цветы. Надо ж было людям хоть что-то сказать.

— Понимаете, доктор, все очень чудно. Я и сам толком ничего не знаю. Не стоит об этом говорить. Лучше расскажите, что творится у нас, в Милвилле. Что там за костры?

— Воинские части. Вызваны солдаты. Милвилл окружен. Какая-то чертовщина, просто безумие. Мы не можем выбраться из Милвилла, и никто не может пробраться к нам, а они взяли и вызвали солдат. Что у них в голове, хотел бы я знать? На десять миль за барьером все население эвакуировано, кругом все время летают самолеты, и танки тоже прибыли. Сегодня утром пробовали взорвать барьер динамитом, толку никакого, разве что на лугу у Джейка Фишера теперь огромная яма. Только зря ухлопали свой динамит.

— Сейчас они пробуют подкопаться под барьер,— сказал я.

— Они много чего пробовали. Уже и вертолеты над нами летали, а потом пошли прямо вниз, на посадку. Думали, наверно, что Милвилл только кругом огорожен, а сверху нет. А оказалось, над нами и крыша есть. Валяли дурака целый день, разбили два вертолета, но все-таки выяснили, что это вроде купола. Он круглый и покрыл нас как крышкой. Такой, знаешь, колпак или пузырь. И еще эти ослы репортеры понаехали. Тоже целая армия. В газетах, по радио, по телевидению только и разговору, что про наш Милвилл.

— Как же, сенсация, — сказал я.

— Да, верно. А мне неспокойно, Брэд. Все держится на волоске. У людей слишком натянуты нервы. Все перепуганы, взвинчены. Любой пустяк может вызвать панику.

Он подошел ко мне совсем близко.

— Что ты думаешь делать, Брэд?

— Пойду домой. Меня там ждут. Пойдемте?

Доктор Фабиан покачал головой.

— Нет, я уже там был, а потом меня вызвали к Флойду. Я, знаешь, совсем вымотался. Пойду лягу.

Он повернулся и, тяжело волоча ноги, двинулся к дому, потом оглянулся.

— Будь поосторожнее, мальчик. Из-за этих цветов слишком много шуму. Говорят, если бы твой отец не стал их разводить, ничего бы не случилось. Многие думают, что твой отец затеял какое-то черное дело, а теперь и ты в него ввязался.

— Ладно, буду смотреть в оба, — сказал я.

16

Они сидели в гостиной. Едва я переступил порог кухни, меня увидел Хайрам Мартин и заорал во все горло:

— Вот он!

Вскочил, ринулся в кухню, но на полдороге остановился и посмотрел на меня, как кошка на мышь.

— Долгонько ты валандался, — изрек он.

Я не стал отвечать. Молча положил завернутый в куртку аппаратик на кухонный стол. Край куртки отвалился, и под висячей лампой засверкали торчащие во все стороны линзы. Хайрам попятился.

— Что это? — спросил он.

— Это я прихватил с собой. По-моему, это машина времени.

На газовой плите на слабом огне стоял кофейник. В раковине громоздились немытые кофейные чашки. Жестянка с сахаром открыта, сахар рассыпан по столу.

Из гостиной в кухню повалил народ — я и не думал, что их тут столько набралось.

Нэнси обошла Хайрама и стала передо мной. И положила руку мне на плечо.

— Целый и невредимый, — сказала она.

— Отделался легким испугом, — ответил я.

До чего она хороша! Я и не помнил, что она такая красивая — еще красивее, чем была в школе, в дни, когда в моих глазах ее окутывала звездная дымка. Вот она, совсем рядом — еще красивей, чем ее рисовала моя память.

Я шагнул к ней, обнял за плечи. На миг она прислонилась головой к моему плечу, потом снова выпрямилась. Теплая, нежная... нелегко от нее оторваться, но все смотрели на нас и ждали.

— Я кое-кому звонил, — сказал Джеральд Шервуд. — Сюда едет сенатор Гиббс, он тебя выслушает. С ним едет кто-то из госдепартамента. За такой короткий срок я больше ничего не мог сделать, Брэд.

— И это сойдет, — сказал я.

Я стоял у себя в кухне, и рядом была Нэнси, а вокруг все знакомое, привычное, огонь лампы поблек в свете ранней

зари — и теперь тот, другой мир словно отступил куда-то далеко, черты его смягчились, и если даже в нем таилась угроза, она тоже как бы поблекла.

— Ты мне вот что скажи, — выпалил Том Престон, — что за чепуху Джеральд рассказывает про цветы, которые разводил твой отец?

— Да-да, — поддержал мэр Хигги Моррис, — при чем тут цветы?

Хайрам ничего не сказал, только злобно усмехнулся, в упор глядя на меня.

— Джентльмены, — воззвал адвокат Николс, — так не годится. Справедливость прежде всего. Сначала пусть Брэд расскажет нам все, что знает, а потом будете задавать вопросы.

— Что бы он ни сказал, все важно: мы ведь совсем ничего не знаем, — поддержал Джо Эванс.

— Ладно, — сказал Хигги. — Послушаем.

— Сперва пускай объяснит, что это у него за штука на столе, — заявил Хайрам. — Может, она опасная. Может, это бомба.

— Я не знаю, что это такое, — сказал я. — Но оно связано со временем. Оно как-то управляет временем. В общем, это фотоаппарат времени, машина времени — называйте как хотите.

Том Престон пренебрежительно фыркнул, а Хайрам опять злобно ощерился.

Все это время в дверях стояли рядом отец Фленеген, единственный в нашем городе католический священник, и пастор Сайлас Мидлтон из церкви через дорогу. Теперь старик Фленеген заговорил — так тихо, что едва можно было расслышать; голос его был слаб, как поблекший свет лампы и первые лучи рассвета.

— Я меньше всего склонен думать, будто кто-либо может управлять временем, а цветы как-то причастны к тому, что случилось у нас в Милвилле. И то и другое в корне противоречит

всем моим понятиям и убеждениям. Но, в отличие от некоторых из вас, я готов сначала выслушать, а уже потом судить.

— Постараюсь вам все выложить, — сказал я. — Постараюсь рассказать подряд все как было.

— Тебя разыскивал по телефону Элф Питерсон, — перебила Нэнси. — Он звонил раз десять.

— А свой номер он оставил?

— Да, вот я записала.

— Элф обождет, — сказал Хигги. — Сперва послушаем, что ты там припас.

— Пожалуй, и правда не стоит откладывать в долгий ящик, — сказал Джералд Шервуд. — Пройдемте в гостиную, там будет удобнее.

Мы все перешли в гостиную и уселись.

— Ну, приятель, — любезнейшим тоном сказал Хигги, — валяй начистоту.

Я готов был его придушить. И, думаю, встретясь со мной взглядом, он отлично это понял.

— Мы будем тише воды, ниже травы, — пообещал он. — Валяй выкладывай, мы слушаем.

Я подождал, пока все утихли, и сказал:

— Начну вот с чего. Вчера утром, когда моя машина разбилась, я пришел домой и застал Таппера Тайлера, он качался у меня на качелях.

Хигги так и подскочил.

— Да ты спятил! — заорал он. — Таппер уже десять лет как пропал без вести!

Хайрам тоже вскочил.

— Я ж тебе говорил, что Том разговаривал с Таппером, а ты меня поднял на смех! — взревел он.

— Тогда я тебе соврал, — сказал я. — Поневоле пришлось соврать. Я не понимал, что происходит, а ты пристал с ножом к горлу.

— Значит, ты признаешь, что солгал, Брэд? — переспросил преподобный Сайлас Мидлтон.

— Ну, ясно. Эта горилла приперла меня к стене и...

— Если раз соврал, так и еще соврешь! — визгливо крикнул Том Престон. — Как же тебе верить? Мало ли чего ты нарасскажешь.

— Не хочешь — не верь, — сказал я. — Мне плевать.

Все опять уселись и молча смотрели на меня. Конечно, это было ребячество, но уж очень они меня допекли.

— Я предложил бы начать сначала, — заговорил отец Фленеген. — Давайте все сделаем героическое усилие и постараемся вести себя пристойно.

— Да, я тоже попрошу, — угрюмо сказал Хигги. — Сидите и помалкивайте.

Я обвел взглядом комнату — никто не произнес ни слова. Джералд Шервуд серьезно кивнул мне. Я перевел дух.

— Пожалуй, мне надо начать еще раньше, — сказал я. — С того дня, когда Том Престон прислал Эда Адлера снять у меня телефон.

— Ты задолжал за три месяца! — взвизгнул Престон. — Ты даже не позаботился...

— Том! — одернул адвокат Николс.

Том надулся и замолчал.

И я стал рассказывать все подряд — про Шкалика Гранта, про телефон без диска, оказавшийся у меня в конторе, про работу, о которой говорил мне Элф Питерсон, про то, как я ездил к Шкалику домой. Умолчал только о Джералде Шервуде и о том, что он-то и выпускает эти телефоны. Почему-то я чувствовал, что говорить об этом я не вправе.

— Есть вопросы? — сказал я затем.

— Вопросов очень много, — отозвался адвокат Николс. — Но вы уж расскажите все до самого конца, а потом будут вопросы. Никто не возражает?

— Я не против, — проворчал Хигги Моррис.

— А я против! — вскинулся Престон. — Джералд поминал, что Нэнси разговаривала с Брэдом. А как это ей удалось, спрашивается? Тоже, конечно, по такому телефончику?

— Да, — сказал Шервуд. — У меня много лет стоит такой телефон.

— Вы мне про это не говорили, Джералд, — сказал Хигги.

— К слову не пришлось, — коротко ответил Шервуд.

— Видно, тут еще много всякого творилось, а мы и не подозревали, черт подери, — сказал Престон.

— Безусловно, вы правы, — промолвил отец Фленеген. — Но, мне кажется, этот молодой человек только еще начал свою повесть.

И я продолжал. Старался рассказать всю правду, припомнить все подробности.

Наконец я договорил. Минуту-другую никто не двигался, быть может, все они были поражены, ошеломлены, быть может, поверили не каждому слову, но чему-то все-таки поверили.

Отец Фленеген неловко пошевелился на стуле.

— Молодой человек, — промолвил он, — а вы вполне уверены, что это была не галлюцинация?

— Я принес оттуда машину времени, вот она. Сами видите.

— Да, нельзя не признать, что происходит много странного, — раздумчиво сказал Николс. — В конце концов, то, что рассказал нам Брэд, не более удивительно, чем барьер вокруг Милвилла.

— Временем никто управлять не может! — закричал Престон. — Время — ведь это же... ведь оно...

— Вот то-то! — сказал Шервуд. — Никто не знает, что это за штука — время. И еще много есть в мире всякого, о чем мы ничего не знаем. Взять, например, тяготение. Ни один человек на свете не может объяснить, что это такое.

— Не верю ни одному слову, — отрезал Хайрам. — Просто Брэд где-то прятался...

— Мы прочесали весь город, — возразил Джо Эванс. — Негде ему было спрятаться.

— В сущности, какое это имеет значение — верим мы Брэду или не верим, — заметил отец Фленеген. — Поверят ли ему те, кто едет к нам из Вашингтона, — вот что важно.

Хигги выпрямился на стуле.

— Вы говорили, к нам едет Гиббс? — переспросил он Шервуда. — И еще кого-то везет?

— Да, с ним кто-то из госдепартамента.

— А что он сказал, Гиббс?

— Что выезжает немедленно. Что разговор с Брэдом будет только предварительный. А потом он вернется в Вашингтон и обо всем доложит. Он сказал, может быть, тут вопрос не только государственного значения. Может быть, это придется решать в международном масштабе. Пожалуй, Вашингтон должен будет посовещаться с правительствами других стран. Он стал спрашивать у меня подробности. А я только и мог сказать, что у нас в Милвилле один человек хочет сообщить чрезвычайно важные сведения.

— Эти приезжие, наверно, будут ждать нас по ту сторону барьера. Скорей всего, на шоссе, с восточной стороны.

— Да, наверно, — согласился Шервуд. — Мы точно не условились. Сразу по приезде он мне позвонит откуда-нибудь из-за барьера.

— По правде сказать, — Хигги доверительно понизил голос, — если только не стрясется никакой беды, можно считать, что нам крупно повезло. Шутка ли, прославились всем на зависть, ни у одного города сроду не было такой рекламы! Да теперь лет десять от туристов отбою не будет, всякому захочется на нас поглядеть, похвастать, что побывал в Милвилле!

— Если все, что говорит Брэд, верно, то можно ожидать последствий куда более серьезных, чем наплыв туристов, — заметил отец Фленеген.

— Да, конечно, — подхватил Сайлас Мидлтон. — Ведь это значит, что мы встретились с иным разумом. Как мы справимся, будем ли на высоте — может быть, это вопрос жизни и смерти. Я хочу сказать, не только для нас, милвиллцев. От этого может зависеть жизнь или смерть всего человечества.

— Да вы что? — заверещал Престон. — Неужели, по-вашему, какая-то трава, какие-то несчастные цветы...

— Болван, — оборвал Шервуд. — Пора бы понять, что это не просто цветы.

— Вот именно, — поддержал Джо Эванс. — Не просто цветы, а совсем иная форма жизни. Не животной, а растительной жизни: мыслящие растения.

— И вдобавок они накопили кучу знаний, переняли их в разных других мирах, — прибавил я. — Они знают много такого, о чем мы никогда и не задумывались.

— Не понимаю, чего нам бояться, — упрямо гнул свое Хигги. — Неужто мы не справимся с какой-то сорной травой? Опрыскать их чем-нибудь поядовитее, только и всего...

— Если мы вздумаем их уничтожить, это будет не так легко, как ты воображаешь, — сказал я. — Но еще вопрос, надо ли их уничтожать?

— А что ж, по-твоему, пускай приходят и забирают нашу Землю?

— Не забирают. Пускай приходят и живут с нами в дружбе, будем друг другу помогать.

— А барьер? — заорал Хайрам. — Про барьер забыли?

— Никто ничего не забыл, — сказал Николс. — Барьер — только часть нашей задачи. Нужно решить задачу в целом, а заодно и с барьером уладится.

— Тьфу, пропасть, послушать всех вас, так подумаешь, вы и впрямь поверили этой ерунде, — простонал Том Престон.

— Может быть, мы и не всему поверили, — возразил Сайлас Мидлтон, — но то, что рассказал Брэд, придется принять за рабочую гипотезу. Я не говорю, что каждое его слово — непогрешимая истина. Возможно, он чего-то не понял, ошибся, что-то перепутал. Но пока это единственные сведения, на которые мы можем опереться.

— Не верю ни единому слову, — отрезал Хайрам. — Тут какой-то гнусный заговор, и я...

Громко, на всю комнату зазвонил телефон. Шервуд снял трубку.

— Тебя, — сказал он мне. — Это опять Элф.

Я подошел и взял трубку.

— Здорово, Элф.

— Я думал, ты мне позвонишь, — сказал Элф. — Ты обещал позвонить через часок.

— Я тут влип в одну историю.

— Меня выставили из мотеля, — сказал Элф. — Всех переселяют. Я теперь в гостинице возле Кун Вэли. Гостиница препаршивая, я уж хотел перебраться в Элмор, только сперва надо бы потолковать с тобой.

— Вот хорошо, что ты меня дождался. Мне нужно тебя кое о чем порасспросить. Насчет той лаборатории в Гринбрайере.

— Валяй, спрашивай.

— Какие вы там задачки решаете?

— Да самые разные.

— А они имеют касательство к растениям?

— К растениям?

— Ну да. Что-нибудь про цветы, сорняки, про овощи.

— А, понятно. Дай-ка сообразить. Да, бывало и такое.

— Например?

— Да вот хотя бы может ли растение мыслить?

— И к какому выводу ты пришел?

— Ну, знаешь, Брэд!

— Послушай, Элф, это очень важно.

— Ладно, изволь. Сколько я ни думал, вывод один: это невозможно. Нет такой движущей силы, которая побуждала бы растение мыслить. У него нет причины стать разумным. А если бы оно и стало мыслить, оно бы от этого не выиграло. Растение не может воспользоваться разумом и знаниями. У него нет никакой возможности их применить. Оно для этого не приспособлено, само строение не то. Пришлось бы ему заиметь чувства, которых у него нет, чтобы полнее воспринимать окружающее. Пришлось бы заиметь мозг — хранилище знаний и мыслительный механизм. Задача очень простая, Брэд, стоит вдуматься — и ответ напрашивается сам собой. Растение никогда и не попытается мыслить. Причины я определил не сразу, но, когда разобрался, все получилось очень ясно и убедительно.

— И это все?

— Нет, была и еще задачка. Разработать верный, безошибочный способ истребления вредных сорняков, причем таких, которые легко прививаются в любых условиях и быстро приобретают иммунитет ко всему, что для них губительно.

— Тут, наверно, ничего не придумаешь, — сказал я.

— Да нет, одна возможность все-таки есть. Только малоприятная.

— Какая же?

— Радиация. Но если сорняк и правда очень выносливый и легко приспосабливается, так и это, пожалуй, не вполне надежное средство.

— Значит, растение с таким решительным нравом никак не истребишь?

— По-моему, никакого средства нет... это свыше сил человеческих. Слушай, Брэд, а к чему ты клонишь?

— Пожалуй, мы сейчас как раз в таком положении.

И я наскоро рассказал ему кое-что о Цветах. Элф присвистнул.

— А ты все как следует понял? — спросил он.

— Право, не знаю, Элф. Вроде понял все, но наверняка сказать не могу. То есть Цветы там живут, это точно, но...

— В Гринбрайере нам задавали еще один вопрос. Очень подходящий к тому, что ты рассказываешь. Дескать, как бы вы встретили пришельцев из другого мира и как бы установили с ними отношения. Значит, по-твоему, наша лаборатория работает на них?

— А на кого же? И заправляют ею те же люди, которые делают эти самые телефоны.

— Мы же так и подумали. Помнишь, когда барьер двинулся и мы с тобой говорили по телефону.

— Слушай, Элф, а как вы ответили на тот вопрос? Насчет встречи с пришельцами?

Элф как-то принужденно засмеялся.

— Отвечали на тысячу ладов. Встречать можно по-разному, смотря что за пришельцы. И тут есть известная опасность.

— А больше ты ничего не помнишь? В смысле — никаких других задач и вопросов?

— Нет, не припомню. Ты мне расскажи еще, что у вас происходит.

— И рад бы, да не могу. У меня тут полно народу. А ты сейчас едешь в Элмор?

— Ага. Как доберусь туда, позвоню тебе. Ты будешь дома?

— Куда же я денусь.

Пока я говорил с Элфом, в комнате все как воды в рот набрали. Сидели и слушали. Но едва я положил трубку, Хигги выпрямился и скорчил важную мину.

— Я полагаю, — начал он, — пора бы нам пойти встречать сенатора. Пожалуй, мне следует назначить комиссию по приему высокого гостя. Разумеется, в нее войдут все здесь

присутствующие и, может быть, еще человек шесть. Доктор Фабиан и, скажем...

— Одну минуту, мэр, — прервал Шервуд. — Приходится напомнить, что это касается не только Милвилла и сенатор едет к нам не с визитом. Тут нечто более важное и совершенно неофициальное. Сенатору нужно поговорить только с одним человеком — с Брэдом. Брэд — единственный, у кого есть необходимые сведения и...

— Но я только хочу... — не выдержал Хигги.

— Все мы знаем, чего вы хотите, — прервал Шервуд. — А я хочу подчеркнуть, что, если Брэду нужна в помощь какая-либо комиссия, так пусть он сам ее и подбирает.

— Но мой служебный долг... — бубнил наш мэр.

— В данном случае ваш служебный долг ни при чем, — отрезал Шервуд.

— Джералд! — вскинулся Хигги. — Я старался сохранить о вас наилучшее мнение. Я уверял себя...

— Послушайте, мэр, бросьте вы ходить вокруг да около, — мрачно заявил Престон. — Давайте без дураков. Тут что-то нечисто, заговор какой-то, какие-то темные дела. Ясно, что замешан Брэд, и замешан Шкалик, и...

— Если вы так уверены, что тут заговор, значит, и я замешан, — вставил Шервуд. — Это мои телефоны.

Хигги даже поперхнулся:

— Что-о?!

— Это мои телефоны. Их выпускает моя фабрика.

— Так вы с самого начала все знали?

Шервуд покачал головой:

— Ничего я не знал. Я только выпускал телефоны.

Хигги без сил откинулся на спинку стула. Он сжимал и разжимал руки и смотрел на них невидящими глазами.

— Не понимаю, — бормотал он. — Хоть убейте, ничего не понимаю.

А по-моему, он отлично все понял. Впервые до него дошло, что тут не просто какое-то чудо природы, которое понемногу сойдет на нет, сослужив Милвиллу отличную службу: такая реклама для туристов, каждый год тысячами будут съезжаться любопытные... Нет, впервые мэр Хигги Моррис осознал, что перед Милвиллом и перед всем миром встала задача, которую не разрешить при помощи простого везения или на заседании Торговой палаты.

— Одна просьба, — сказал я.

— Чего тебе? — отозвался Хигги.

— Верните мне телефон. Тот, который стоял у меня в конторе. Тот самый, без диска.

Мэр поглядел на Хайрама.

— Ну, нет, — заявил Хайрам. — Не отдам я ему этот телефон. Он уже и так здорово напакостил.

— Хайрам, — только и сказал мэр.

— А, ладно, — буркнул Хайрам. — Пускай подавится.

— Мне думается, все мы поступаем весьма неразумно, — заговорил отец Фленеген. — Я предложил бы обсудить все, что произошло, спокойно и обстоятельно, по порядку. Только таким образом можно было бы...

Его прервало тиканье — громкое, зловещее, оно разносилось по всему дому, словно отбивая такт шагам самого рока. И тут я понял, что тиканье это началось уже давно, но сперва оно было тихое, чуть слышное, и я смутно удивлялся — что бы это могло быть.

А теперь, от удара к удару, оно становилось все громче, резче, и, пока мы слушали, оцепенев, ошеломленные, испуганные, тиканье переросло в гул, в мощный рев...

Мы в страхе повскакали на ноги, в раскрытую дверь видно было: стены кухни озаряются и гаснут, словно там то включают, то выключают слепящие фары, — комнату заливал нестерпимо яркий свет, на миг погасал и вспыхивал вновь.

— Так я и знал! — взревел Хайрам и кинулся к двери. — Я сразу понял, это вроде бомбы!

Я бросился за ним с криком:

— Берегись. Не тронь!

Это была «машина времени». Она взлетела со стола и парила в воздухе; в ней, мерно пульсируя, нарастала какая-то неведомая, огромная энергия, воздух полнился мощным гудением. На столе валялась моя измятая куртка.

Я ухватил Хайрама за локоть и пытался удержать, но он вырвался и уже тащил из кобуры револьвер.

Ярко вспыхнув, шар взмыл кверху. Вот-вот ударится о потолок — и хрупкие линзы разлетятся в пыль.

— Не надо! — крикнул я.

Шар ударился о потолок, но не разбился. Ни на миг не замедляя полета, он прошел сквозь потолок. Я так и замер с раскрытым ртом, глядя на аккуратную круглую дыру.

Позади затопали, захлопали дверью — и, когда я обернулся, комната была пуста, одна только Нэнси стояла у камина.

— Идем! — крикнул я, и мы выбежали на крыльцо.

Все столпились во дворе, между крыльцом и живой изгородью, и, задрав голову, смотрели в небо: яркий мигающий огонек стремительно уносился ввысь.

Я глянул на крышу — машинка продырявила ее, по краям отверстия торчали осколки разбитой, перекосившейся черепицы.

— Вот оно! — сказал у меня над ухом Джералд Шервуд. — Хотел бы я знать, что это такое.

— Понятия не имею, — ответил я. — Они нарочно подсунули мне эту штуку. Провели как последнего дурака.

Меня трясло, меня душили стыд и злость. В том мире мною воспользовались, как пешкой. Провели, одурачили, заставили притащить сюда, на мою Землю, какую-то штуку, которую не могли доставить сюда сами.

И нет никакой возможности понять, что все это значит... хотя, боюсь, очень скоро мы это узнаем...

Ко мне подступил разъяренный Хайрам.

— Что, добился своего? — рявкнул он. — И не прикидывайся, не ври — мол, знать не знаю и ведать не ведаю. Черт их разберет, кто там есть и что они затевают, а только ты с ними отлично спелся.

Я молчал. Отвечать было нечего.

Хайрам шагнул ближе.

— Хватит! — крикнул Хигги. — Не тронь его!

— Надо выбить из него правду! — орал Хайрам. — Если узнать, что это за штука, может, мы сумеем...

— Хватит, кому говорю, — повторил Хигги.

— Ты мне осточертел, — сказал я Хайраму. — Осточертел и опостылел, и пропади ты пропадом. Только сперва отдай телефон, он мне нужен. Да поживее.

— Ах ты, сука! — взревел Хайрам и сделал еще шаг ко мне.

Подскочил Хигги и наподдал ему по щиколотке.

— Я сказал — хватит, черт подери!

Хайрам запрыгал на одной ноге, потирая ушибленное место.

— Что это вы, мэр, — ныл он. — Так не положено!

— Поди принеси ему тот телефон, — сказал Том Престон. — Пускай пользуется. Пускай позвонит своей шайке и доложит, как он здорово на них поработал.

Я бы рад был излупить их всех троих, особенно Хайрама и Тома Престона. Но где там. Когда мы были мальчишками, Хайрам частенько разделывал меня под орех, и я отлично знал, что мне с ним не сладить.

Хигги ухватил его и потянул к воротам. Хайрам шел прихрамывая. Том Престон распахнул перед ними калитку, и все трое, не оглядываясь, зашагали прочь.

Лишь теперь я заметил, что и другие разошлись, на веранде остались только отец Фленеген, Джералд Шервуд и Нэнси.

Священник держался в сторонке и, встретясь со мной взглядом, виновато развел руками.

— Не осуждайте людей за то, что они ушли, — сказал он. — Они в тревоге и смятении. Вот и поспешили удалиться.

— А вы? Вас это все не тревожит? — спросил я.

— Да нет, нисколько. Хотя, признаться, я чуточку смущен. Все это немножко отдает ересью.

— Может, вы еще скажете, что поверили мне, — проговорил я с горечью.

— У меня возникли некоторые сомнения, и я не вполне от них избавился, — ответил Фленеген. — Но эта дыра в крыше — веский довод в вашу пользу против чересчур упорных скептиков. Притом я не разделяю весьма модных ныне циничесских воззрений. Мне кажется, в наши дни в мире есть место и для порывов мистических.

Я мог бы ответить ему, что тут мистикой и не пахнет: тот, другой мир, очень прочен и реален, там тоже светят солнце, звезды и луна, я ходил по его земле, пил его воду, дышал его воздухом, и под ногтями у меня еще застрял песок, в котором я рылся, выкапывая из откоса над ручьем человеческий череп.

— Они вернутся, — продолжал отец Фленеген. — Им надо немного подумать, освоиться со всем тем, что они от вас услышали. Это не так просто принять. Они вернутся, и я тоже, а сейчас мне нужно пойти отслужить мессу.

По улице неслась орава мальчишек. За полквартала до моего дома они остановились и, тыча пальцами, стали глазеть на продырявленную крышу. Они толклись посреди мостовой, весело пихали друг дружку под бока и что-то горланили.

Из-за горизонта вынырнул краешек солнца, деревья вспыхнули яркой летней зеленью.

Я кивнул в сторону мальчишек.

— Уже прослышали, — сказал я. — Через полчаса тут соберется весь Милвилл, и все станут пялить глаза на мою крышу.

17

Толпа на улице росла. Никто ничего не предпринимал. Просто стояли и удивлялись, глазели на дыру в крыше и негромко переговаривались... ни крика, ни визга, просто негромкий говор, будто все знали, что вскоре непременно случится что-то еще, и терпеливо ждали.

Шервуд шагал из угла в угол.

— Гиббс должен звонить с минуты на минуту, — сказал он. — Не знаю, отчего он замешкался. Он уже должен бы позвонить.

— Может, его что-нибудь задержало, — отозвалась Нэнси. — Может, самолет запаздывает. Или на дороге затор.

Я стоял у окна и смотрел на толпу. Почти все лица хорошо мне знакомы. Это мои друзья и соседи, прежде им ничто не мешало ко мне постучаться, войти в дом и потолковать со мной. А сейчас они держатся поодаль, и смотрят, и ждут. Как будто мой дом стал клеткой, а сам я — чужой, неведомый зверь из каких-то дальних стран.

Всего лишь сутки назад я был такой же, как они, житель тихого городка Милвилла, я вырос среди этих людей, столпившихся на улице. А теперь в их глазах я — какое-то чудище, урод, а для некоторых, пожалуй, и похуже: что-то зловещее, враждебное, что грозит если не их жизни, то благополучию и душевному спокойствию.

Ибо Милвилл уже никогда не станет прежним... а быть может, и весь мир уже не станет прежним. Ведь даже если незримый барьер исчезнет и Цветы отвернутся от нашей Земли, нам уже не возвратиться в былую мирную и привычную колею, к успокоительной вере, будто на свете только и может существовать та жизнь, какая нам знакома, а наш способ познания и мышления — это единственно возможный и прямой путь, единственная торная дорога к истине.

Жили-были в старину людоеды, но потом их изгнали. Привидения, вампиры, оборотни и прочая нечисть тоже повывелись, им не стало места в нашей жизни: все это могло существовать лишь на туманных берегах невежества, в краю суеверий. А вот теперь мы снова впадем в невежество (только иное, чем прежде) и погрязнем в суеверии, ибо суеверие питается недостатком знания. Теперь, когда рядом замаячил другой мир — даже если его обитатели решат не вторгаться к нам или мы сами найдем способ преградить им путь, — нашу жизнь опять наводнят упыри, ведьмы и домовые. По вечерам у камелька мы пойдем судить и рядить о другом, потустороннем мире, станем из кожи вон лезть, лишь бы как-то обосновать страх перед тем неведомым, что будет нам чудиться в его таинственных и грозных далях, и из этих наших рассуждений родятся ужасы, превосходящие все, что может таиться во всех чужих мирах. И, как некогда в старину, мы станем бояться темноты, всего, что лежит вне светлого круга, отброшенного нашим малым огоньком.

Толпа на улице прибывала, подходили еще и еще люди. Вот стучит костылем по тротуару дядюшка Эндрюс, вот мамаша Джоунс в своем дурацком капоре и Чарли Хаттон — хозяин «Веселой берлоги». Тут же, в передних рядах, и мусорщик Билл Доневен, а жены его не видно... интересно, приехали ли Мирт с Клейком за их детьми? А вот и Гейб Томас, шофер грузовика, тот самый, что первый после меня наткнулся на невидимый барьер; он такой горластый и неугомонный, будто весь свой век прожил в Милвилле и всех и каждого тут знает с пеленок.

Кто-то шевельнулся возле меня: Нэнси. Видно, она еще раньше подошла и встала рядом.

— Ты только погляди на них, — сказал я. — Нашли развлечение. Прямо цирк, сейчас начнется парад-алле.

— Они самые простые, обыкновенные люди, — сказала Нэнси. — Нельзя требовать от них слишком много, Брэд.

А ты, по-моему, требуешь слишком много. Неужели ты хочешь, чтобы те, кто здесь тебя слушал, вот так, сразу, приняли на веру каждое твое слово!

— Твой отец мне поверил.

— Отец — другое дело. Он человек незаурядный. И потом, он какие-то вещи знал заранее, он мог хоть что-то предвидеть. У него тоже был такой телефон. Ему было кое-что известно.

— Кое-что, — повторил я. — Не очень много.

— Я с ним не говорила. Не было случая поговорить с глазу на глаз. А при всех я не могла его спросить. Но я знаю, он тоже замешан в эту историю. Это опасно, Брэд?

— Не думаю. Оттуда, из того мира — уж не знаю, в каком месте и в каком времени он находится, — опасность не грозит. Сейчас пока опасен не чужой мир. Вся опасность в нас самих. Мы должны что-то решить — и решить как надо, без ошибки.

— Откуда нам знать, какое решение правильное? — возразила Нэнси. — Ведь прежде ничего подобного не случалось.

В том-то и беда, подумал я. Как ни крути, что ни решай, подкрепить решение нечем, опереться не на что.

С улицы донесся какой-то крик, и я придвинулся к окну, чтоб было дальше видно. По середине мостовой шагал Хайрам Мартин, в руке у него был телефон без диска.

Нэнси тоже его заметила.

— Он все-таки возвращает тебе телефон. Забавно, вот не думала...

Это Хайрам и кричал, даже не кричал, а пел — громко, насмешливо, с вызовом:

— Вылезай, чертов гад! Получай свой телефон!

Нэнси тихонько ахнула. Я кинулся к двери, рывком распахнул ее и вышел на крыльцо.

Хайрам был уже у ворот, он больше не пел. Минуту мы стояли и смотрели друг на друга. Толпа зашумела, придвинулась ближе. Хайрам поднял аппарат высоко над головой.

— На, держи! — заорал он. — Получай свой телефон, ты, гнусный...

Что он там еще орал, я не расслышал — толпа взревела, заулюлюкала.

Хайрам запустил в меня аппаратом. Это не мяч и не палка, бросать его несподручно, и бросок вышел неудачный. Трубка на длинном проводе отлетела в сторону. Провод взвился дугой, потом натянулся, траектория аппарата переломилась, и он грохнулся на асфальтовую дорожку на полпути между калиткой и верандой. Во все стороны брызнули осколки пластмассы.

Не раздумывая и не рассчитывая, не помня себя от бешенства, я сбежал с крыльца и ринулся к калитке. Хайрам чуть попятился, я выскочил на улицу и остановился перед ним.

Хватит с меня Хайрама Мартина. Я сыт им по горло. Вот уже два дня он въедается мне в печенки, баста, надоело! Ох, переломать бы ему ребра, живого места не оставить! Чтоб вовек больше не измывался надо мной! Ведь только тем и берет, наглая скотина, что вымахал с телеграфный столб и кулачищи у него точно кувалды!

Как когда-то в детстве, багровая пелена упрямой ненависти застлала мне глаза. Я смотрел сквозь нее на Хайрама — конечно же, он отдубасит меня, как не раз дубасил в школьные годы... все равно, пусть отведает моих кулаков, буду лупить его с восторгом, с наслаждением, изо всех сил!

Кто-то заорал:

— А ну, расступись! Шире круг!

Я кинулся на Хайрама, и он ударил. Ему негде и некогда было путем размахнуться, но его кулак сильно и больно ударил меня в ухо, и я пошатнулся. Хайрам тотчас ударил снова, но второй удар пришелся вкось, я даже не почувствовал боли — и на этот раз дал сдачи. Я влепил ему левой чуть повыше пояса, он скрючился от боли, и я дал ему в зубы, да так,

что ожег о них костяшки пальцев, ободрал в кровь. И опять размахнулся изо всех сил, но тут невесть откуда мне на голову обрушился кулак — мне показалось, голова лопнула; в ушах зазвенело, из глаз посыпались искры. Под коленями вдруг очутился жесткий асфальт, но я все же поднялся и в глазах прояснилось. Ног я не чувствовал. Казалось, я пробкой плаваю и подскакиваю в воздухе. Где-то близко, наверно в футе от меня, возникла рожа Хайрама — губы расквашены, и на рубашке кровь. Я опять ударил по губам — пожалуй, не слишком сильно, я порядком выдохся. Но Хайрам зарычал, потом вильнул вбок, я снова кинулся на него.

И тут он меня добил.

Я почувствовал: падаю, валюсь на спину, почему-то я падал очень долго. Наконец брякнулся о мостовую — она оказалась тверже, чем я думал, и это было больнее, чем удар, который сбил меня с ног.

Я стал шарить вокруг, пытаясь опереться на руки и подняться. А стоит ли хлопотать? — мелькнула мысль. Ну, встану, а он опять меня свалит. Но нет, надо подняться, надо подниматься опять и опять, покуда хватит сил. Так уж издавна повелось у нас с Хайрамом, таковы правила игры. Всякий раз, как я поднимался, он снова сбивал меня с ног, но я поднимался упрямо, до последнего дыхания, и ни разу не запросил пощады, ни разу не признал себя побежденным. И если я выдержу так до конца жизни, победителем выйду я, а не Хайрам.

Но на этот раз что-то невмочь. Не выходит. Никак не поднимусь. Быть может, пришел тот час, когда мне уже не встать?

Я все шарил ладонями, ища опоры, и вдруг наткнулся на камень. Наверно, какой-нибудь мальчишка запустил им в воробья ли, в собаку ли или швырнул просто так, для забавы. Камень остался посреди улицы, может, он пролежал здесь не день и не два, и теперь я нащупал его правой рукой и стиснул — очень подходящий камень, так удобно поместился в кулаке.

Громадная мясистая ручища опустилась с высоты, сгребла меня за грудки и рывком подняла на ноги.

— Я тебе покажу! — заорал хриплый голос. — Будешь знать, как нападать на представителя порядка.

Опять перед глазами плавает разбитая в кровь морда, искаженная злобой и ненавистью. Как он упивается тем, что он больше, тяжелей, сильнее меня!

Я снова ощутил под собою ноги, яснее различил физиономию Хайрама, а за ним — еще стену лиц, нетерпеливо теснящуюся толпу, которая жаждет полюбоваться убийством.

Сдаваться нельзя, подумал я, вспоминая наши прежние драки, я никогда не сдавался. Пока держишься на ногах, надо драться, и если даже тебя свалили наземь и ты уже не в силах встать, все равно нельзя признавать себя побежденным.

Хайрам обеими руками вцепился в меня, лицо его придвинулось вплотную. Я крепче сжал камень и размахнулся. Я размахнулся из последних сил — все, что во мне еще оставалось, я вложил в этот удар: всем корпусом от пояса вверх — и в челюсть.

Голова его резко откинулась на толстой бычьей шее. Он зашатался, разжал пальцы и нескладной тряпичной куклой повалился на мостовую.

Я отступил на шаг и смотрел на Хайрама сверху вниз; в голове прояснилось, я ощутил собственное тело, избитое, в ссадинах и кровоподтеках, — оно болело сплошь, болел каждый сустав и каждый мускул. Но это неважно, это пустяки: впервые за всю мою жизнь я одолел Хайрама Мартина! Я свалил его с ног, потому что у меня оказался камень — ну и что ж, наплевать! Я не искал его, просто камень подвернулся под руку, и я невольно зажал его в кулаке. Я вовсе не думал пустить его в ход, но раз уж так получилось — черт с ним! Если бы я успел подумать, я, наверно, сделал бы это умышленно.

Кто-то подскочил ко мне. Том Престон.

— Да неужто мы ему такое спустим? — завизжал он, обернувшись к толпе. — Он же ударил полицейского! Камнем! Он подобрал камень!

К нам протолкался еще один человек, ухватил Престона за плечи, приподнял, как котенка, и сунул обратно в первые ряды толпы. Это был Гейб Томас.

— Не лезь! — только и сказал он.

— Он ударил Хайрама камнем! — вопил Престон.

— Жаль, что не дубиной, — сказал Гейб. — Надо бы ему совсем башку размозжить.

Хайрам зашевелился и сел. Рука его потянулась к револьверу.

— Только попробуй, — сказал я. — Только тронь револьвер — и, бог свидетель, я тебя убью.

Хайрам уставился на меня. Уж верно было на что посмотреть. Он измордовал меня, исколошматил, и все-таки я свалил его, а сам устоял на ногах.

— Он ударил тебя камнем! — заверещал Престон. — Он тебя...

Гейб протянул руку и спокойно, аккуратно взял Тома за глотку. Он сдавил его тощую шею, и Престон разинул рот и высунул язык.

— Сказано, не лезь, — повторил Гейб.

— Хайрам — представитель закона, — вмешался Чарли Хаттон. — Брэд не имел права ударить полицейского.

— Слушай, друг, — отвечал ему Гейб. — Барахло ваш полицейский, а никакой не представитель закона. Порядочный полицейский не станет затевать драку.

Я все не сводил глаз с Хайрама, и он тоже следил за мною, но тут он отвел глаза и опустил руку.

И я понял — победа за мной. Не потому, что я сильней или дрался лучше, — ничего подобного, — а просто он трус: ему здорово досталось, и теперь у него уже не хватит пороху, больше он не полезет, побоится боли! И револьвера мне тоже

нечего опасаться. Хайрам Мартин не посмеет убить человека в честном бою, лицом к лицу.

Хайрам медленно поднялся на ноги, постоял минуту. Поднял руку, осторожно потрогал челюсть. Повернулся и пошел прочь. Толпа смотрела молча, так же молча раздалась и пропустила его.

Я поглядел ему вслед, и неистовая, кровожадная радость закипела во мне. С детства он был мне враг, больше двадцати лет, — и наконец-то я его отлупил. Правда, не в честном бою: чтобы взять верх, мне пришлось прибегнуть к запрещенному приему. Но все равно. Честно или нечестно, а я его одолел.

Толпа медленно попятилась. Никто не сказал мне ни слова. И вообще никто ничего не сказал.

— Видно, больше охотников нету, — заметил Гейб. — А ежели кто желает, придется иметь дело и со мной.

— Спасибо, Гейб, — сказал я.

— Не на чем. Я ж ни черта не сделал.

Я разжал пальцы, камень упал на мостовую. В тишине он загремел на всю улицу.

Гейб вытащил из заднего кармана штанов большущий красный платок и шагнул ко мне. И, одной рукой придерживая мой затылок, начал вытирать мне лицо.

— Эдак через месячишко у тебя опять будет вполне приличный вид, — заметил он в утешение.

— Эй, Брэд! — крикнули из толпы. — Кто он таков, твой приятель?

Я не увидел, кто это кричал. Кругом было полно народу.

— Мистер! — заорал еще кто-то. — Не забудьте утереть ему нос.

— А ну, валяй! — прогремел Гейб. — Кто там остряк-самоучка? Выйди-ка, покажись, сейчас я тобой подмету улицу.

Мамаша Джоунс сказала громко, чтобы расслышал дядюшка Эндрюс:

— Это шофер с грузовика, он разбил Брэду машину. Видно, если кто полезет драться с Брэдом, так этот малый ему задаст.

— Ишь ты, хвастунишка! — закричал в ответ дядюшка Эндрюс. — Ну и хвастунишка!

Вдруг я увидел Нэнси, она стояла у калитки и смотрела, и лицо у нее было такое... совсем как в детстве, когда мне приходилось вот так же драться с Хайрамом. Ей было противно. Она терпеть не могла драки, она считала, что драться — глупо и пошло.

Дверь моего дома распахнулась, с крыльца сбежал Джералд Шервуд. Подбежал и схватил меня за руку.

— Идем скорей! Звонит сенатор. Он ждет тебя на шоссе.

18

По ту сторону барьера ждали четверо. Поодаль остановились несколько машин. Там и сям кучками стояли солдаты. Примерно в полумиле к северу все еще работал экскаватор.

Я шел к людям, которые ждали меня на дороге, и чувствовал себя дурак дураком. Ну и вид же у меня, должно быть, — как у нечестивейшего грешника в аду! Рубашка изодрана, левая рука горит, точно ее надраили наждачной бумагой. Правая рука разбита о Хайрамовы зубы, левый глаз, чувствую, заплывает — будет изрядный синяк.

По ту сторону незримого барьера по-прежнему тянулся вал вывороченной с корнем растительности, его расчистили только рядом с шоссе, на два-три десятка шагов вправо и влево.

Я подошел ближе и узнал сенатора Гиббса. Раньше я его никогда не встречал, но видел портреты в газетах. Крепкий, коренастый, совсем седой и всегда без шляпы. Сейчас на нем были двубортный пиджак и ярко-синий галстук в горошек.

С ним был какой-то военный, на погонах — звезды. Третий — маленький, щуплый, волосы точно лакированные, черствая, непроницаемая физиономия. Четвертый тоже невелик ростом, но пухлый, круглолицый и синеглазый — никогда еще я не видал таких ярких синих глаз. Я подошел к ним фута на три и ощутил легкое сопротивление: впереди был барьер. Тогда я отступил на шаг и посмотрел на сенатора.

— Вы, наверно, сенатор Гиббс, — сказал я. — Меня зовут Брэдшоу Картер. Вам про меня говорил Шервуд.

— Рад с вами познакомиться, мистер Картер, — сказал сенатор. — Я думал, Джералд тоже придет с вами.

— Я его звал, но он решил, что ему не следует идти, — объяснил я. — Они там поспорили. Мэр хотел назначить комиссию для встречи с вами, а Шервуд никак не соглашался.

Сенатор кивнул:

— Понимаю. Значит, мы будем говорить только с вами.

— Если вы хотите вызвать еще кого-нибудь...

— Нет-нет, зачем же! Ведь всеми сведениями располагаете именно вы?

— Да, я.

— Прошу извинить, я вас представлю. Мистер Картер — генерал Уолтер Биллингс.

— Здравствуйте, генерал, — сказал я.

Странное чувство: знакомиться с человеком, не подавая руки.

— А это Артур Ньюком, — продолжал сенатор.

Человечек с черствым, непроницаемым лицом холодно улыбнулся. Такой — будьте уверены! — никаких шуток не потерпит. Он, видно, возмущен до глубины души уже тем, что кто-то посмел допустить существование какого-то там барьера.

— Мистер Ньюком — представитель государственного департамента, — пояснил сенатор. — А это доктор Роджер Дэйвенпорт, биолог и притом весьма знаменитый.

— Доброе утро, молодой человек, — сказал Дэйвенпорт. — Простите за нескромный вопрос — что это с вами приключилось?

Я улыбнулся ему, толстяк сразу пришелся мне по душе.

— Так, малость не сошлись во взглядах с одним земляком.

— Могу себе представить, какое в городе волнение, — сказал Биллингс. — Пожалуй, скоро трудно станет поддерживать закон и порядок.

— Боюсь, что вы правы, сэр, — сказал я.

— Ваш рассказ потребует времени? — спросил сенатор.

— Да, некоторое время понадобится.

— Где-то там были стулья, — произнес генерал Биллингс. — Сержант, где там...

Не успел он договорить, как сержант и двое солдат, стоявшие у обочины, подошли со складными стульями.

— Ловите! — сказал мне сержант и кинул стул сквозь барьер.

Я поймал стул на лету. Пока я его расставил и сел, четверо по ту сторону барьера тоже уселись.

Прямо сумасшедший дом какой-то: сидят пять человек посреди шоссе на шатких походных стульчиках!

— Что ж, — сказал сенатор, — я думаю, можно приступить к делу. Какой порядок вы предлагаете, генерал?

Генерал закинул ногу на ногу и уселся поплотнее. С минуту он раздумывал.

— Этот человек должен нам сообщить какие-то сведения, — сказал он наконец. — Так отчего бы нам тут же, на месте, его не выслушать?

— Ну, разумеется, — сказал Ньюком. — Послушаем, что он скажет. Но знаете ли, сенатор...

— Да-да, — поспешно прервал Гиббс, — я понимаю, обстановка не совсем обычная. Впервые мне приходится заседать под открытым небом, но...

— По-видимому, другого выхода у нас нет, — заметил генерал.

— Это довольно долгая история, — предупредил я. — И кое-что может показаться невероятным.

— Так ведь и это невероятно, — сказал сенатор Гиббс. — Этот, как вы его называете, барьер.

— И, как видно, вы — единственный человек, которому что-то известно, — прибавил Дэйвенпорт.

— Итак, приступим, — заключил сенатор Гиббс.

И я стал рассказывать свою повесть во второй раз. Я не торопился, говорил обстоятельно обо всем, что видел, стараясь не упустить ни одной мелочи. Меня не прерывали. Раза два я умолкал на минуту — может, о чем-нибудь спросят? — но в первый раз Дэйвенпорт просто кивнул: продолжай, мол, а потом все четверо только молча ждали, чтобы я опять заговорил.

Это порядком действовало на нервы, уж лучше бы они меня перебивали. Все мои слова падали в молчание, как в яму, я пытался хоть что-то прочесть по их лицам, понять, много ли до них доходит. Но — ни единой ответной искорки, никакого движения не мог я уловить на этих застывших физиономиях. Да ведь и правда, как нелепо, наверно, все это звучит...

Наконец-то я все досказал и откинулся на стуле.

По ту сторону барьера беспокойно зашевелился Ньюком.

— Прошу извинить, джентльмены, но я решительно протестую. Не понимаю, с какой стати мы сюда тащились и выслушивали эти нелепые россказни.

— Артур, — перебил сенатор Гиббс, — за мистера Картера поручился мой старый друг Джералд Шервуд. Я знаю Шервуда больше тридцати лет и уверяю вас, он очень проницательный человек, в высшей степени трезвый и деловой, но при этом не лишенный воображения. Как ни трудно нам принять сообщение мистера Картера или, во всяком случае,

некоторые частности его сообщения, я все же убежден, что от них нельзя просто отмахнуться, мы должны их обсудить. И позвольте вам напомнить, что это первые конкретные данные, на которые мы можем опереться.

— Мне тоже трудно поверить хотя бы одному слову, — сказал генерал Биллингс. — Но ведь вот этот барьер — неопровержимое свидетельство, хоть он и недоступен нашему сегодняшнему пониманию. Безусловно, положение таково, что мы вынуждены будем и дальше принимать на веру свидетельства, которые превосходят наше понимание.

— Давайте предположим на минуту, что мы решительно всему поверили, — подсказал Дэйвенпорт. — Попробуем поискать в этом какое-то рациональное зерно.

— Это невозможно! — взорвался Ньюком. — Это вызов всему, что мы знаем!

— Мистер Ньюком, — возразил биолог, — человек только и делает, что бросает вызов всему, что он знал прежде. Лишь несколько веков назад он твердо знал, что Земля — центр Вселенной. Каких-нибудь тридцать лет назад, даже и того меньше, он знал, что люди никогда не смогут побывать на других планетах. Сто лет назад он знал, что атом неделим. Ну а мы с вами? Мы знаем, что время — это нечто на веки веков непостижимое и неуправляемое и что растения не могут быть разумными. Так вот, разрешите вам сказать, сэр...

— Вы что же, всему этому верите? — спросил генерал.

— Ничему я не верю. Это было бы весьма необъективно. Но я считаю, что нам надо повременить с окончательным суждением. По совести скажу, я с восторгом займусь этой проблемой, понаблюдаю, проведу кое-какие опыты и...

— Вы можете и не успеть, — сказал я.

Генерал круто обернулся ко мне.

— А разве поставлены какие-то сроки? Вы об этом не упоминали.

— Верно. Но у них есть способ нас поторопить. Они в любую минуту могут пустить в ход очень веские доводы. Хотя бы — двинуть дальше этот барьер.

— И далеко они способны его продвинуть?

— Вы можете гадать с таким же успехом, как и я. На десять миль. На сто. На тысячу. Понятия не имею.

— Вы говорите так, как будто они вообще могут столкнуть нас в межпланетное пространство.

— Не знаю. По-моему, они и это могут.

— По-вашему, они так и поступят?

— Возможно. Если увидят, что мы все тянем и водим их за нос. Не думаю, чтобы им этого хотелось. Мы им нужны. Им нужен кто-то, кто может применить на практике накопленное ими знание и тем самым придать ему смысл. По-видимому, до сих пор они не нашли никого, кто был бы на это способен.

— Но нельзя же решать наспех! — запротестовал сенатор. — Нельзя допустить, чтобы нас подгоняли. Нужно очень много сделать. Необходимо обсудить все это на самых разных уровнях — в государственном и международном масштабе, с экономистами, с учеными.

— Мне кажется, сенатор, — сказал я, — все мы забываем главное. Мы сейчас имеем дело не просто с другим государством, с другими людьми. Мы имеем дело с чужими существами, с пришельцами из другого мира.

— Это все равно, — сказал сенатор. — Мы должны действовать так же, как всегда.

— Оно бы неплохо, только надо еще, чтобы они нас поняли, — заметил я.

— Придется им подождать, — сухо сказал Ньюком.

Меня взяло отчаяние. Безнадежно. Ничего тут нельзя решить, человечество не готово к этой встрече, мы только все испортим, все загубим. Пойдут нескончаемые споры, разговоры и переговоры, обсуждения и словопрения — и все на

нашем, человеческом уровне, все только с наших позиций, никто даже не попытается понять, что думают и чего хотят пришельцы.

— Учтите, что в роли просителей выступают они, а не мы, — заявил сенатор. — Они, а не мы начали переговоры, они хотят доступа в наш мир, а не наоборот.

— Пятьсот лет назад белые прибыли в Америку, — сказал я. — Очевидно, тогда они выступали в роли просителей...

— Но индейцы были дикари, варвары! — возмутился Ньюком.

Я кивнул:

— Вы совершенно точно выразили мою мысль.

— У вас не слишком удачная манера острить, — ледяным тоном произнес Ньюком.

— Вы меня не поняли, — сказал я. — Я и не думал острить.

— Пожалуй, в этом что-то есть, мистер Картер, — заговорил Дэйвенпорт. — По вашим словам, эти растения уверяют, что они хранят огромные запасы знаний. И, как вы полагаете, это — познания многих разумных рас.

— Так они мне сказали.

— Запасы знаний, связанных между собой и приведенных в систему. Не просто свалка разнородных сведений.

— Да, именно система, — сказал я. — Только учтите, я не могу утверждать это под присягой. Я никак не мог проверить, правда ли это. Но Таппер, который говорил за них, уверял меня, что они никогда не лгут.

— Понимаю, — сказал Дэйвенпорт. — В этом есть логика. Им незачем лгать.

— Однако они не вернули вам полторы тысячи долларов, — вставил генерал Биллингс.

— Не вернули.

— А говорили, что вернут.

— Да, это они мне твердо обещали.

— Значит, они лгут. И они хитростью заставили вас принести на Землю какую-то штуку, которую вы считали машиной времени.

— Это они очень ловко подстроили, — заметил Ньюком.

— Не думаю, что мы можем всерьез им доверять, — сказал генерал Биллингс.

— Но послушайте, — спохватился Ньюком, — мы уже стали разговаривать так, как будто поверили каждому слову этой басни.

— Так ведь с этого мы и начали, — напомнил сенатор Гиббс. — Мы решили принять сведения, которые нам сообщил мистер Картер, за основу для обсуждения.

— В данный момент нам следует подготовиться к самому худшему, — провозгласил генерал.

Дэйвенпорт даже засмеялся:

— Что ж тут особенно плохого? Впервые в истории человечество может познакомиться с другими мыслящими существами. Если мы будем вести себя разумно, такая встреча может оказаться для нас очень полезной.

— Этого мы еще не знаем, — сказал генерал Биллингс.

— Конечно, не знаем. У нас пока слишком мало данных. Надо сделать какие-то шаги к дальнейшему сближению.

— Если эти цветы вообще существуют, — вставил Ньюком.

— Если они существуют, — согласился Дэйвенпорт.

— Джентльмены, — сказал сенатор, — мы кое-что упускаем из виду. Ведь барьер существует, это реальность. И он не пропускает ничего живого...

— Это еще неизвестно, — возразил Дэйвенпорт. — Вспомните случай с автомобилем. В нем наверняка были какие-то микроорганизмы. Просто не могло не быть. Мне кажется, барьер поставлен как преграда не для всего живого вообще, а лишь для того, что думает и чувствует. Это — преграда для жизни высокоразвитой, обладающей сознанием.

— Так или иначе, перед нами несомненное доказательство, что происходит что-то очень странное, — сказал сенатор. — Мы не можем просто закрывать на это глаза. Надо действовать, опираясь на те сведения, какими мы располагаем.

— Ну хорошо, — заявил генерал, — перейдем к делу. Можем ли мы с уверенностью предполагать, что эти чужаки чем-то нам угрожают?

Я кивнул:

— Может быть, и так. При известных обстоятельствах.

— При каких именно?

— Не знаю. Откуда нам знать, что они думают и чего хотят.

— Но все-таки тут может скрываться угроза?

— Мне кажется, — прервал Дэйвенпорт, — мы слишком много рассуждаем об опасности. Сначала нужно бы понять...

— Мой долг прежде всего в том, чтобы предусмотреть возможную опасность.

— И если она есть? Что тогда?

— Мы можем их остановить, — сказал генерал. — Только надо действовать без промедления. Действовать, пока они еще не захватили слишком большую территорию. У нас есть способ их остановить.

— Вы, военные, умеете действовать только силой, — вспылил Дэйвенпорт. — Ничего другого у вас и в мыслях нет. Да, конечно, термоядерный взрыв уничтожит всякую чуждую жизнь, которая успела проникнуть на Землю. Возможно, он даже разобьет барьер времени и навсегда закроет Землю для наших новых друзей...

— Друзей! Да почем вы знаете, что они нам друзья! — чуть не завопил генерал.

— Этого я, разумеется, не знаю. Ну а вы почем знаете, что они нам враги? Необходимо собрать больше сведений; необходимо опять установить с ними связь...

— А пока вы будете собирать сведения, они успеют укрепить барьер и раздвинуть его еще шире...

Дэйвенпорт окончательно рассердился.

— Рано или поздно должно же человечество научиться решать встающие перед ним задачи какими-то другими способами, а не просто грубой силой. Так вот, может быть, сейчас самое время начать. Вы предлагаете сбросить на этот город бомбу. Я уже не говорю о нравственной стороне вопроса: ведь это — убийство нескольких сотен ни в чем не повинных людей...

— Не забывайте, тут на одной чаше весов несколько сотен людей, а на другой — безопасность населения всей Земли, — проворчал Биллингс. — Мы ничего не будем предпринимать наспех. Такой шаг надо сперва тщательно продумать. Тут возможно лишь всесторонне обдуманное решение.

— Но вы его не исключаете — от одного этого содрогнется все человечество, — сказал биолог.

Генерал Биллингс упрямо вскинул голову.

— Допускать неприятные возможности подобного рода — мой долг, — заявил он. — Даже учитывая нравственную сторону вопроса, в случае надобности я не стану колебаться.

— Джентльмены! — беспомощно воззвал сенатор.

Генерал поглядел на меня. Кажется, все они давным-давно обо мне забыли.

— Прошу прощенья, мистер Картер, — сказал он. — Мне не следовало так говорить.

Я немо кивнул. Даже за миллион долларов я не мог бы выдавить из себя ни слова. Все внутри точно свинцом налилось, горло перехватило, я боялся шевельнуться.

Ничего подобного я не ждал. Правда, теперь, наслушавшись их, я запоздало понял, что только этого и можно было ожидать. Мне следовало понимать, как встретят в нашем мире эту новость, а уж если сам не сообразил, надо было только вспомнить, как тогда сказал Шкалик, лежа на полу у меня в кухне:

«Они захотят пустить в ход бомбу, — сказал он тогда. — Не давай им сбросить бомбу...»

Ньюком впился в меня холодным, пронизывающим взглядом.

— Полагаю, вы не станете повторять то, что сейчас слышали, — сказал он.

— Да, мы вынуждены на вас положиться, друг мой, — подхватил сенатор. — Мы в ваших руках.

Я через силу рассмеялся. Наверно, дико прозвучал этот смех.

— Чего ради я стану болтать? Мы — такая удобная мишень. Говори не говори, толку не будет. Все равно нам податься некуда.

А вдруг барьер оградит нас и от бомбы? — мелькнула мысль. Да нет, ерунда. Барьер не пропускает только ничего живого, точнее, если прав Дэйвенпорт, — а он, вероятно, прав, это преграда только для существ мыслящих. Вот пробовали взорвать его динамитом — и хоть бы что. Эта незримая стена не сопротивляется взрывам — и тем самым от них не страдает.

С точки зрения генерала Биллингса, бомба разом решит все проблемы. Она уничтожит все живое; именно до этого додумался и Элф Питерсон, когда решал задачу — как уничтожить зловредный сорняк, который приспосабливается к любым неблагоприятным условиям. Возможно, ядерный взрыв и не повлияет на загадочный механизм барьера времени, но он уничтожит все живое, смертоносная радиация отравит местность, и еще очень, очень долго пришельцы не смогут вновь ее захватить.

— Вы хотите, чтоб я был тактичный и деликатный, — сказал я генералу, — надеюсь, это будет взаимно. Если вы не найдете никакого другого выхода, делайте, что надо, безо всякого предупреждения.

Поджав губы, генерал молча кивнул.

— Тошно подумать, что тут начнется, если в Милвилле узнают...

— Сейчас еще рано об этом беспокоиться, — прервал меня сенатор. — Возможны и другие решения. Пока мы даже обсуждать это не станем. Наш друг генерал несколько поторопился.

— По крайней мере я честно говорю, — обиделся генерал. — Не кручу, не увиливаю. Очки никому не втираю.

Видно, он считал, что остальные именно этим и занимаются.

— Поймите одно, — сказал я. — Никакие тайны и секреты здесь невозможны. На чем бы вы ни порешили, вам придется действовать в открытую. Есть люди, чьи мысли Цветы могут прочитать. Есть люди — и, может быть, немало, — чьи мысли они читают вот в эту самую минуту. Причем люди эти ни о чем не подозревают и кто они — неизвестно. Может быть, Цветы сейчас читают мысли кого-нибудь из вас. Очень возможно, что они узнают все ваши планы, еще когда вы только эти планы обдумываете.

Ну конечно, такое им и в голову не приходило. Я-то их предупреждал, когда рассказывал свои приключения, но они пропустили это мимо ушей. Слишком много всего сразу свалилось, так быстро не разберешься.

— Что там за люди у машины? — неожиданно спросил Ньюком.

Я обернулся.

Там собралась добрая половина Милвилла. Они пришли посмотреть, что мы тут затеваем. Вполне понятно. Они вправе тревожиться, вправе знать, что происходит. Все это их кровно касается. Наверно, очень многие мне теперь не доверяют, ведь Хайрам и Том Престон черт знает чего обо мне наговорили, а я, изволите ли видеть, сижу на стуле посреди шоссе и толкую с важными шишками из Вашингтона. Наверно, милвиллцы

чувствуют себя обойденными, обманутыми. Наверно, думают, что их тоже должны бы позвать на это совещание.

Я снова повернулся к той четверке за барьером.

— Все это слишком важно, — настойчиво сказал я. — Смотрите, не промахнитесь. Если сейчас дать маху, значит, мы наверняка загубим и все другие возможности.

— Какие возможности? — спросил сенатор.

— Это первый случай, когда мы можем сблизиться с жителями другого мира. Но, уж конечно, не последний. Когда люди выйдут в космос...

— Но мы пока не в космосе, — сказал Ньюком.

Нет, безнадежно, все впустую. Я слишком многого ждал от тех, кто собрался тогда у меня в гостиной, и слишком многого ждал от этих приезжих из Вашингтона.

Им не выдержать испытания. Никогда нам, людям, не выдержать испытания. Так уж мы устроены, мы только и способны на провал. У нас вывихнутая логика, скверные, ложные побуждения, и ничего нельзя с этим поделать. Мы по природе своей близоруки, себялюбивы, самодовольны, где уж нам сойти с убогой проторенной дорожки.

А быть может, этим страдает не только человечество? Быть может, и эти Цветы, и любые другие чужаки и пришельцы так же ограничены тесной, привычной колеей? Быть может, все они окажутся так же деспотичны, так же упрямы, глухи и слепы, как мы?

Я беспомощно развел руками, но едва ли мои собеседники это заметили. Они во все глаза смотрели куда-то на дорогу позади меня.

Я круто обернулся. К нам приближалась толпа, которая еще недавно ждала у застрявших машин: она была уже на полпути между той пробкой и барьером. Люди шагали молча, размеренно, с непреклонной решимостью. Точно сама судьба надвигалась на нас.

— Чего им надо, как вы думаете? — беспокойно спросил сенатор.

Я всмотрелся: впереди всех Джордж Уокер, мясник из магазина «Рыжий филин», за ним — Матч Ормсби с заправочной станции и Чарли Хаттон, хозяин «Веселой берлоги». И Дэниел Виллоуби тоже здесь, этому явно не по себе, он из тех, кто всегда избегает толпы, шума и скандалов. А вот Хигги не видать и Хайрама тоже, зато Престон тут как тут. Ну а Шервуд? Шервуда, конечно, нет. Не такой он человек. Но народу полно, и все мне хорошо знакомы. И лица у всех мрачные, полные решимости.

Я отступил на обочину, и толпа прошла мимо, никто даже не поглядел в мою сторону.

— Послушайте, сенатор! — начал Джордж Уокер, голос его прозвучал чересчур громко. — Ведь это вы и есть сенатор, верно?

— Да, это я, — отозвался сенатор Гиббс. — Чем могу быть вам полезен?

— Вот это самое мы и пришли узнать, — сказал Уокер. — Мы вроде как делегация.

— Понимаю.

— Мы попали в беду, — продолжал Уокер. — А мы все честно платим налоги, так что пускай нам помогут, мы имеем право. Вот я ведаю в «Рыжем филине» мясным отделом, а народ к нам в Милвилл проехать не может, так уж я и не знаю, что будет. Без приезжих покупателей мы в два счета прогорим. Со своими-то, с милвиллскими, мы, конечно, торгуем, да ведь этого мало, дело себя не оправдывает, и скоро здешним будет нечем платить, ни у кого гроша не останется, а в кредит торговать нам не под силу. Понятно, свежее мясо мы всегда добудем. А продать — не продашь. Нет нашей возможности дальше торговать, как ни кинь, все клин...

— Одну минутку, — вставил сенатор. — Не нужно торопиться. Давайте обсудим все по порядку. У вас возникли

затруднения, мне об этом известно, и я сделаю все, что только могу...

— Вот что, сенатор, — прервал кто-то гулким басом, — тут кой у кого из нас задачки позаковыристей, чем у Джорджа. Хоть у меня, к примеру. Работаю я за городом, живу от получки до получки: целую неделю ребятишек кормить надо? Обуть-одеть надо? По всяким счетам платить надо? А теперь мне до работы не добраться, стало быть, и получки никакой нету. И я не один такой. Нас таких сколько хочешь. И на черный день ни у кого не отложено. У нас в Милвилле, скажу я вам, таких, чтоб хоть грош отложили про запас, может, раздва и обчелся. Вот мы все и...

— Постойте, — взмолился сенатор Гиббс. — Послушайте и вы меня. Дайте мне хоть немного времени. В Вашингтоне уже знают о том, что здесь случилось. Знаю, как трудно вам всем приходится. Вам постараются всемерно помочь. В конгресс будет внесен законопроект о пособии для жителей вашего города, и я сам буду трудиться не покладая рук, чтобы закон этот был принят без излишних проволочек. Мало того. На востоке страны некоторые газеты и телевизионные компании объявили сбор средств в помощь Милвиллу. И это только начало. Будет сделано еще очень многое...

— Да на черта нам это нужно, сенатор! — пронзительно выкрикнул кто-то. — Не надо нам никаких пособий. Мы не нищие, нам подачки ни к чему. Вы только помогите нам вернуться на работу.

Сенатор даже растерялся.

— То есть вы хотите, чтобы мы сняли этот барьер?

— Слушайте, сенатор, — снова загромыхал бас, — сколько лет правительство ухлопывает миллиарды, чтобы запустить человека на Луну. Ученых у вас хоть пруд пруди, так неужто нельзя потратить кой-какие деньги и время, чтоб нас вызволить! Мы весь век платим налоги, а много ли за это получаем?..

— Да, но дайте же нам срок, — возразил сенатор. — Мы должны выяснить, что представляет собой этот барьер, и найти какой-то способ с ним справиться. Скажу вам прямо и откровенно, такую задачу в пять минут не решить.

Сквозь толпу пробиралась Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, и наконец остановилась напротив сенатора.

— Но надо же что-то сделать, — сказала она. — Надо что-то сделать, понимаете? Кто-то должен найти способ. У нас тут есть больные — тяжелые, их надо положить в больницу, а мы не можем их переправить. Если мы их не отправим в больницу, некоторые умрут. У нас на весь Мелвилл только один доктор, и он уже очень немолод. Он хороший доктор и лечит нас уже много лет, но с очень тяжелыми больными ему не справиться, да у него ни лекарств, ни инструментов таких нету. С очень тяжелыми случаями он никогда не мог один справиться, он сам так прямо и говорил...

— Дорогая моя, — отеческим тоном начал сенатор, — я понимаю вашу озабоченность, я весьма вам сочувствую, и можете не сомневаться...

Что ж, видно, беседа моя с представителями Вашингтона закончена. Я медленно побрел по шоссе, вернее, рядом с ним, по взрытой, перепаханной земле, из которой уже поднимались тоненькие зеленые ростки. Семена, посеянные той странной бурей, взошли удивительно быстро, и теперь побеги тянулись к свету.

Каков-то будет урожай, с горечью подумал я.

И еще любопытно, очень ли Нэнси на меня сердится за драку с Хайрамом Мартином. Какое у нее тогда было лицо... а потом она сразу повернулась и ушла. И когда ее отец прибежал сказать мне, что звонит Гиббс, она не вышла из дому.

В ту короткую минуту на кухне, когда она припала к моему плечу, она вдруг стала совсем прежней — моя любимая, та девушка, с которой мы когда-то ходили, взявшись за руки, та,

SOWETO

что смеялась милым грудным смехом и дня не могла прожить без меня, как и я — без нее.

— Нэнси! — едва не закричал я. — Нэнси, прошу тебя, пускай все опять будет по-старому!

Но, наверно, к старому возврата нет. Наверно, это Милвилл виноват, это он стал между нами: за те годы, пока Нэнси тут не было, она переросла наш город, а я оставался здесь и еще глубже врос в него всеми корнями.

Нет, сквозь пыль стольких лет, сквозь все воспоминания, случаи и события, сквозь перемены, что произошли и в ней и в тебе самом, не докопаешься так легко до прошлого, не вырвешь из него минувший день и час. И если даже доберешься до него, слишком плотно он зарос пылью времени, и уже не вернешь ему того незабвенного сияния. А может, на самом деле он так и не сиял, может, только в воспоминании, от тоски и одиночества, ты сам наделил его этим ослепительным блеском.

Быть может, только раз за всю жизнь, да и то не к каждому, приходит вот такая сияющая минута. Возможно, есть даже такой закон, что минута эта и не может повториться.

— Брэд, — окликнул кто-то.

Все время я шел, повесив голову, глядя только под ноги. Услыхав свое имя, поднял глаза — оказалось, я уже поравнялся со сбившимися в кучу машинами.

К одной из них прислонился Билл Доневен.

— Привет, Билл, — сказал я. — Что ж ты не пошел туда с ними?

Билл брезгливо поморщился.

— Помощь нам нужна, это верно, — сказал он. — Ясно, нужна. Еще как. Только можно и обождать малость, не сдохнем. Нечего сразу скулить. А то что ж это: с первого синяка сразу кричать караул. Ронять себя тоже ни к чему, надо и самолюбие иметь.

Я кивнул, но в душе не вполне с ним согласился.

— Уж очень все напугались, — сказал я.

— Ну, ясно. А все равно нечего метаться и вопить, как стадо баранов.

— Что с малышами?

— Живы-здоровы, — сказал Билл. — Джейк в самый раз за ними поспел, прямо перед тем, как барьеру тронуться. Взял их и увез. Пришлось ему топором рубить дверь, чтоб до них добраться. Он рубит, а Мирт знай ругается без передышки. Черт-те сколько шуму было из-за этой паршивой двери.

— А как жена?

— Лиз-то... да ничего. Все тоскует по детишкам да тревожится, что, мол, будет дальше. Ну, ребята целы и невредимы — это главное.

Он похлопал ладонью по металлическому боку машины.

— Как-нибудь да выпутаемся, — сказал он. — Может, и не враз, а управимся. Нет на свете такого, чего бы люди не одолели, коли захотят. Я так думаю, посадят на это целую тысячу ученых — пускай мозгуют! Ну, не в день, не в два, а что-нибудь они придумают.

— Да, — сказал я, — наверно, придумают.

Если только сперва какой-нибудь тупоумный генерал с перепугу не нажмет ту самую кнопку. Если вместо того, чтобы пораскинуть умом, мы не пустим в ход силу и все не угробим.

— Что с тобой, Брэд?

— Так, ничего.

— У тебя, надо думать, тоже забот хватает. Что ты Хайрама вздул, так это поделом, он давно набивался. А телефон, которым он в тебя запустил, из тех, что ли?

— Из тех самых, — сказал я.

— Слышно, ты побывал в каком-то другом мире. Как это ты ухитрился? Чудно что-то, даже не верится, но все только про то и говорят.

Двое мальчишек с криком пробежали сквозь гущу машин и ринулись дальше, к толпе, которая все еще спорила с сенатором.

— Вот кому весело, — заметил Доневен. — Наша малышня сроду так не развлекалась. Почище всякого цирка.

С громкими восторженными воплями промчалась новая стайка мальчишек.

— Может, там еще что новое случилось? — сказал Доневен.

Первые двое ребят уже добежали до толпы у барьера и, дергая взрослых за руки, что-то им громко, взахлеб толковали.

— Похоже на то, — сказал я.

Кое-кто из толпы повернулся и заспешил обратно к Милвиллу, сперва скорым шагом, а там и бегом.

Когда они были уже совсем близко, Билл Доневен рванулся им наперерез.

— В чем дело? — крикнул он. — Что стряслось?

— Деньги! — закричали в ответ. — Кто-то нашел деньги!

Теперь уже вся толпа неслась во весь дух по шоссе к городу. Мэй Хаттон на бегу крикнула мне:

— Скорей, Брэд! У тебя в саду деньги!

— Деньги у меня в саду? Еще чего?!

Я мельком глянул на тех четверых из Вашингтона, они стояли за барьером и смотрели вслед толпе. Решили, наверно, что весь Милвилл просто спятил. Да и как не решить.

Я ступил с обочины на шоссе и рысцой пустился вдогонку за остальными к городу.

19

Когда я под утро возвратился из чужого мира, оказалось, что этот мир каким-то непонятным колдовством превратил лиловые цветы, которыми заросла сырая низинка позади моего дома, в маленькие кустики. В темноте я провел пальцами по торчащим во все стороны прутикам и нащупал множество набухших почек. А теперь почки лопнули — и распустились

не листья, а крохотные банковые билеты по пятьдесят долларов!

Лен Стритер, здешний учитель естественной истории, протянул мне один такой билетик.

— Это просто невозможно! — сказал он.

Ну, еще бы! Конечно же, невозможно! Ни один куст в здравом уме и твердой памяти не отрастит вместо листьев банкноты по пятьдесят долларов и вообще какие бы то ни было денежные купюры.

В саду было не протолкаться — сюда набились все, кто на шоссе препирался с сенатором, и еще куча народу. Чуть ли не весь Милвилл сбежался. Толклись вокруг каждого кустика, орали, перекликались в полном восторге. И не диво. Почти никто из наших отродясь не видывал бумажки в пятьдесят долларов, а тут их были тысячи.

— Поглядите-ка повнимательней, — сказал я учителю. — Это и правда настоящие деньги? Вы уверены?

Лен Стритер вытащил из нагрудного кармана маленькую лупу и протянул мне:

— Смотрите сами.

Я посмотрел — спору нет, очень похоже на билет в пятьдесят долларов, хоть я и сам видел такие только раз в жизни — те тридцать штук, что дал мне в конверте Шервуд. Тогда я их особенно не рассматривал, так, глянул мельком — и все. Но в лупу видно было, что бумага у этих билетиков точь-в-точь как у настоящих денег, и все остальное тоже, не отличить — и номер, и серия на месте.

И, разглядывая их в лупу, я понял: они и правда настоящие. Это — как бы поточнее выразиться? — прямое потомство тех денег, которые вытащил у меня Таппер Тайлер.

Я понял, что произошло, и меня взяла горькая досада.

— Очень может быть, — сказал я Стритеру. — С той шайкой все может быть.

— С какой шайкой? Из вашего другого мира?

— Не из моего! — заорал я. — Из вашего! Он такой же ваш, как и мой, он общий для всех людей! Как вдолбить в ваши тупые башки...

Я не договорил. И очень рад, что не договорил.

— Извините, — мягко произнес Лен Стритер. — Я не то хотел сказать.

Тут я увидел Хигги Морриса, он стоял на склоне холма, на полдороге к моему дому, и криком требовал внимания.

— Слушайте все! — взывал он. — Слушайте меня, сограждане!

Толпа начала стихать, а Хигги вопил и вопил, пока наконец все не замолчали.

— Перестаньте рвать эти листья, — заявил он тогда. — Не троньте их, как растут, так пускай и растут.

— Черт возьми, Хигги, мы только сорвали парочку, чтоб получше разглядеть, — возразил Чарли Хаттон.

— Так вот, хватит, — сурово отрезал наш мэр. — Каждый сорванный листок — это пятьдесят долларов пропащих. Дайте срок, они подрастут, сколько надо, и сами опадут, останется только подобрать, и каждый листочек будет нам с вами чистая прибыль.

— А ты откуда знаешь? — пронзительно крикнула мамаша Джоунс.

— Да разве вам не ясно? Эти замечательные кусты отращивают для нас деньги. Надо только не мешать им — пускай делают свое дело.

Он обвел взглядом толпу и вдруг заметил меня.

— Верно я говорю? Брэд?

— Боюсь, что так, — сказал я.

Потому что Таппер стащил у меня полторы тысячи, и Цветы взяли те тридцать билетов за образец для листьев. Я и не глядя могу побиться об заклад: на всех этих кустах, на всех

листьях-банкнотах повторяются одни и те же тридцать порядковых номеров.

— Интересно знать, — заговорил Чарли Хаттон, — как мы их, по-вашему, станем делить? То есть, понятно, когда они дозреют.

— А я, признаться, об этом еще не подумал, — отозвался мэр. — Наверно, это будет наш общий фонд — и станем выдавать нуждающимся, кому сколько надо.

— Несправедливо! — возразил Чарли. — Эдак одни получат больше, другие меньше. А по-моему, надо разделить всем поровну. Всяк получит свою долю и распорядится ею, как знает.

— Что ж, может, и в этом есть резон, — сказал Хигги. — Но только тут нельзя решать наспех. Вот я сегодня же назначу комиссию, она этим займется. У кого есть какие предложения, давайте, мы их обсудим и рассмотрим со всех сторон.

— Уважаемый господин мэр! — тонким голосом выкрикнул Дэниел Виллоуби. — Мне кажется, мы упускаем из виду одно обстоятельство. Что бы мы тут ни говорили, а ведь это не деньги.

— Но они в точности похожи на деньги. Когда листья вырастут, их не отличишь от настоящих.

— Вы правы, они похожи на деньги, — согласился наш банкир. — Такими бумажками очень многих можно будет одурачить. Может быть, даже всех. Может, вообще ни одна душа не догадается, что это не деньги. Но если станет известно, откуда они взялись, как, по-вашему, велика ли им будет цена? Хуже того, станут подозревать, что все деньги, сколько их есть в Милвилле, фальшивые. Если мы можем вырастить бумажки по пятьдесят долларов, отчего бы нам не разводить и десятки, и двадцатки?

— И чего вы расшумелись! — выкрикнул Чарли Хаттон. — Никто ничего и не узнает, только болтать ни к чему.

Будем держать язык за зубами. Все дадим клятву, что никому и полсловечка не скажем.

Толпа одобрительно загудела. Дэниел Виллоуби весь побагровел — того и гляди хватит удар. Одна мысль о такой массе фальшивых денег невыносимо оскорбляла его нежную душу.

— Все это сможет решить моя комиссия, — ласково промолвил наш мэр.

По тому, как он это сказал, стало совершенно ясно, что у него на уме и какое решение примет эта самая комиссия.

— Вот что, Хигги, — вмешался адвокат Николс. — Мы упускаем из виду еще одно обстоятельство. Эти деньги не наши.

Мэр в ярости уставился на него.

— А чьи же?

— Как чьи? Конечно, Брэда. Они выросли на его земле — значит, это его собственность. Ни один суд не решит по-другому.

Все так и застыли. Все взгляды обратились на меня. Я почувствовал себя загнанным кроликом, на которого наставлены сотни ружейных дул.

— Вы в этом твердо уверены? — через силу выговорил Хигги.

— Безусловно, — сказал Николс.

В мертвой тишине десятки пар глаз по-прежнему держали меня на прицеле.

Я осмотрелся — все с вызовом встречали мой взгляд. И никто не говорил ни слова.

Несчастные, слепые, сбитые с толку дураки. Они учуяли одно: деньги у себя в кармане, богатство, о каком никто из них и мечтать не смел. И не понимают, что это — угроза (а быть может, обещание?), с какой стучится к нам чуждое, неведомое племя, добиваясь доступа в наш мир. И откуда им знать, что

из-за этого чужого племени над куполом, которым накрыт наш город, бешеным финалом разнузданных, неукротимых сил готова вспыхнуть слепящая смерть?

— Не нужны мне эти бумажки, мэр, — сказал я.

— Что ж, — отозвался Хигги, — это очень благородно с твоей стороны, Брэд. Надо полагать, люди по достоинству оценят твой поступок.

— Не мешает оценить, черт побери, — сказал адвокат Николс.

И вдруг послышался отчаянный женский крик... еще один... Крики доносились откуда-то сзади, я круто обернулся.

С холма, от дома доктора Фабиана, бежала женщина... впрочем, бежала — не то слово. Она силилась бежать, но только еле-еле ковыляла. Все тело ее корчилось в судорогах непомерного напряжения, она протянула вперед руки, чтобы опереться на них, если упадет, шагнула еще раз — и не удержалась на ногах, покатилась по косогору и наконец обмякла в какой-то выбоинке бесформенной кучей тряпья.

— Майра! — вскрикнул Николс. — Майра, что случилось?!

Это была миссис Фабиан; на зелени травы, в солнечных лучах сверкали до странности яркой белизной ее седые волосы. Она всегда была маленькая, хрупкая — в чем только душа держится, — да еще много лет назад ее скрутил артрит, и теперь страшно и жалко было смотреть на этот несчастный, чуть живой комочек.

Я кинулся к ней, за мной — остальные.

Билл Доневен добежал первым, опустился на колени и взял ее на руки.

— Все хорошо, — уговаривал он, — все обойдется! Поглядите, тут все — ваши друзья.

Миссис Фабиан открыла глаза: казалось, она цела и невредима, но она лежала на руках у Билла, как младенец, и даже

не пробовала шевельнуться. Седые волосы упали ей на лицо. Билл бережно отвел их огромной, неловкой, заскорузлой от черной работы ручищей.

— Доктору плохо, — выговорила наконец миссис Фабиан. — Он без сознания...

— Да он же час назад был жив и здоров! — заспорил Хигги. — Я только час назад с ним говорил.

Миссис Фабиан подождала, пока он замолчит, и повторила:

— Он без сознания, и я не могу привести его в чувство. Он прилег вздремнуть, а теперь его никак не добудиться.

Билл Доневен поднялся, все еще держа ее на руках, как ребенка. Она была такая крохотная, а Билл такой огромный, что казалось — в руках у него кукла, просто кукла с милым сморщенным личиком.

— Помогите ему, — попросила миссис Фабиан. — Он всю свою жизнь вам помогал. А теперь ему самому нужно помочь.

Норма Шепард тронула Доневена за локоть.

— Отнесите ее в дом. Я о ней позабочусь.

— А мой муж? — настойчиво повторила миссис Фабиан. — Кто ему поможет? Вы придумаете, как ему помочь?

— Ну конечно, Майра, — пообещал Хигги. — Мы его без помощи не оставим. Мы ему стольким обязаны. Конечно, мы что-нибудь да придумаем.

С миссис Фабиан на руках Доневен двинулся в гору. Норма Шепард побежала вперед.

— Пойдемте еще кто-нибудь, — предложил Батч Ормсби. — Поглядим, что можно сделать для нашего доктора.

— Ну, что скажешь, Хигги? — спросил Чарли Патрон. — Ты, жирная морда, тут разорялся громче всех. А как ты ему поможешь?

— Кто-то должен же ему помочь! — объявил дядюшка Эндрюс и для пущей выразительности стукнул костылем

оземь. — Сейчас док нужен, как никогда, без него нам пропадать. Так ли, эдак ли, а надо поскорей поставить его на ноги, больше некому лечить наших больных.

— Все, что можно, мы сделаем, — сказал Лен Стритер. — Прежде всего уложим его поудобнее. И вообще в меру нашего разумения о нем позаботимся. Но ведь никто из нас в медицине не смыслит...

— Вот что, — опять заговорил Хигги. — Свяжитесь-ка кто-нибудь по телефону с кем-нибудь из врачей и расскажите им, что к чему. Мы им опишем, что творится с больным, может, тогда они определят, какая это болезнь, и присоветуют, как быть. Норма у нас сестра — ну, хоть без настоящего образования, а все-таки уже года четыре доктору помогает, так что и она сейчас нам опора.

— Да, пожалуй, больше ничего не выдумаешь, — сказал Стритер. — Но только этого мало.

— Слушайте, люди добрые! — громким голосом заявил дядюшка Эндрюс. — Стоять да языки чесать — от этого толку не будет. Надо дело делать, да поживей!

Что и говорить, Стритер прав. Может, ничего больше мы сделать не в силах, но этого слишком мало. Медицина — это не только слова и советы по телефону. А в Милвилле и кроме лежащего без памяти доктора есть больные, и они нуждаются в таком сложном лечении, что он не сумеет им помочь, даже если сам и поднимется на ноги.

Но, пожалуй, тут может помочь еще кое-кто — и если они могут, пусть не пробуют отвертеться, не то я уж как-нибудь да проберусь к ним опять и с корнями повыдергаю их из земли.

Пора уже тому, другому миру раскачаться. Ведь не кто-нибудь, а Цветы втравили нас в беду, так пускай теперь выручают. Они непременно хотят доказать нам, что умеют творить чудеса? Нам нужней другие доказательства, куда более

веские, чем кусты с долларами вместо листьев и прочие дурацкие фокусы.

Можно бы, конечно, позвонить по одному из телефонов, взятых в лачуге у Шкалика, они хранятся в муниципалитете, но, чтоб до них добраться, мне сперва пришлось бы, наверно, проломить башку Хайраму. Нет, новой стычки с Хайрамом я сейчас не жажду.

Я поискал глазами Шервуда — ни его, ни Нэнси не видать. Может, кто-нибудь из них сейчас дома, тогда я смогу позвонить из кабинета Шервуда.

Довольно много народу двинулось к дому доктора Фабиана; я повернулся и пошел в противоположную сторону.

20

Мне долго не отворяли. Я позвонил несколько раз, подождал, потом толкнул дверь — она оказалась не запертой.

Я вошел в дом и затворил за собой дверь. Стук ее утонул в торжественной тишине, что стояла в прихожей и дальше, до самой кухни.

— Есть кто дома? — крикнул я.

Где-то отчаянно зажужжала одинокая муха — верно, застряла, как в западне, между стеклом и занавеской и никак не вырвется. В полукруглое окошко над дверью вливались солнечные лучи — на полу расплескалась узорчатая лужица яркого света.

Мне никто не отозвался, и я прошел через прихожую в кабинет. На массивном письменном столе по-прежнему стоял телефон без диска. Как прежде, поражали сплошные стены книг в дорогих переплетах. На шкафчике с напитками стояли наполовину пустая бутылка виски и невымытый бокал.

По толстому ковру я дошел до стола и придвинул к себе телефон.

Едва я снял трубку, Таппер сказал знакомым голосом делового человека:

— Наконец-то, мистер Картер, как приятно вас слышать! Надеемся, что все идет хорошо. Вы, надо полагать, уже начали предварительные переговоры?

Как будто они сами не знают!

— Я вам не потому звоню, — резко сказал я.

— Но ведь таков был уговор. Мы рассчитываем, что вы выступаете от нашего имени.

От этой вкрадчивой и невозмутимой любезности меня взорвало.

— А вы при этом выставляете меня круглым дураком? Такого уговора не было!

— Мы вас не понимаем, — испуганно и удивленно сказал деловитый голос. — Будьте так добры, поясните свою мысль.

— А «машина времени»?

— Ах, это...

— Да, «ах, это»!

— Но, мистер Картер, если бы мы попросили вас захватить ее с собой, вы решили бы, что мы злоупотребляем вашими услугами. Вероятно, вы бы не согласились.

— А так вы не злоупотребили моими услугами?

— Н-ну, отчасти... Нам была необходима чья-то помощь. Чрезвычайно важно было переправить этот механизм в ваш мир. Как только вы ознакомитесь с нашими планами...

— Плевать мне на ваши планы! — обозлился я. — Вы меня обманули и сами в этом признаетесь. Хорош способ завязывать отношения с другим народом!

— Мы крайне об этом сожалеем. Не о том, что именно сделано, но о том, как сделано. Если мы можем быть чем-либо полезны...

— Очень даже можете. Первым делом прекратите это жульничество с деньгами на кустах.

— Но это же вознаграждение! Мы ведь говорили, что вернем вам полторы тысячи долларов. Мы обещали, что вы получите не полторы тысячи, а гораздо больше...

— Вы когда-нибудь просили ваших чтецов читать вам книги по экономике?

— Ну, разумеется!

— И вы что же, сами долгое время наблюдали за тем, как строится наша экономика?

— В меру своих сил. Иногда понять очень трудно.

— Конечно, вам известно, что деньги растут на кустах.

— Нет, ничего такого нам не известно. Мы только знаем, как они делаются. Но какая разница? Деньги есть деньги, откуда бы они ни исходили, — разве не так?

— Вы глубоко ошибаетесь, — сказал я. — Вам следует получше ознакомиться с этим вопросом.

— Разве наши деньги не годятся?

— Ни черта не стоят ваши деньги.

— Надеемся, что мы никому не причинили вреда, — удрученно промолвили Цветы.

— Деньги — это не так важно, — сказал я. — Есть вещи поважнее. Вы отрезали нас от окружающего мира, а у нас тут есть больные. И на весь город только один врач, несчастный старик, не бог весть какой мастер своего дела. Сейчас он и сам заболел, а другие врачи по вашей милости не могут к нам попасть.

— Вам нужен распорядитель.

— Нам нужно избавиться от барьера, чтобы мы могли, если надо, выбраться из Милвилла, а приезжие могли попасть к нам. Иначе неизбежно умрут люди, которых ничего не стоит спасти.

— Мы пришлем распорядителя, — был ответ. — Сейчас же пришлем. Величайшего знатока. Самого опытного, самого лучшего.

— Насчет распорядителя не знаю. Но нам нужна помощь, да поскорее.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещали Цветы.

Голос умолк, в трубке все заглохло. И вдруг я спохватился, что не спросил о самом главном: для чего им понадобилось перебросить к нам «машину времени»?

Я постучал по рычагу. Положил трубку, снова снял. Стал кричать, звать — все без толку.

Оттолкнув аппарат, я растерянно остановился среди комнаты. Безнадежно, ничего тут не добьешься.

Столько лет они нас изучали — и все равно не понимают ни нас самих, ни того, как устроено наше общество. Они до сих пор не поняли, что деньги — не просто клочок бумаги, а символ. Они даже не задумывались над тем, что может случиться с городом, начисто отрезанным от мира.

Они меня обманули, воспользовавшись мною как слепым орудием, а им следовало бы знать, что никакая иная обида не вызывает такой злости и досады, как обман. Они должны бы это знать, но не знали, а может, и знали, да отмахнулись, как от мелочи, от пустяка, — и это еще хуже!

Я вышел из кабинета в прихожую. И не успел сделать нескольких шагов, как парадная дверь отворилась и вошла Нэнси.

Я остановился у лестницы, ведущей на второй этаж, минуту мы стояли и смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

— Мне надо было позвонить по тому телефону, — выговорил я наконец.

Нэнси кивнула.

— Еще я хотел сказать... мне очень неприятно из-за этой драки с Хайрамом.

— Мне тоже, — она то ли не поняла меня, то ли притворилась, будто не понимает. — Но, мне кажется, ты не мог иначе.

— Он запустил в меня телефоном.

Но, конечно, суть не в телефоне, не только в телефоне. Сколько раз так бывало и раньше, до всяких телефонов.

— Помнишь, в тот вечер ты сказала, что мы выберем время и съездим куда-нибудь — выпьем, поужинаем. Видно, придется с этим подождать. Сейчас из Милвилла никуда не выберешься.

— Да, тогда мы бы начали все сначала.

Я молча кивнул, худо было у меня на душе.

— Я собиралась одеться понаряднее, — продолжала Нэнси, — и мы бы повеселились вовсю.

— Как будто мы опять школьники, — сказал я.

— Брэд...

— Да.

Я шагнул к ней. И вдруг она очутилась в моих объятиях.

— Можно обойтись без выпивки и без ужина, — сказала она. — Нам с тобой это ни к чему.

Да, правда, подумал я, нам это ни к чему.

Я наклонился и поцеловал ее, и обнял крепче, и во всем мире остались только мы двое. Не стало ни плененного, отрезанного городка, ни угрозы чуждого нашествия. Осталось одно, только одно важно: девушка, с которой мы когда-то ходили по улицам, взявшись за руки, и которая ничуть этого не стыдилась.

21

Распорядитель прибыл в тот же день — маленький, сухонький гуманоид, похожий на обезьянку, с живыми, блестящими глазами. С ним явился еще один гуманоид, совсем другого склада — огромный, несуразный и неуклюжий, хмурый, суровый, с лошадиной физиономией. Ни дать ни взять газетная карикатура на дипломата. Сухонький драпировался,

точно в мантию, в какую-то бесформенную и не слишком чистую тряпку; на долговязом были набедренная повязка и что-то вроде жилета с огромными карманами, до отказа набитыми разной разностью.

Все население Милвилла загодя выстроилось на косогоре позади моего дома; бились об заклад, что никакой помощи нам не дождаться. Куда бы я ни двинулся, все переходили на шепот, а то и вовсе умолкали.

А потом появились эти двое — просто неведомо откуда возникли посреди сада.

Я спустился с холма и пошел к ним через сад. Они стояли и ждали, а позади меня, на косогоре, густая толпа затаила дыхание.

Когда я подошел ближе, великан шагнул мне навстречу, сухонький — за ним, чуть поотстав.

— Я недавно говорю по вашему языку, — сказал великан. — Когда непонятно, спрашивайте еще раз.

— Вы очень хорошо говорите, — заверил я.

— Вы — это мистер Картер?

— Совершенно верно. А вы?

— Мое название для вас непонятица, — серьезно сказал он. — Я так решаю, вы меня только зовите мистер Смит.

— Милости просим, мистер Смит, — сказал я. — Все мы вам очень рады. Вы и есть распорядитель, о котором мне говорили?

— Не я. Вот этот. Но у него нет названия, чтобы я вам сказал. Он не говорит звуками. Он слышит и отвечает просто мозгом. Он немножко странный.

— Телепат, — сказал я.

— Да, только понимайте меня верно. Он очень большой ум. И все умеет сразу, скоро. Видите, мы из разных миров. Есть много разных миров, много разных народов. Мы рады принять вас тоже.

— Вас послали к нам как переводчика?

— Переводчика? Не ухватываю значение. Я выучил ваши слова очень скоро от механизма. Имел немного времени. Не удалось поймать все слова.

— Переводчик — это значит, вы говорите за него. Он скажет вам, а вы — нам.

— Так, конечно. И тоже вы скажете мне, а я — ему. Но я переводчик — это не все. Я тоже дипломат, очень сильно обученный.

— То есть?

— Помогать переговорам с вашим народом. Всему помогать изо всех сил. Наверно, очень много объяснять. Делать всякую помощь, что вам нужно.

— Вы сказали, есть много разных миров и много разных народов. Это значит — длинная, непрерывная цепь миров и народов?

— Не в каждом мире есть народ. В некоторых никого нет. Совсем никого живого. В других мирах есть живые, но нет разумных. Еще в других прежде жили разумные, но теперь нет, — он как-то странно повел рукой. — Это очень печально, что случается с разумной жизнью. Она сильно непрочная, она не может оставаться всегда.

— А разумные существа все — гуманоиды?

— Гуманоиды? — неуверенно переспросил великан.

— Ну, такие, как мы. Две руки, две ноги, голова.

— Больше всех гуманоиды, — подтвердил он. — Больше всех — как вы и я.

Сухонький вдруг забеспокоился и стал дергать моего собеседника за жилет. Великан обернулся и замер — воплощенное внимание. Потом вновь повернулся ко мне.

— Очень волнуется, — объяснил он. — Говорит, все здесь больные. Страдает большой жалостью. Никогда не видел столько ужасно больных.

— Да нет же! — воскликнул я. — Он ошибается, больные лежат у себя дома. Тут все здоровые.

— Это не может быть, — сказал мистер Смит. — Он горестно поражен. Может видеть внутри человека, видит — все плохо. Говорит, кто сейчас не больной, очень скоро сделается больной, говорит, внутри у многих болезнь пока спит, может проснуться, у других внутри мусор от прежних болезней, надо выбросить.

— А он может их подправить?

— Не подправить. Полная починка. Тело будет совсем как новое.

Между тем к нам потихоньку придвигался Хигги и за ним еще несколько человек. Большинство оставалось на косогоре, подальше от греха. И понемногу в толпе поднялся глухой говор. Сперва все онемели от изумления, но теперь языки развязались.

— Хигги, — позвал я, — познакомься с мистером Смитом.

— Смотри-ка! — удивился Хигги. — У них такие же имена, как у нас!

Он протянул руку, мистер Смит секунду смотрел на нее с недоумением, потом подал свою, и они обменялись рукопожатием.

— Тот, другой, не может говорить, — объяснил я. — Он телепат.

— Вот жалость! — посочувствовал Хигги. — А который из них врач?

— Маленький, — сказал я. — И еще неизвестно, можно ли назвать его врачом. Похоже, что он чинит людей, они у него получаются как новенькие.

— Ну, — заметил Хигги, — собственно, докторам так и полагается, только это у них не очень выходит.

— Он говорит, мы тут все как есть больные. И хочет всех нас привести в порядок.

— Что ж, очень хорошо, — одобрил Хигги. — Весьма любезно с его стороны. Можно в здании муниципалитета устроить клинику.

— Но ведь по-настоящему у нас больны только доктор Фабиан, Флойд и еще кое-кто. Он пришел лечить их, а не нас.

— Ну что ж, сперва сведем его к ним, пускай он их вылечит, а потом устроим клинику. Раз уж он здесь, мы все попользуемся.

— Если вы придете в соединение со всеми нами, вы можете получать такую услугу, как от него, в каждую надобную вам минуту, — вставил свое слово мистер Смит.

— Про какое соединение он толкует? — спросил Хигги.

— Это чтобы мы впустили на Землю пришельцев и присоединились к другим мирам — их много, и Цветы связали их между собой, — объяснил я.

— А что, в этом есть смысл, — сказал Хигги. — И, наверно, он ничего с нас не возьмет за услуги?

— Как это — возьмет? — спросил Смит.

— Ну — платы, — пояснил Хигги. — Звонкой монеты. Гонорара.

— Эти выражения не постигаю, — сказал Смит. — Но надо все делать скоро, у моего собрата есть пациенты и кроме. Он и коллеги имеют призвание обходить много миров.

— Значит, они — доктора и для других миров? — переспросил я.

— Вы ясно ухватили мое значение.

— Стало быть, время терять не приходится, — сказал Хигги. — Тогда займемся делом. Угодно вам обоим последовать за мной?

— Со рвением! — воскликнул Смит.

И гости вслед за Хигги стали подниматься в гору, потом зашагали по улице. Я побрел было за ними, но тут из моего дома с черного хода выбежал Джо Эванс.

— Брэд! — закричал он. — Тебе звонят из госдепартамента!

Меня вызывал Ньюком.

— Я сейчас нахожусь в Элморе, — сказал он, по своему обыкновению сухо и отрывисто. — Мы здесь вкратце передаем представителям печати то, что вы нам сообщили. Но они требуют встречи с вами, им, видите ли, непременно надо с вами говорить.

— Что ж, я не против. Пускай подойдут к барьеру.

— А я очень против, — с досадой сказал Ньюком, — но они так нажимают, что нет возможности отказать. Я вынужден дать согласие. Полагаюсь на вашу скромность.

— Сделаю что могу, — сказал я.

— Хорошо. Воспрепятствовать не в моих силах. Через два часа. На том же месте, где мы тогда встречались.

— Ладно, — сказал я. — Надеюсь, я могу привести с собой приятеля?

— Можете, — разрешил Ньюком. — И ради всего святого будьте поосторожнее!

22

С понятием пресс-конференции мистер Смит освоился очень легко. Я объяснил ему, в чем тут соль, по дороге к барьеру, где нас ждали журналисты.

— Значит, они — передатчики, — сказал он, еще раз проверяя, так ли понял. — Вы им нечто говорите, а они говорят другим. Переводчики, как я.

— Да, в этом роде.

— Но ваш народ говорит одинаково. Механизм учил меня одному языку только.

— Потому что вам больше и не надо. Но люди на Земле говорят на разных языках. Впрочем, газетчики нужны не

поэтому. Понимаете, весь народ сразу не может собраться и выслушать то, что мы хотим сказать. Поэтому задача репортеров распространять новости.

— Новости?

— То, что мы скажем. Или что скажет еще кто-нибудь. Их дело — сообщать обо всем, что происходит. Где бы что ни случилось, репортеры тут как тут — и сразу сообщают. Держат весь мир в курсе событий.

Смит чуть не пустился в пляс от восторга.

— Как прекрасно! — воскликнул он.

— Что ж тут прекрасного?

— Так изобретательно! Придумать все это! Таким способом один разумный говорит со всеми разумными. Все про него знают. Все слышат, что у него есть сказать.

Вот и барьер, по другую его сторону, на ближайшем клочке шоссе, толпятся репортеры. Цепочка их тянется вправо и влево от полосы асфальта. Мы подходим, а фотографы и кинооператоры без передышки нас снимают.

Наконец мы у самого барьера, с той стороны сразу десятки голосов начинают что-то выкрикивать, но тотчас же кто-то наводит порядок, и тогда заговаривает один:

— Я Джадсон Барнс, от «Ассошиэйтед Пресс». А вы, очевидно, Картер?

— Он самый.

— А кто этот джентльмен, ваш спутник?

— Его зовут Смит, — сказал я.

— Он, видно, прямо с маскарада? — поинтересовался кто-то другой.

— Нет, он — гуманоид с одного из смежных миров. Он будет помогать нам вести переговоры.

— Здравствуйте, сэры, — солидно и дружелюбно промолвил мистер Смит.

Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Нам тут не слышно!

— Есть микрофон, — сказав Барнс. — Вы не возражаете?

— Кидайте сюда, — сказал я.

Барнс бросил микрофон, я подхватил его на лету. Провод протянулся сквозь барьер. Со своего места я видел рупоры, установленные на обочине.

— Пожалуй, можно начинать, — сказал Барнс. — От властей мы, понятно, информацию получили, вам незачем повторять все, что вы им раньше рассказывали. Но есть кое-какие вопросы. И даже много вопросов.

Кверху взметнулась добрая дюжина рук.

— Давайте им слово по одному, — предложил Барнс.

Я кивнул долговязому сухопарому субъекту.

— Благодарю вас, сэр. Калеб Риверс, от «Канзас-Сити стар», — представился он. — Насколько мы понимаем, вы сейчас выступаете от лица — как бы это выразиться? — от лица другого народа, от населения другого мира. Не могли бы вы точнее определить свое положение? Выступаете вы как их официальный представитель, или неофициальный оратор, или своего рода посредник? Этого нам пока никто не разъяснил.

— Я отнюдь не официальное лицо. Вы что-нибудь слыхали про моего отца?

— Да, — сказал Риверс, — нам говорили, что он нашел какие-то цветы и очень заботливо за ними ухаживал. Но согласитесь, мистер Картер, что это, мягко говоря, еще не делает вас пригодным для роли, которую вы сейчас играете.

— Ни для какой я роли не пригоден. Скажу по совести, эти пришельцы вряд ли могли выбрать худшего представителя. Но тут есть два обстоятельства, с которыми волей-неволей надо считаться. Во-первых, кроме меня, никого нет под рукой, я — единственный человек, который побывал в том мире. Во-вторых, и это очень важно, они мыслят не так, как мы, они просто не могут думать по-нашему. То, что с их точки

зрения разумно и логично, с нашей, может быть, просто глупо. И наоборот, наши самые блестящие рассуждения могут им показаться вздором.

— Понимаю, — сказал Риверс. — Но, хотя вы откровенно признаете, что не годитесь на роль дипломата и посредника, вы все же за нее взялись. Не объясните ли нам, почему именно?

— У меня нет другого выхода. Положение таково, что надо попытаться поскорее установить хоть какое-то взаимопонимание между нами и тем народом. Не то начнется хаос, и тогда с ним уже не совладать.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас весь мир напуган, — сказал я. — Нужно как-то объяснить, что же происходит. Нет ничего хуже бессмысленных случайностей, беспричинных страхов, а покуда тот народ считает, что для взаимопонимания что-то делается, они, я думаю, оставят этот барьер как есть и ничего другого не предпримут. Сейчас они, по-моему, ничего нового не затевают. Я надеюсь, что положение хуже не станет, а тем временем, может, мы с ними до чего-нибудь и договоримся.

Мне махали руками другие репортеры, и я дал одному знак говорить.

— Фрэнк Робертс от «Вашингтон пост», — представился он. — У меня вопрос относительно этих переговоров. Насколько я понял, чужаки хотят получить доступ в наш мир, а взамен предлагают нам пользоваться богатым запасом знаний, собранных ими за долгое время.

— Все правильно, — сказал я.

— Для чего им нужно, чтобы мы их к себе пустили?

— Я и сам не вполне понимаю. Видимо, только через нашу Землю они могут двигаться дальше, в другие миры. Похоже, что все эти смежные миры расположены в определенном порядке и надо идти подряд, перескакивать нельзя. Честно

признаюсь, вся эта премудрость мне не по зубам. Сейчас можно сделать только одно: согласиться вести с ними переговоры.

— Кроме общего предложения вступить в переговоры, вам не известны какие-либо конкретные условия?

— Нет. Может, какие-то условия и существуют. Но я их не знаю.

— Однако сейчас у вас есть... ну, скажем, советник. Нельзя ли задать вопрос непосредственно этому вашему мистеру Смиту?

— Вопрос? — встрепенулся Смит. — Принимаю ваш вопрос!

Он явно обрадовался, что и на него обратили внимание. Не без опаски я передал ему микрофон.

— Говорите прямо в эту штуку, — предупредил я его.

— Знаю. Я наблюдал.

— Вы отлично владеете нашим языком, — сказал ему корреспондент «Вашингтон пост».

— Немножко. Механизм учил меня.

— Можете вы что-нибудь прибавить относительно особых условий?

— Не ухватываю, — сказал Смит.

— Есть ли какие-то условия, на которых вы и все народы других миров будете настаивать, прежде чем прийти к соглашению с нами?

— Единственно только одно.

— Какое же?

— Проливаю свет. У вас есть явление, называется война. Очень плохо, конечно, но можно исправить. Рано или поздно народы вырастают из детства и перестают играть войной.

Он помолчал, обвел всех взглядом. Журналисты молча ждали. Наконец кто-то — не корреспондент «Вашингтон пост» — сказал:

— Да, конечно, в войне хорошего мало, но при чем тут...

— Сейчас отвечаю, — сказал Смит. — У вас очень много расщепительного... не отыскиваю слово...

— Расщепляющихся материалов, — подсказал кто-то.

— Совсем верно. Расщепляющиеся материалы. У вас их много. Так один раз было в одном другом мире. Когда мы пришли, уже ничего не осталось. Никого живого. Нигде совсем ничего. Было так печально. Всякая жизнь погублена и кончена. Мы опять устроили там жизнь, но об этом так печально думать. Не должно случиться здесь. Значит, мы необходимо настаиваем: такие расщепляющиеся материалы разделить далеко, в разных местах, в каждом месте немножко.

— Э, постойте-ка! — закричал кто-то из репортеров. — Вы требуете разделить расщепляющиеся материалы. Как я понимаю, вы хотите, чтобы мы рассредоточили запасы, разобрали бомбы и чтобы в одном месте могло храниться лишь самое ничтожное количество. Чтобы нельзя было собрать никакой бомбы, так, что ли?

— Вы очень скоро понимаете, — сказал Смит.

— А откуда вы узнаете, что материалы и вправду рассредоточены? Может, какое-нибудь государство скажет, что оно выполнило ваше условие, а на самом деле все останется как было? Почем знать? Как вы это проверите?

— Будем наблюдать.

— У вас есть способ как-то обнаружить расщепляющиеся материалы?

— Так, совсем правильно, — подтвердил Смит.

— Ну, даже если вы будете знать... скажем так: вы обнаружили, что где-то остались большие количества, не рассредоточенные... и как вы поступите?

— Распустим их в воздух, — скамью Смит. — Очень громко обезвредим.

— Но...

— Мы назначаем окончательное время. Непременно в такой день все запасы разделить. Пришел такой день, и в некотором месте запасы все равно есть, тогда они авто... авто...

— ...автоматически.

— Спасибо, очень добрый. Это самое слово, никак не мог достать. Они автоматически взрываются в воздух.

Настало неловкое молчание. Я понимал, репортеры гадают: может, их провели, разыграли? Может, они просто попались на удочку ловкого мошенника в каком-то дурацком жилете?

— Уже наш механизм совсем точно показывает, где есть все запасы, — небрежно заметил Смит.

— Ах, черт меня подери! — охрипшим от волнения голосом выкрикнул кто-то. — Та летучая машинка времени!

И тут они как с цепи сорвались — наперегонки бросились к своим машинам. Никто нам больше слова не сказал, никто и не подумал с нами попрощаться: они спешили сообщить миру новость.

Ну вот и все, подумал я с горечью. Я был точно выжатый лимон.

Теперь пришельцы вольны нагрянуть к нам, когда им вздумается и как вздумается, человечество будет в восторге. Они не могли бы найти лучшего способа добиться своего — никакие доводы, уговоры, никакие посулы и приманки не принесли бы им такого быстрого и верного успеха. Эта новость вызовет бурю ликования во всем мире, миллионы людей потребуют, чтобы их правительства немедля согласились на это единственное выставленное пришельцами условие, и никто не станет слушать никаких здравых и трезвых советов.

Любое соглашение между нами и пришельцами, если это не пустые слова, а договор, который можно осуществить на деле, непременно должно бы строиться на практической, реальной основе, чтобы были какое-то равновесие и возможность

проверки. Каждая сторона обязуется внести свой вклад — и твердо знает, что, нарушив обязательства, неминуемо должна будет понести определенное наказание. А теперь конец всякому равновесию и всякой проверке, дорога пришельцам открыта. Они предложили то единственное, чего жаждали народы — не правительства, а именно народы, во всяком случае, верили, что жаждут этого превыше всего на свете, — и, конечно, будут этого требовать, и ничем их не остановишь.

И все это обман. Меня обманом заставили пронести на Землю ту машинку, меня прижали к стене, так что поневоле пришлось просить о помощи, — и помощь явилась в лице этого самого Смита, по крайней мере он в ней участвует. И его сообщение о единственном условии пришельцев тоже едва ли не обман. Все это старо как мир. Люди ли, пришельцы ли — все одинаковы. Если чего захочется позарез — добывают правдами и неправдами, не стесняются, тут уж все средства хороши. Где нам с ними тягаться. Они с самого начала умели нас перехитрить, а теперь мы и вовсе выпустили вожжи из рук, и на этом Земле — крышка.

Смит удивленно смотрит вслед убегающим репортерам.

— Что такое?

Будто не понимает. Ох, свернуть бы ему шею...

— Идем, — сказал я. — Отведу вас в муниципалитет. Ваш приятель сейчас там лечит людей.

— Но почему так бегут? Почему так кричат? Какая причина?

— Еще спрашивает! — сказал я. — Вы же сами заварили эту кашу.

23

Я вернулся домой — и застал там Нэнси, она ждала меня, сидя на крыльце. Она вся сжалась, затаилась, одна против

всего мира. Я увидал ее издали и ускорил шаг, никогда в жизни я так ей не радовался. Во мне все смешалось: и радость, и смирение, и такая нахлынула безмерная, еще ни разу не испытанная нежность, что я едва не задохнулся.

Бедная девочка! Нелегко ей. Дня не прошло, как она вернулась домой, и вдруг в ее родном доме, в том Милвилле, какой она помнила и любила, все полетело в тартарары.

Из сада, где, наверно, все еще росли на кустиках крохотные пятидесятидолларовые бумажки, донесся крик. Я отворил калитку, услыхал этот яростный вопль да так и застыл.

Нэнси подняла голову и увидела меня.

— Это ничего, Брэд, — успокоила она. — Это просто Хайрам. Хигги велел ему сторожить деньги. А в сад все время лезут ребятишки, знаешь, мелюзга лет по восемь, по десять. Им только хочется сосчитать, сколько денег на каждом кусте. Они ничего плохого не делают. А Хайрам все равно их гоняет. Знаешь, иногда мне его жалко.

— Хайрама жалко? — изумился я. Вот уж не ждал: по-моему, можно пожалеть кого угодно, только не Хайрама. — Да он же просто болван и гад.

— Но этот болван и гад что-то хочет доказать всему свету, а что — и сам не знает.

— Что у него силы, как у быка...

— Нет, — сказала Нэнси, — совсем не в том суть.

Из сада во весь дух выбежали два мальчугана и мигом скрылись в конце улицы. Хайрама не было видно. И вопли затихли. Он свое дело сделал: прогнал мальчишек.

Я сел на ступеньку рядом с Нэнси.

— Брэд, — сказала она. — Все очень нехорошо. Все идет как-то не так.

Я только головой мотнул: конечно, она права.

— Я была в муниципалитете, — продолжала Нэнси. — Там это ужасное существо, эта сморщенная обезьяна всех лечит.

Папа тоже там. Помогает. А я просто не могла оставаться. Это невыносимо.

— Ну что уж тут такого плохого? Этот... это существо — называй как хочешь — вылечило нашего дока Фабиана. Док опять на ногах, бодрый, будто заново родился. И у Флойда Колдуэлла больше не болит сердце, и...

Ее передернуло.

— Вот это и ужасно. Они все как будто заново родились. Стали крепче и здоровей, чем когда-либо. Он их не лечит, Брэд, он их чинит, как машины. Колдовство какое-то. Даже непристойно. Какой-то сухой, морщинистый карлик оглядывает людей, не говоря ни слова, просто обходит кругом и оглядывает со всех сторон, и совершенно ясно, что он их не снаружи осматривает, а заглядывает в самое нутро. Я это чувствую. Не знаю как, но чувствую. Как будто он залезает к нам внутрь и... — она вдруг оборвала на полуслове. — Ты меня прости. Напрасно я так говорю. Это даже как-то не очень прилично.

— Вообще наше положение не очень приличное, — сказал я. — Пожалуй, придется менять свои понятия о том, что прилично, а что неприлично. Пожалуй, очень многое придется менять и самим меняться. И это будет не слишком приятно.

— Ты говоришь так, как будто все уже решено.

— Боюсь, что так оно и есть.

И я повторил ей то, что Смит сказал репортерам. На душе немного полегчало. Больше я ни с кем не мог бы поделиться. Слишком угнетало ощущение собственной вины, всякому другому, кроме Нэнси, я постыдился бы хоть словом обмолвиться.

— Зато теперь не бывать войне, — сказала Нэнси. — Во всяком случае, такой войне, какой все на свете боялись.

— Да, войне не бывать, — меня это почему-то не очень утешало. — Но с нами может случиться что-нибудь еще похуже войны.

— Хуже войны ничего не может быть.

Ну конечно, так будут говорить все и каждый. Может быть, они и правы. Но теперь на нашу Землю явятся пришельцы — и, раз уж мы это допустили, мы в их власти. Они нас провели, и нам нечем защищаться. Цветам довольно к нам проникнуть — и они могут вытеснить, подменить собою все растения на всей Земле, а мы и знать ничего не будем, не в наших силах это обнаружить. Стоит их впустить — и мы уже никогда ничего не будем знать наверняка. А с той минуты, как они заменят наши растения, они наши хозяева и повелители. Ибо весь животный мир на Земле, в том числе и человек, существует только благодаря земным растениям.

— Одного не пойму, — сказал я. — Ведь они могли всем завладеть и без нашего ведома. Немного времени, немного терпения — и они все равно захватили бы всю Землю, а мы бы ничего и не подозревали. Ведь некоторые уже попали в Милвилл, пустили здесь корни. Им необязательно оставаться цветами. Они могут обратиться во что угодно. За сто лет они подменили бы собой каждую ветку и листок, каждую травинку...

— Может быть, тут важно время, какой-то срок, — сказала Нэнси. — Может быть, им почему-то нельзя ждать так долго.

Я покачал головой.

— Времени у них вдоволь. А захотят — так добудут еще, они умеют им управлять.

— Ну а если им что-то нужно от людей? Вдруг у нас есть что-то такое, чего им не хватает? Общество, состоящее из растений, само по себе ровно ничего не может. Они не передвигаются, и у них нет рук. Накопить бездну знаний — это они могут, и мыслить, и обдумывать, строить любые планы. А вот осуществить эти планы и замыслы им не под силу. Для этого им нужны товарищи и помощники.

— Помощники у них и сейчас есть, — напомнил я. — Сколько угодно. Кто-то смастерил же для них ту машинку —

«машину времени». А доктор, похожий на обезьянку? А верзила Смит? Нет, помощников и сотрудников Цветам хватает. Тут кроется что-то другое.

— Может быть, жители тех миров — обезьянки, великаны — не то, что им нужно, — сказала Нэнси. — Может, они переходят из одного мира в другой потому, что ищут какое-то другое человечество. Самое подходящее для них. Ищут подходящих товарищей и сотрудников. Вдруг мы и есть самые подходящие.

— Наверно, все другие оказались недостаточно злыми и подлыми, — вырвалось у меня. — Возможно, они ищут злобное племя, племя убийц. А мы и есть убийцы. Может, им нужны такие, чтоб набрасывались, как бешеные, на новые миры и всюду несли разорение и гибель, — беспощадное племя, свирепое, ужасное. Ведь если вдуматься, мы ужасны. Наверно, Цветы так и рассчитали, что, если они объединятся с нами, их уже никто и ничто не остановит. Вероятно, они правы. У них — богатейшие запасы знаний, могущественный разум, а у нас — понимание физических законов, чутье ко всякой технике: если все это объединить, для них и для нас не останется ничего невозможного.

— А по-моему, совсем не в том дело. Что с тобой, Брэд? С самого начала мне казалось, что эти Цветы, на твой взгляд, не так уж плохи.

— Может, они и не плохи. Но они столько раз меня обманывали, и каждый раз я попадался на удочку. По их милости я — пешка, козел отпущения.

— Так вот что тебя точит.

— Я себя чувствую последним мерзавцем, — признался я.

Мы еще посидели молча. Улица лежала тихая, пустынная. За все время, пока мы сидели вот так рядом на крыльце, мимо ни разу никто не прошел.

— Не понимаю, как люди могут обращаться к этому чужому доктору, — вновь заговорила Нэнси. — Меня от одного его вида жуть берет. Кто его знает...

— Мало ли народу верит знахарям и шарлатанам, — сказал я.

— Но это не шарлатанство. Он и вправду вылечил доктора Фабиана и всех остальных. Я совсем не думаю, что он жулик, только он страшный, отвратительный.

— Может быть, мы ему тоже страшны и отвратительны.

— Тут еще другое. Слишком непривычно он действует. Никаких лекарств, инструментов, никакой терапии. Он просто смотрит на тебя, влезает в самое нутро — безо всякого зонда, но все равно ты это чувствуешь, — и пожалуйста, ты совершенно здоров... не просто вылечился от болезни, а вообще совершенно здоров. Но если он так легко справляется с нашим телом, как насчет духа? Вдруг он может перекроить и наши души, весь строй наших мыслей?

— Некоторым гражданам города Милвилла это было бы совсем не вредно. Хигги Моррису, например.

— Не шути этим, Брэд, — резко сказала Нэнси.

— Ладно. Не буду.

— Ты так говоришь просто, чтобы отогнать страх.

— А ты говоришь об этом так серьезно, потому что стараешься сделать вид, будто все очень просто и обыкновенно.

Нэнси кивнула.

— Только я зря стараюсь, — призналась она. — Совсем это все не просто и не обыкновенно.

Она поднялась.

— Проводи меня.

И я проводил ее до дому.

24

Когда стало смеркаться, я пошел к центру города. Сам не знаю, чего меня туда потянуло. Должно быть, просто я не находил себе места. Слишком большой и слишком пустой у меня

дом — никогда еще он не был так пуст, — и слишком тихо все по соседству. Ни звука, лишь изредка, урывками, откуда-то донесется неестественно громкий, механически усиленный голос — то взволнованный, то наставительный. Во всем Милвилле наверняка нет такого дома, где не слушали бы сейчас последних известий по радио или по телевидению.

Но когда я включил было у себя в гостиной телевизор и попробовал смотреть и слушать, мне стало совсем невмоготу.

Комментатор — один из самых популярных — разглагольствовал с необычайным хладнокровием и уверенностью:

«...никакой возможности проверить, действительно ли приспособление, которое сейчас вращается в нашем небе, в состоянии сыграть роль, для которой, как уверяет наш гость из другого мира, мистер Смит, оно предназначено. Оно многократно было замечено радарными установками и всякими наблюдательными пунктами, но похоже, что, по тем или иным причинам, они сразу же теряют его из виду; были также сообщения, и как будто вполне достоверные, о случаях визуального наблюдения. Но более точных и определенных сведений пока получить не удалось.

В Вашингтоне, очевидно, полагают, что неизвестному существу — а нам ничего не известно ни о его личности, ни о расовой принадлежности — едва ли можно просто поверить на слово. Видимо, сегодня в столице ждут дополнительных заявлений, исходя из которых возможно будет прийти к более обоснованным выводам, и лишь после этого, вероятно, будет обнародовано какое-либо официальное сообщение.

Такова, разумеется, версия для широкой публики: что делается за кулисами, можно только догадываться. И смело можно сказать, что то же самое происходит во всех столицах на всем земном шаре.

Совсем иное настроение царит вне правительственных сфер. Новость повсеместно вызвала бурю восторга. В Лондоне стихийно возникли манифестации, по улицам движутся веселые, праздничные шествия; Красная площадь в Москве заполнена шумной, ликующей толпой. Как только новость распространилась, во всех странах в церкви и храмы начал стекаться народ, спеша вознести благодарственные молитвы.

В народных массах не чувствуется ни малейших сомнений и колебаний. Как у нас, в Соединенных Штатах, так и в Англии, во Франции, да и во всем мире, простые люди приняли странное заявление пришельцев за чистую монету. Потому ли, что человеку свойственно верить в то, во что хочется поверить, или по каким-то иным причинам, но факт остается фактом: недоверие, которым не далее как сегодня утром встретила новость широкая публика, рассеялось с поразительной быстротой.

По-видимому, общественное мнение отнюдь не склонно учитывать какие-либо привходящие обстоятельства и предполагаемые осложнения. Перед вестью о том, что отныне ядерная война невозможна, все остальное стало мелким и ничтожным. Это лишь показывает, в каком молчаливом, быть может, подсознательном, но страшном и тягостном напряжении жило до сего дня человечество...»

Я выключил телевизор и пошел бродить по дому; быстро темнело, шаги мои непривычно гулко отдавались в пустынных комнатах.

Хорошо этому благодушному, самодовольному комментатору сидеть где-то там, за тысячу миль, в ярко освещенной студии и, по-актерски играя отлично поставленным голосом,

неторопливо рассуждать о том, что происходит. Хорошо им всем, всем, кроме меня, даже здесь, в Милвилле, сидеть и слушать его рассуждения. А я не могу слушать... просто выдержать не могу.

Отчего я терзаюсь, виноват я, что ли? Может, и виноват, ведь не кто-нибудь, а я принес на Землю ту машинку, не кто-нибудь, а я привел Смита на пресс-конференцию у барьера. Я свалял дурака — ох, какого же я свалял дурака! — и мне чудится, что всему свету это известно.

А может, после разговора с Нэнси в глубине души у меня зреет уверенность, что есть какая-то малость, какой-то пустяк, случайность, неясное побуждение или мелкое обстоятельство, которое я прозевал, которое никому из нас не удается заметить и понять, — и если бы только уловить эту крупицу истины, все разом станет просто и ясно, и в надвигающейся перемене мы увидим некий смысл?

Я искал эту неизвестную величину, туза, который нежданно обернется козырным, неприметную малость, которую все мы проглядели и которая, однако, сулит последствия необычайной важности, — искал и не находил.

А может быть, я все-таки ошибаюсь. Может быть, ее и нет, этой спасительной неизвестной величины. Просто мы попали в капкан, и обречены, и надеяться не на что.

Я вышел из дому и побрел по улице. Идти никуда не хочется, но надо: может, от ходьбы, от вечерней свежести прояснится голова.

За полквартала от дома я услыхал постукивание. Оно как будто приближалось, а вскоре я различил какой-то белый ореол, который словно бы подскакивал в такт этому мерному стуку. Я остановился и смотрел, не понимая, а постукивание и вздрагивающий белый круг все приближались. Еще минута — и я понял: навстречу, в ореоле снежно-белых волос, шла миссис Тайлер, опираясь на неизменную палку.

— Добрый вечер, миссис Тайлер, — сказал я как мог тихо и ласково, чтоб не испугать старуху.

Она остановилась, повернулась ко мне.

— Это Брэдшоу, да? Я плохо вижу, но я узнала тебя по голосу.

— Да, это я. Поздно вы гуляете, миссис Тайлер.

— Я шла к тебе, да только прошла мимо твоего дома. Забывчива стала, вот и прошла мимо. А потом вспомнила и повернула обратно.

— Что я могу для вас сделать?

— Так ведь все говорят, ты видел Таппера. Даже погостил у него.

— Это верно, — признался я.

Меня даже в пот бросило, я со страхом ждал следующего вопроса.

Она придвинулась ближе, закинула голову, всмотрелась мне в лицо.

— А правда, что у него там хорошая служба?

— Да, — сказал я, — очень хорошая.

— И начальство ему доверяет?

— Да, так я понял. Я бы сказал, ему доверен немаловажный пост.

— Он что-нибудь говорил обо мне?

— Да, — солгал я. — Он про вас спрашивал. Сказал, что все хотел вам написать, да уж очень занят.

— Бедный мальчик, он всегда был не мастер писать. А выглядит он хорошо?

— Очень хорошо.

— Я понимаю, он на дипломатической службе. Кто бы подумал, что он станет дипломатом. По совести сказать, неспокойно мне за него было. И понапрасну беспокоилась, глупая старуха, — ведь правда?

— Да, конечно, — сказал я. — Он вполне преуспевает.

— А когда он собирается домой, не говорил?

— Пока не собирается. По-видимому, он очень занят.

— Ну что ж, — весело сказала миссис Тайлер. — Теперь мне незачем его искать. Можно и отдохнуть. Не надо выбегать каждый час на улицу смотреть, не идет ли он.

Она повернулась и пошла было прочь.

— Миссис Тайлер, — сказал я, — позвольте, я вас провожу. Становится темно.

— Да что ты! — возразила она. — Зачем меня провожать? Я ничего не боюсь. Раз я знаю, что Таппер жив и здоров и хорошо устроился, мне теперь ничего не страшно.

Я стоял и смотрел ей вслед, белый ореол ее волос мелькал в темноте, постукивала палка; длинной, извилистой тропой брела она в мире своих грез.

Что ж, так лучше. Хорошо, что она может из грубой реальности создать для себя что-то причудливое и отрадное.

Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом и стук палки не заглох в отдалении, потом повернулся и пошел в город.

В торговом квартале горели фонари, но огни в магазинах уже погасли — тревожный знак, ведь обычно почти все они торгуют до девяти. А сейчас даже «Веселая берлога» и кинотеатр — и те закрыты.

В муниципалитете горел свет, у входа слонялись несколько человек. Видно, прием больных подходит к концу. Любопытно, что думает обо всем этом доктор Фабиан. Уж наверно, старика возмущает и ужасает такое неслыханное врачевание, хоть оно его же первого исцелило.

Поглядел я, поглядел, засунул руки глубоко в карманы и поплелся по улице, сам не зная куда и зачем. Что делать, куда девать себя в такой вот вечер? Сидеть дома, уставясь на мерцающий экран телевизора? Уединиться с бутылкой и медленно, но верно напиваться? Отыскать приятеля или соседа, охочего

до пустопорожних разговоров, и судить и рядить с ним все о том же, толочь воду в ступе? Или просто забиться в угол потемнее и покорно ждать, что будет дальше?

Я добрел до перекрестка; на улице, что уходила вправо, горел на тротуаре яркий прямоугольник: из какой-то витрины падал свет. Что за притча? А, понятно, это редакция нашей «Трибюн», должно быть, там сидит Джо Эванс и разговаривает по телефону; наверно, ему звонят из «Ассошиэйтед Пресс» или из «Нью-Йорк таймс» и других газет и требуют самых наиновейших новостей. У Джо сейчас хлопот по горло, мешать ему не надо, но, может, он не будет против, если я на минутку загляну.

Джо и впрямь говорил по телефону, он сгорбился за письменным столом, прижимая трубку к уху. Закрывая за собою дверь, я легонько стукнул ею, Эванс поднял голову и увидел меня.

— Одну минуту, — сказал он в трубку и протянул ее мне.

— Джо, что стряслось? — спросил я.

Потому что явно что-то стряслось. Лицо у Джо было ошеломленное, он уставился на меня расширенными, невидящими глазами. На лбу проступали капельки пота и скатывались до бровей.

— Это Элф, — еле выговорил он непослушными губами.

— Элф, — сказал я в трубку, все еще не сводя глаз с Джо Эванса.

Лицо у Джо такое, словно его только что ударили по голове чем-то большим и очень тяжелым.

— Брэд! — закричал Элф. — Брэд, это ты?

— Ну да, я.

— Где ж ты был? Я сколько времени тебя разыскиваю. Звонил по телефону — никто не подходит...

— А что случилось, Элф? Ты, главное, не волнуйся.

— Ладно, постараюсь не волноваться. Постараюсь поспокойнее.

Очень мне не понравился его тон. Сразу слышно — человек здорово напуган и пытается подавить страх.

— Ну, рассказывай, — поторопил я.

— Насилу добрался до Элмора. Дороги забиты — жуть! Ты сроду такого не видал, что тут творится на дорогах. Всюду военные патрули, заставы...

— Но ты все-таки добрался. Ты мне и раньше говорил, что едешь в Элмор.

— Ну да, все-таки добрался. По радио услыхал про ту делегацию, которая ездила разговаривать с тобой. Сенатор, генерал и прочие. А когда попал в Элмор, слышу, они остановились в этой... как ее, черт... в «Кукурузе», что ли... забыл, как называется. В общем, я подумал — не мешает им знать, что делается у нас в штате Миссисипи. Может, тогда они лучше разберутся, что к чему. И пошел в эту самую гостиницу к сенатору... думал, сумею с ним поговорить. А там сумасшедший дом. Народу кругом — не протолкнешься, полиция сбилась с ног, старается навести порядок. Репортеров — туча, кто с блокнотом, кто с микрофоном, кто с телекамерой... в общем, к сенатору я так и не пробился. Но с одним человеком я все-таки поговорил. В газетах были фотографии, и я его узнал. Дэйвенпорт его фамилия.

— Биолог, — сказал я.

— Ну да. Ученый. Я припер его к стенке и объясняю — мне, мол, непременно надо видеть сенатора. Толку от него было чуть. По-моему, он даже не слыхал, что я ему говорил. Смотрю, он какой-то перевернутый, белый как полотно, и пот с него ручьями. Может, вам нездоровится, спрашиваю, может, я могу вам чем-нибудь помочь? Тут он мне все и выложил. Наверно, у него просто с языка сорвалось. Может, он после и пожалел, что проболтался. Но он был до черта зол, вот и не стерпел, в ту минуту ему было на все наплевать. Понимаешь, он был прямо вне себя. В жизни я такого не видал.

Вцепился в меня, держит за отвороты пиджака, придвинулся нос к носу, спешит, захлебывается словами, чуть ли не пена изо рта. Если б его совсем не перевернуло, он бы нипочем ни стал так разговаривать, не такой он человек.

— Ну что ты тянешь! — взмолился я. — Объясни толком!

— Да, я забыл сказать: тут как раз объявили про летающее блюдце, которое ты с собой приволок. Радио только о том и трещит. Как эта штука выслеживает запасы урана и прочего. Ну вот, я стал говорить этому биологу, для чего мне надо повидать сенатора, и про лабораторию в Гринбрайере. Вот тутто он и вцепился в меня, чтобы я не удрал, и давай выкладывать. Мол, это условие, которое выставили пришельцы, чтоб мы раскидали ядерные завесы, — это гроб, хуже некуда. Мол, Пентагон решил, что эти пришельцы нам угрожают и надо их остановить.

— Элф... — пролепетал я.

У меня подкосились ноги, я уже понимал, что будет дальше.

— Мол, надо их остановить, пока они не захватили большей территории, а для этого есть только одно средство — сбросить на Милвилл водородную бомбу.

Элф задохнулся и умолк.

Я молчал. Просто не мог выговорить ни слова, будто меня расшиб паралич. Мне вспомнилось, какое лицо было у генерала во время нашего разговора нынче утром и как сенатор сказал мне: «Мы вынуждены на вас положиться, друг мой. Мы в ваших руках».

— Брэд! — с тревогой позвал Элф. — Алло, Брэд! Ты слушаешь?

— Да, — сказал я, — слушаю.

— Дэйвенпорт сказал — как бы из-за этого нового способа выслеживать ядерные запасы военная братия не кинулась нажимать кнопки... мол, они сообразят только, что надо

действовать поскорей, а то никакого оружия не останется. Он сказал — это все равно как будто идет человек с ружьем в руках, а навстречу дикий зверь. Без крайности убивать зверя неохота, а может, зверь еще вильнет в сторону и стрелять не придется. Ну а, допустим, человек знает, что через две минуты останется без ружья: оно рассыплется, пропадет, мало ли... тогда волей-неволей пойдешь на риск и выстрелишь, пока ружье еще не пропало. Придется убить зверя, пока ружье еще у тебя в руках.

— Значит, теперь Милвилл и есть дикий зверь, — сказал я ровным голосом, я и не думал, что сумею говорить так спокойно.

— Не Милвилл, Брэд. Просто...

— Ну конечно, не Милвилл. Ты это скажи людям, когда на них сбросят бомбу.

— Этот Дэйвенпорт прямо не в себе. Он не имел права мне ничего говорить...

— А по-твоему, он точно все знает? Утром они с генералом крепко поспорили.

— По-моему, он знает куда больше, чем успел мне сказать. Он говорил минуты две, а потом прикусил язык. Видно, спохватился, что не имеет права болтать. Но он вот на чем помешался. Он думает, военных может остановить только одно: гласность. Общественное мнение. Мол, если про этот их план узнает много народу, поднимется такая буря, что они не посмеют ничего сделать. Во-первых, люди возмутятся: это же гнусное, хладнокровное убийство, а главное, все рады пришельцам — тут кому угодно обрадуешься, лишь бы они покончили с этой проклятой бомбой. Ну, и твой биолог хочет раскрыть секрет. Он так прямо не сказал, но, видно, он о том и хлопочет. Я уверен, он подкинет эту новость кому-нибудь из газетчиков.

У меня все перевернулось внутри, задрожали колени. Я прижался покрепче к столу, чтобы не упасть.

— Это безумие, весь Милвилл сорвется с цепи. Я же утром просил генерала...

— Как — просил генерала! Черт подери, неужели ты знал?!

— Конечно, знал. То есть не знал, что они на это пойдут. Просто — что есть у них такая мысль.

— И ты никому ни слова не сказал?!

— А кому говорить? Чего бы я добился? И потом, это ж не было твердо решено. Так — предположение... на самый крайний случай. Погубить триста человек, зато спасти три миллиарда...

— А ты сам?! И все твои друзья?!

— Ну а что было делать, Элф. Что бы ты сделал на моем месте? Раззвонил бы по всему Милвиллу — и чтоб все посходили с ума?

— Не знаю, — сказал Элф. — Сам не знаю, что бы я сделал.

— Слушай, Элф, а сенатор сейчас где? В гостинице?

— Думаю, там. Ты хочешь ему позвонить, Брэд?

— Не знаю, будет ли толк. Но, может, стоит попробовать.

— Тогда я кладу трубку. Вот что, Брэд...

— Да?

— Счастливо тебе... То есть... о, черт! Просто — желаю успеха!

— Спасибо, Элф.

В трубке щелкнуло — он дал отбой, теперь я слышал только гудение. У меня так затряслись руки, что я и не пытался опустить трубку на рычаг, а осторожно положил ее прямо на стол.

Джо Эванс смотрел на меня в упор.

— Так ты знал, — сказал он. — Все время знал.

Я покачал головой.

— Что они на это пойдут — не знал. Генерал обмолвился об этом как о последнем средстве, на самый крайний случай. И Дэйвенпорт на него накинулся...

Я не договорил, я уже и не помнил, что хотел сказать. Слова теряли всякий смысл. Джо все не сводил с меня глаз. И вдруг меня взорвало.

— Не мог я никому сказать, черт возьми! — заорал я. — Я попросил генерала, если уж ему придется на это пойти, так чтоб без предупреждения. Чтоб нам ничего не знать заранее. Просто вспышка — и все, мы бы, наверно, ее и не увидели. Ну, погибли бы, но одна смерть куда ни шло. А так умираешь тысячу раз...

Джо взялся за телефон.

— Попробую дозвониться до сенатора, — сказал он.

Я сел.

Пусто внутри. Точно меня выпотрошили. Джо говорит по телефону, а я не разбираю слов, будто на несколько минут создал отдельный крохотный мирок для себя одного (видно, в обычном мире, среди людей, мне уже нет места) и укрылся в нем, как укрываешься с головой одеялом.

Худо мне, тошно, и зол я, и мысли путаются.

...Джо мне что-то говорил, а я даже не замечал этого, только под самый конец спохватился:

— Что? Что такое?

— Я заказал междугородный разговор. Нас соединят.

Я кивнул.

— Я объяснил, что дело очень важное.

— Не знаю... — сказал я.

— То есть как? Конечно же, это...

— Не знаю, что тут может поправить сенатор. Не знаю, что изменится, если мы с ним и поговорим — я, ты, кто угодно.

— Сенатор Гиббс — человек влиятельный, — сказал Джо. — И он очень любит это показывать.

Некоторое время мы сидели молча и ждали звонка. Что скажет сенатор? Что он знает о нашей судьбе?

— А как быть, если никто за нас не вступится? Если никто не станет за нас драться? — вновь заговорил Джо.

— Ну а что мы можем? Бежать — и то нельзя. Никуда не денешься. Сиди и жди, пока в тебя трахнут, — очень удобная мишень.

— Когда в Милвилле узнают...

— Узнают из последних известий, как только это просочится. Если просочится. Телевидение и радио мигом сообщат, а все милвиллцы прилипли к приемникам.

— Может, кто-нибудь нажмет на Дэйвенпорта и заставит его прикусить язык.

Я покачал головой.

— Утром он был зол как черт. Так и накинулся на генерала.

А кто из них был прав? Да разве за такой короткий срок разберешься, кто прав, а кто нет?

Издавна люди воевали с вредными жучками и саранчой, со всевозможными врагами урожая, со всякими сорняками. Воевали, как могли. Истребляли и уничтожали, как могли. Приходилось всегда быть настороже, чуть зазевался — и сорные травы тебя одолеют. Разрастутся в каждом углу, под заборами, среди живых изгородей, на пустырях. Они нигде не пропадут. В засуху гибнут злаки, чахнет кукуруза, а сорные травы, упорные и выносливые, знай растут и зеленеют.

И вот появляется новая вредоносная трава, выходец из иного времени; быть может, она способна не только заглушить, вытеснить пшеницу с кукурузой, но и уничтожить человечество. Если так, остается одно: воевать с нею, бороться всеми средствами, как с любым зловредным сорняком. Ну а если это не простой сорняк, а особенный, на редкость живучий? Если он отлично изучил и людей, и растения — и эти познания и способность применяться к любым условиям помогают ему выжить, как бы ожесточенно ни боролись с ним люди? Если его ничем другим не возьмешь, кроме высокой радиоактивности?

Ведь именно так решена была задача, поставленная в той странной лаборатории в штате Миссисипи.

И если задача решается так, Цветы могут сделать только один, самый простой вывод. Избавиться от угрозы радиации. А попутно завоевать благодарность и любовь человечества.

Допустим, все так и есть. Тогда прав Пентагон.

Раздался звонок. Джо снял трубку, протянул мне.

Язык не слушался, губы одеревенели. С трудом я выталкивал из себя жесткие, отрывочные слова:

— Алло. Слушаю. Это сенатор?

— Да.

— Говорит Брэдшоу Картер. Из Милвилла. Мы сегодня утром разговаривали. У барьера.

— Ну конечно, я помню, мистер Картер. Чем могу быть вам полезен?

— Дошел слух...

— Распространилось множество разных слухов, Картер. До меня тоже их доходит немало.

— ...что на Милвилл сбросят бомбу. Сегодня утром генерал Биллингс сказал...

— Да, — не в меру спокойным тоном произнес сенатор, — я тоже это слышал и был весьма встревожен. Но никаких подтверждений не последовало. Это всего лишь слухи.

— Попробуйте встать на мое место, сенатор. Вам неприятно это слышать — и только. А нас это кровно касается.

— Понимаю, — сказал сенатор.

Я так и слышал, как он мысленно спорит сам с собой.

— Скажите мне правду, — настаивал я. — Решается наша судьба.

— Да, да, — сказал сенатор. — Вы имеете право знать. Этого я не отрицаю.

— Так что же происходит?

— Достоверно известно только одно. Между атомными державами ведутся совещания на самом высоком уровне. Это условие пришельцев, знаете, для всех — гром среди ясного

неба. Разумеется, совещания эти совершенно секретные. И вы, конечно, понимаете...

— Ну, ясно, — сказал я. — Обещаю вам...

— Да нет, не о том речь. Еще до утра газеты наверняка что-нибудь пронюхают. Но мне все это очень не нравится. Похоже, что там пытаются прийти к какому-то соглашению. Учитывая настроения широких масс, я весьма опасаюсь...

— Ох, пожалуйста, сенатор, только без политики!

— Прошу извинить. Я не то имел в виду. Не стану от вас скрывать, я крайне обеспокоен. Я стараюсь собрать самые достоверные сведения.

— Значит, положение критическое.

— Если этот барьер сдвинется еще хотя бы на фут или случится еще что-либо непредвиденное, не исключено, что мы предпримем какие-то шаги в одностороннем порядке. Военные всегда могут заявить, что они действовали в интересах всего человечества, спасали мир от вторжения чуждых сил. Они могут также заявить, что располагают сведениями, которых больше ни у кого нет. Могут объявить эти сведения совершенно секретными и откажутся их огласить. Опубликуют какую-нибудь подходящую версию, а когда дело будет сделано, преспокойно подождут, пока пройдет время и все уляжется. Конечно, скандал будет страшный, но они это перенесут.

— А вы сами что думаете? Чья возьмет?

— Понятия не имею! — сказал сенатор. — Мне не хватает фактов. Я не знаю, что думают в Пентагоне. Не знаю, какие факты есть у них. Не знаю, что представители генерального штаба сказали президенту. Совершенно неизвестно, как поведут себя Англия, Россия, Франция.

На минуту в трубке стало тихо и пусто. Потом сенатор спросил:

— Не можете ли вы там, в Милвилле, со своей стороны что-либо предпринять?

— Можем обратиться с воззванием, — сказал я. — Ко всем, широко. Через газеты, по радио...

Мне показалос, я вижу, как он качает головой.

— Это не поможет, — сказал он. — Ведь никому не известно, что происходит у вас, за барьером. Может быть, вы попали под влияние пришельцев. И, спасая себя, готовы погубить все человечество. Конечно, газеты и радио ухватятся за ваше воззвание, поднимут шум, раздуют сенсацию. Но это ни в какой мере не повлияет на решение официальных кругов. Только взбудоражит людей, повсюду в народе еще сильней разгорятся страсти. А волнений сейчас и без того хватает. Нам нужно другое: какие-то бесспорные факты и хоть капля здравого смысла.

Он попросту боится, что мы спутаем все карты, вот в чем суть. Хочет, чтоб все было шито-крыто.

— И притом, нет достаточно веских доказательств... — продолжал сенатор.

— А вот Дэйвенпорт думает, что есть.

— Вы говорили с Дэйвенпортом?

— Нет, не говорил, — со спокойной совестью ответил я.

— Дэйвенпорт в таких вещах не разбирается. Он — ученый, привык к уединению, вне стен своей лаборатории он теряется...

— А мне он понравился. По-моему, у него и голова, и сердце на месте.

Эх, зря я это сказал: мало того, что сенатор напуган, теперь я его еще и смутил.

— Я дам вам знать, — сказал он довольно холодно. — Как только сам что-либо узнаю, извещу вас или Джералда. Я сделаю все, что в моих силах. Думаю, что вам не о чем тревожиться. Главное — старайтесь, чтобы барьер не сдвинулся с места, главное — сохраняйте спокойствие. Больше вам ни о чем не надо заботиться.

— Ну еще бы, сенатор, — сказал я.

Мне стало очень противно.

— Спасибо, что позвонили. Я буду поддерживать с вами связь.

— До свидания, сенатор.

И я положил трубку. Джо смотрел вопросительно. Я покачал головой.

— Ничего он не знает и говорить не хочет. Я так понимаю, ничего он и не может. Не в его власти нам помочь.

По тротуару простучали шаги, и тотчас дверь распахнулась. Я обернулся — на пороге стоял Хигги Моррис.

Надо же, чтобы в такую минуту нелегкая принесла именно его! Он поглядел мне в лицо, перевел глаза на Джо и снова на меня.

— Что это с вами, ребята?

Я в упор смотрел на него. Хоть бы он убрался отсюда! Да нет, не уйдет...

— Надо ему сказать, Брэд, — услышал я голос Джо.

— Валяй, говори.

Хигги не шелохнулся. Он так и остался у двери и слушал. Джо рассказывает, а Хигги стоит истукан истуканом, глаза остекленели. Ни разу не пошевелился, не перебил ни словом.

Наступило долгое молчание. Потом Хигги спросил:

— Как ты считаешь, Брэд, могут они учинить над нами такое?

— Могут. Они все могут. Если барьер опять двинется с места. Если еще что-нибудь стрясется.

Тут его как пружиной подбросило:

— Так какого черта мы тут торчим? Надо скорее копать.

— Копать?

— Ну да. Бомбоубежище. Рабочей силы у нас сколько угодно. В городе полно народу, и все слоняются без дела. Поставим всех на работу. В депо у вокзала есть экскаватор и

всякий дорожный инструмент, по Милвиллу раскидано десятка полтора грузовиков. Я назначу комиссию, и мы... послушайте, ребята, да что это с вами?

— Хигги, ты просто не понял, — почти ласково сказал Джо. — Это ведь не какие-нибудь радиоактивные осадки выпадут, бомбу влепят прямо в нас. Тут никакое убежище не спасет. Такое, чтоб спасло, и за сто лет не построить.

— Надо попробовать, — долбил свое Моррис.

— Нам не зарыться так глубоко и не построить так прочно, чтоб это убежище выдержало прямое попадание, — сказал я. — А если даже и удалось бы, ведь нужен кислород...

— Надо же что-то делать! — заорал Хигги. — Неужели просто сидеть сложа руки? Кой черт, нас же всех убьет!

— Да, брат, плохо твое дело, — сказал я.

— Слушай, ты... — начал Хигги.

— Хватит! — крикнул Джо. — Хватит вам! Может, вы и опротивели друг другу, но действовать надо всем вместе. Выпутаться можно. У нас и правда есть убежище.

Я вытаращил глаза — и тут же понял, куда он гнет.

— Нет! — закричал я. — Так нельзя. Пока нельзя. Как же ты не понимаешь? Тогда мы загубим всякую надежду на переговоры. Нельзя, чтобы они узнали!

— Ставлю десять против одного, что они уже знают, — сказал Джо.

— Ничего не понимаю! — взмолился Хигги. — Какое у нас убежище, откуда?

— Другой мир, — объяснил Джо Эванс. — Смежный мир, тот самый, где побывал Брэд. В крайнем случае мы перейдем туда. Они о нас позаботятся, они нас не выгонят. Будут выращивать для нас еду, найдется распорядитель — приглядит, чтоб мы не болели, и...

— Ты кое о чем забываешь, — перебил я. — Мы не знаем, как туда попасть. Было одно такое место в саду, но теперь там

все переменилось. Цветов больше нет, одни долларовые кустики.

— Пускай распорядитель и Смит нам покажут. Они-то уж наверняка знают дорогу.

— Их уже нету, — сказал Хигги. — Они ушли к себе. Больных никого не осталось, и тогда они сказали, что им пора, а если нам понадобится, они опять придут. Я их отвез к твоему дому, Брэд, и они живо отыскали дверь или как это там называется. Просто пошли в сад, раз — и исчезли.

— А ты найдешь это место? — спросил Джо.

— Да, пожалуй. Я примерно знаю, где это.

— Стало быть, надо будет, так найдем, — вслух соображал Джо. — Составим цепь, да поплотнее, плечом к плечу, и двинемся через сад.

— Думаешь, это так просто? — сказал я. — Может, там не всегда открыто.

— Как так?

— Если б этот ход все время был открыт, у нас бы за последние десять лет куча народу без вести пропала, — стал объяснять я. — Там и детишки играют, и взрослые ходят напрямик, кому надо поскорее. Я всегда той дорогой хожу к доктору Фабиану, и не я один, там многие топают взад и вперед. Кто-нибудь уж как пить дать проскочил бы в эту дверь, если бы она всегда была открыта.

— Ну, ладно, тогда давайте им позвоним, — предложил Хигги. — Возьмем один из этих телефонов...

— Нет, — сказал я. — Просить у них помощи — это только на самый крайний случай. Ведь обратного пути, скорей всего, не будет, мы отколемся от человечества — и конец.

— Все лучше, чем помирать, — сказал Хигги.

— Не надо кидаться очертя голову, — продолжал я уговаривать их обоих. — Пусть люди сперва сами все обдумают и сообразят. Может, еще ничего и не случится. Нельзя же

просить у чужих убежища, покуда мы не знаем точно, что другого выхода нет. Еще есть надежда, что люди и Цветы сумеют договориться. Я знаю, сейчас все это выглядит довольно мрачно, но, если останется малейшая возможность, человечеству никак нельзя отказываться от переговоров.

— Какие уж там переговоры, Брэд, — сказал Джо. — Я думаю, эти чужаки никогда всерьез и не собирались с нами договариваться.

— А все из-за твоего отца, — вдруг заявил Хигги. — Если б не он, ничего бы этого не случилось.

Я чуть было не вспылил, но сдержался.

— Все равно случилось бы. Не в Милвилле, так где-нибудь еще. Не сейчас, так немного погодя.

— В том-то и соль! — обозлился Хигги. — Уж случилось бы, так не у нас, в Милвилле, а где-нибудь в другом месте.

Отвечать было нечего. То есть, конечно, я мог бы ответить, но такого ответа Хигги Моррису не понять.

— И вот что, Брэд Картер, — продолжал он. — Мой тебе добрый совет — гляди в оба. Хайрам так и рвется свернуть тебе шею. Думаешь, ты задал ему трепку, так это к лучшему? Совсем наоборот. И в Милвилле хватает горячих голов, которые с ним заодно. Во всем, что у нас тут стряслось, виноваты вы с отцом, вот как они считают.

— Послушай, Хигги, — вступился Джо. — Никто не имеет права...

— Знаю, что не имеет, — оборвал Хигги. — Но так уж люди настроены. Я постараюсь и впредь блюсти закон и порядок, но ручаться теперь ни за что не могу.

Он опять повернулся ко мне:

— Моли бога, чтоб эта заваруха улеглась, да поскорее. А если не уляжется, заройся поглубже в какую-нибудь нору и даже носу не высовывай.

— Слушай, ты...

Я кинулся к нему с кулаками, но Джо выскочил из-за стола, перехватил меня и оттолкнул.

— Бросьте вы! — гневно крикнул он. — Мало у нас других забот, надо еще вам сцепиться.

— Если слух про бомбу дойдет до наших, я за твою шкуру гроша ломаного не дам, — злобно сказал Хигги. — Без тебя тут не обошлось. Люди живо смекнут...

Джо ухватил его и отшвырнул к стене.

— Заткнись, не то я сам заткну тебе глотку!

Он помахал перед носом у Хигги кулаком, и Хигги заткнулся.

— Ладно, Джо, — сказал я, — закон и порядок ты восстановил, все чинно-благородно, так что я тебе больше не нужен. Я пошел.

— Постой, Брэд, — сказал Джо сквозь зубы. — Одну минуту...

Но я вышел и хлопнул дверью.

Уже совсем стемнело, улица опустела. Окна муниципалитета еще светились, но у входа не осталось ни души.

Может, напрасно я ушел? Может, надо было остаться хотя бы затем, чтоб помочь Эвансу урезонить Хигги — как бы тот не наломал дров?

Но нет, что толку. Если бы я и мог что-то присоветовать (а что советовать? В голове хоть шаром покати!) — ко всему отнесутся с подозрением. Видно, теперь уж мне никакого доверия не будет. Хайрам с Томом Престоном, конечно, целый день без роздыха внушали милвиллцам — дескать, во всем виноват Брэдшоу Картер и давайте с ним поквитаемся.

Я свернул с Главной улицы к дому. Все вокруг тихо и мирно. Набегает летний ветерок, покачиваются подвешенные на длинных кронштейнах уличные фонари, и от этого на перекрестках и на газонах вздрагивают косые тени. В комнатах жарко и душно — окна всюду распахнуты настежь; мягко

светятся огни, урывками доносится бормотанье телевизора или радиоприемника.

Тишь да гладь — но под ними таятся страх, ненависть, животный ужас; довольно одного слова, неосторожного шага — и все это вырвется наружу, и начнется всеобщее буйное помешательство.

Жгучая обида и негодование мучат всех: почему мы, только мы одни заперты в загоне, точно бессловесная скотина, когда все на свете свободны и живут как хотят? Возмутительно, несправедливо, бесконечно несправедливо: почему загнали, заперли, обездолили не кого-то другого, а нас? Пожалуй, еще и тревожно, неприятно ощущать, что все на нас глазеют, только о нас и говорят, будто мы и не люди вовсе, а какие-то чудища, уроды. И еще, пожалуй, всех точат стыд и страх, а вдруг весь мир вообразит, что мы сами повинны в своей беде, что это плоды одичания и вырождения или кара за какие-то грехи?

Не диво, если, влипнув в такую историю, люди жадно ухватятся за любое объяснение, лишь бы восстановить свое доброе имя, вновь подняться не только в собственных глазах, но и в глазах всего человечества и в глазах пришельцев; не диво, если они поверят чему угодно, и хорошему и плохому, любым слухам и сплетням, самой несусветной нелепице, лишь бы все окрасилось в ясные и определенные света: вот черное, а вот белое (хоть в душе каждый знает — все сплошь серо!). Ведь там, где есть белое и черное, там найдешь желанную простоту, тогда все легче понять и со всем удобней примириться.

И нельзя их в этом винить. Они не готовы были к тому, что случилось, оно им не по плечу. Долгие-долгие годы они существовали скромно и неприметно в тихой заводи, вдалеке от широкого русла, где неслась и бурлила жизнь большого мира. Крохотные событьица милвиллского житья-бытья непомерно разрастались в их глазах, становились историческими

вехами: кто же не помнит, как сумасбродный мальчишка, младший из Джонсонов, врезался на ветхом семейном фордике в дерево на улице Вязов? Или тот день, когда вызывали пожарную команду, чтоб снять кошку мамаши Джоунс с крыши пресвитерианской церкви (никто и по сей день не понимает, как угораздило кошку туда забраться)? Или случай, когда дядюшка Эндрюс с удочкой в руках заснул на берегу реки — и бултых в воду! Спасибо, мимо проходил Лен Стритер и вытащил его; тут уж сон со старика слетел, он так наглотался воды, что насилу отдышался (и пошли рассуждения: а что понадобилось там Лену Стритеру, с чего это его понесло на реку?). Из таких крупиц и складывалась жизнь со всеми ее треволнениями.

И вот перед этими людьми предстало нечто большое, значительное, и они не в силах его постичь; то, что произошло, пока еще слишком огромно и непостижимо не только для них, но для всего человечества. Все слишком сложно, тут не отделаешься праздным любопытством, недоумением зеваки перед кошкой, бог весть как забравшейся на верхотуру, — вот почему им тягостно, неспокойно, в них разгораются досада и злость, того гляди — вспыхнет, прорвется открытой враждебностью, а тогда недалеко и до насилия... был бы повод для насилия, было бы на кого наброситься. Что ж, если придет минута, когда их ярость вырвется наружу, мишень готова — об этом постарались Хайрам Мартин и Том Престон.

Идти уже недалеко. Я поравнялся с обителью нашего банкира Дэна Виллоуби — этакая огромная скучная махина из кирпича, с первого взгляда всякий догадается, что в таком доме может жить только тип вроде Дэниела Виллоуби. Напротив, на углу, дом старика Перкинса. С неделю назад сюда въехали новые жильцы. Это один из немногих домов у нас, в Милвилле, которые сдаются внаем, и обитатели его меняются чуть не каждый год. Никто даже не дает себе труда с ними

знакомиться — охота время тратить! А дальше, в конце улицы, живет доктор Фабиан.

Еще несколько минут — и я буду у себя, в доме с продырявленной насквозь крышей, в пустых гулких комнатах, наедине с вопросом, на который нет ответа, а за оградой будут меня подстерегать подозрительность и ненависть всего Милвилла.

На той стороне улицы хлопнула дверь, кто-то, громко топая, бежал по веранде. И тотчас раздался крик:

— Уолли, нас хотят бомбить! Сказали по телевизору!

Из темноты приподнялась большая сутулая тень — кто-то лежал на траве или на низко, у самой земли, расставленном шезлонге, я и не видал его, пока он не вскинулся на крик.

В горле у него булькало, он силился что-то сказать и не мог.

— Экстренное сообщение! — кричал тот, с веранды. — Сейчас передают! По телевизору!

Второй, с шезлонга, вскочил и кинулся в дом.

И я тоже кинулся бежать. Домой, во весь дух, не думая, не рассуждая, — ноги сами несли меня.

Я-то думал, у меня еще есть немного времени, а времени нет. Не ждал я, что слух разнесется так быстро.

Потому что это сообщение наверняка только еще слух: предполагается, что могут бомбить... говорят, что в самом крайнем случае на Милвилл, может быть, сбросят бомбу... Но для нас тут разницы нет. Милвиллцам все едино, они не станут разбирать, где слухи, а где факты.

Только этого и не хватало, чтоб ненависть сорвалась с цепи. И все обрушится на меня да, пожалуй, на Джералда Шервуда... будь сейчас в Милвилле Шкалик, досталось бы и ему.

Улица осталась позади; обежав дом доктора Фабиана, я помчался под гору, к сырой низине, где росли долларовые кустики. И уже на полпути спохватился: а Хайрам? Днем он сторожил эти кусты, вдруг он и сейчас там? С разгону я

насилу остановился, пригнулся к самой земле. Наскоро окинул взглядом склон холма и низину, потом снова, уже медленно, стал всматриваться в каждую тень, подстерегая малейшее движение, которое выдало бы засаду.

Вдалеке послышались крики; наверху кто-то бежал, громыхали по тротуару тяжелые башмаки. Хлопнула дверь, где-то, за несколько кварталов, взревел мотор и рванула с места машина. Из открытого окна слабо донесся взволнованный голос комментатора последних известий, но слов я не разобрал.

Хайрама нигде не было видно.

Я выпрямился и медленно стал спускаться дальше. Вот и сад, теперь напрямик. Впереди уже темнеют старые теплицы и знакомый вяз на углу, тот самый, что поднялся из давнего тоненького побега.

Я дошел до теплиц, остановился на минуту — проверить напоследок, не крадется ли за мною Хайрам, — и двинулся было дальше. Но тут я услышал голос, он позвал меня — и я оцепенел.

Оцепенел, прирос к земле... но ведь я не слышал ни звука!

«*Брэдшоу Картер*», — вновь позвал беззвучный голос.

И — аромат Лиловости... может быть, даже не аромат, скорее ощущение. Воздух полон им — и вдруг резко, отчетливо вспоминается: так было там, у шалаша Таппера Тайлера, когда Нечто ждало на склоне холма и потом проводило меня домой, на Землю.

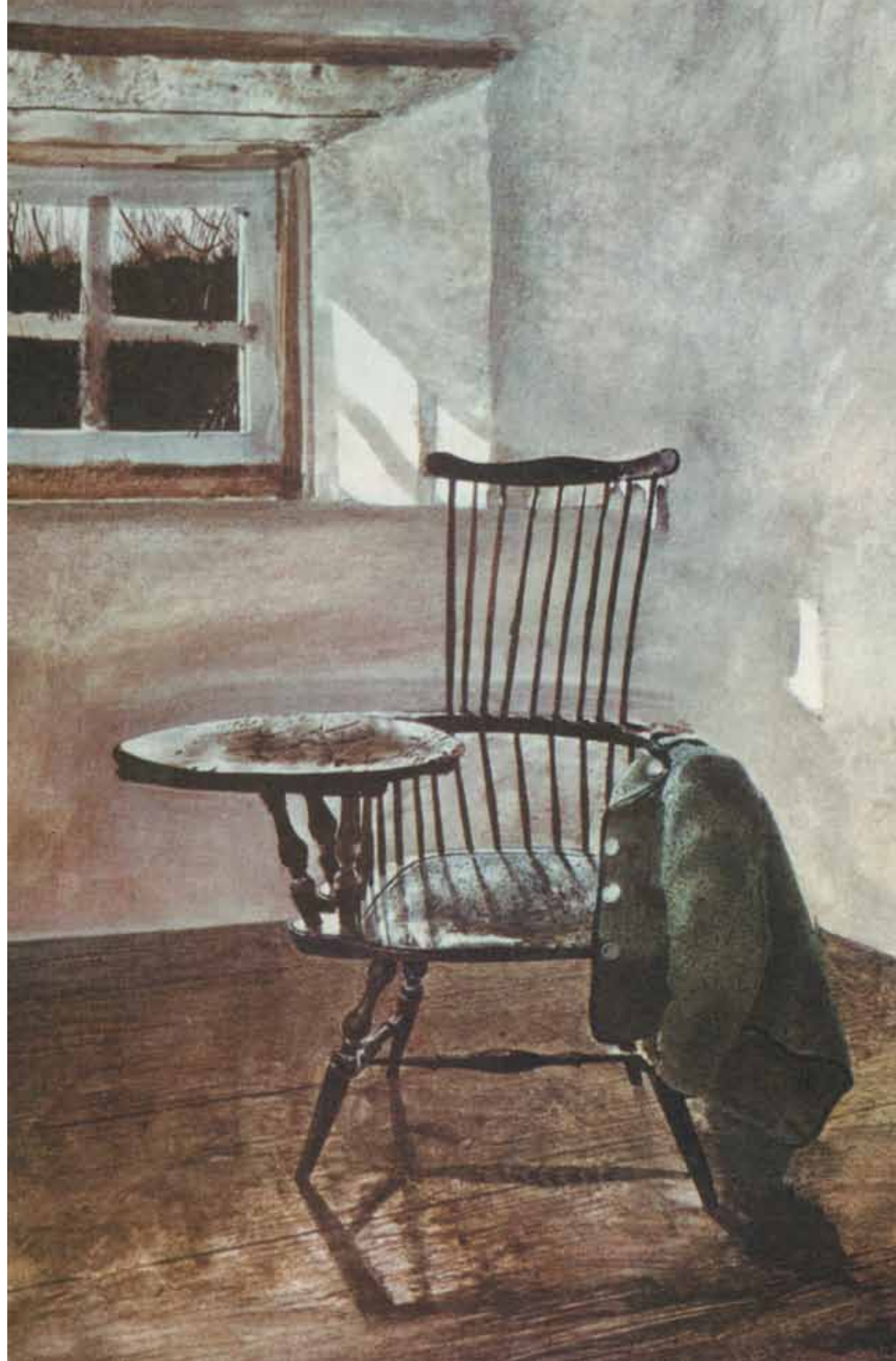
— Я слышу, — отозвался я. — Где ты?

Вяз у теплиц словно бы качнулся, хотя ветерок чуть дышал — где ему было качнуть такое дерево.

«*Я здесь*, — сказал вяз. — *Я здесь давно, долгие годы. Я всегда ждал этой минуты, ждал, когда смогу с тобой заговорить*».

— Ты знаешь? — спросил я.

Глупо спрашивать, конечно же, он знает — и о бомбе, и обо всем...

«Мы знаем, — сказал вяз, — но отчаянию нет места».

— Нет места? — растерянно переспросил я.

«*Если мы потерпим неудачу на этот раз, мы попробуем снова. Возможно, в другом мире. Или, может быть, придется подождать, чтобы ради... как это называется?*»

— Радиация, вот как это называется, — подсказал я.

«*Подождать, чтобы радиация рассеялась*».

— На это уйдут годы.

«*У нас есть годы,* — был ответ. — *У нас есть время, сколько угодно. Нам нет конца. И времени нет конца*».

— А для нас время кончается, — сказал я, и меня захлестнула горькая жалость ко всем людям на свете и сильней всего — к самому себе. — И для меня наступает конец.

«*Да, мы знаем,* — сказала Лиловость. — *Мы очень о вас сожалеем*».

Вот когда пора просить помощи! Пора объяснить, что мы попали в беду не по своей воле и не по своей вине — пусть же нас выручают те, кто нас до этого довел!

Так я и хотел сказать, но слова не шли с языка. Не мог я признаться этому чужому, неведомому, в нашей совершенной беспомощности.

Наверно, это просто гордость и упрямство. Но лишь когда я попытался заговорить и убедился, что язык не слушается, лишь тогда я открыл в себе эту гордость и упрямство.

«Мы очень о вас сожалеем», — сказал вяз. Но и жалеть можно по-разному. Что это — подлинная, искренняя скорбь или так только, мимолетная, из чувства долга, жалость того, кто бессмертен, к бренной дрожащей твари в ее смертный час?

От меня останутся кости и тлен, а потом не станет ни костей, ни тлена, лишь забвение и прах, — а Цветы будут жить и жить во веки веков.

Так вот, нам, кто обратится в тлен и прах, куда важней обладать этой упрямой гордостью, чем другим — сильным

и уверенным. Она — единственное, что у нас есть, и только она одна нам опора.

Лиловость... а что же такое Лиловость? Не просто цвет, нечто большее. Быть может, дыхание бессмертия, дух невообразимого равнодушия: бессмертный не может себе позволить о ком-то тревожиться, к кому-то привязаться, ибо все преходящи, все живут лишь краткий миг, а бессмертный идет своей дорогой, в будущее без конца, без предела, — там встретятся новые твари, новые мимолетные жизни, и о них тоже не стоит тревожиться.

А ведь это — одиночество, вдруг понял я, безмерное, неизбывное одиночество, — людям никогда не придется изведать такое... Безнадежное одиночество, ледяной, неумолимый холод... во мне вдруг шевельнулась жалость. Как-то странно жалеть дерево. Но нет, не дерево мне жаль и не те лиловые цветы, а неведомое. Нечто, которое провожало меня из чужого мира, которое и сейчас здесь, со мной... жаль живую мыслящую материю — такую же, из какой создан и я.

— Я тоже сожалею о тебе, — сказал я и, еще не досказав, опомнился: оно не поймет моей жалости, как не поняло бы и гордости, если бы узнало о ней.

Из-за поворота улицы, идущей по бровке холма, на бешеной скорости вылетела машина, яркий свет фар хлестнул по теплицам. Я отпрянул, но фары погасли, еще не настигнув меня.

Во тьме кто-то позвал меня по имени — чуть слышно и, кажется, пугливо.

Из-за угла, не замедляя скорости, вывернулась еще машина, ее занесло на повороте, взвизгнули шины. Первый автомобиль круто затормозил и, содрогнувшись, замер возле моего дома.

— Брэд, — снова чуть слышно, пугливо позвали из темноты. — Где ты, Брэд?

— Нэнси?! Я здесь, Нэнси.

Что-то случилось, что-то очень скверное. Голос у нее точно натянутая до отказа струна, точно пробивается он сквозь густой туман охватившего ее ужаса. Что-то неладно, иначе не мчались бы так неистово к моему дому эти машины.

— Мне послышалось, ты с кем-то разговариваешь, — сказала Нэнси. — Но тебя нигде не было видно. Я и в комнатах искала, и...

Из-за дома выбежал человек — черный силуэт на миг четко обрисовался в свете уличного фонаря. Там, за домом, были еще люди — слышались топот бегущих, злобное бормотанье.

— Брэд, — опять сказала Нэнси.

— Тише, — предостерег я. — Что-то неладно.

Наконец-то я ее увидел. Спотыкаясь в темноте, она шла ко мне.

Возле дома кто-то заорал:

— Эй, Картер! Мы же знаем, ты у себя! Выходи, не то мы сами тебя вытащим!

Я бегом кинулся к Нэнси и обнял ее. Она вся дрожала.

— Там целая орава, — сказала она.

— Хайрам со своей шатией, — сказал я сквозь зубы.

Зазвенело разбитое стекло, в ночное небо взметнулся длинный язык огня.

— Ага, черт подери! — злорадно крикнул кто-то. — Может, теперь ты вылезешь?

— Беги, — велел я Нэнси. — Наверх. Спрячься за деревьями.

— Я от Шкалика, — зашептала она. — Я его видела, он послал меня за тобой.

В доме вдруг разгорелось яркое пламя. Окна столовой вспыхнули, как глаза разъяренного зверя. В отсветах пожара бессмысленно, неистово приплясывали и вопили черные фигуры.

Нэнси повернулась и побежала, я кинулся за нею, и тут позади, перекрывая разноголосицу горланящей толпы, рявкнул оглушительный бас:

— Вот он! В саду!

Что-то дало мне подножку, я споткнулся и с разбегу ухнул в долларовые кусты. Колючие ветки царапали лицо, цеплялись за одежду, с трудом я поднялся на ноги, огляделся.

Из отверстия в крыше, пробитого «машиной времени», взбесившимся фонтаном хлещет пламя. Все стихло, только рычит огонь, пожирая дом изнутри, вгрызаясь в балки и стены.

А люди молча бегут вниз, в сад. Доносятся гулкий топот, тяжелое, прерывистое дыхание.

Наклоняюсь, шарю по земле — вот оно, то, обо что я споткнулся. Обломок деревянного бруса длиной фута в четыре, чуть подгнивший по краям, но еще крепкий.

Дубинка. И на том конец. Но пока меня прикончат, один из них тоже распрощается с жизнью... а может быть, и двое.

— Беги! — кричу я Нэнси, она где-то там, хоть ее и не видно.

Осталось одно, еще только одно я должен сделать. Разбить этой дубиной башку Хайраму Мартину, пока меня не захлестнула толпа.

Вот они уже сбежали с холма, несутся по ровному месту, через сад. Впереди — Хайрам. Стою и жду с дубиной наготове; а Хайрам все ближе, на темном лице, точно белый шрам, блестят оскаленные зубы.

Надо метить между глаз, расколю ему башку пополам. А потом стукну и еще кого-нибудь... если успею.

Пожар разгорелся в полную силу, ведь дерево старое, сухое, даже и сюда пышет жаром.

А эти уже совсем близко... Я крепче сжал дубинку, занес повыше, жду.

Вдруг, в нескольких шагах от меня, они сбились, затоптались на месте... одни попятились, другие застыли, рты разинуты,

глаза вытаращены, и в них — изумление, ужас. Уставились не на меня, а на что-то позади меня.

И вот — шарахнулись, бегут со всех ног обратно, вниз, и еще громче, чем рев огня, их отчаянный вой... словно мчится и ревет перепуганное насмерть стадо, гонимое степным пожаром.

Как ужаленный, оборачиваюсь... а, это те, из чужого мира! Черные тела поблескивают в дрожащих отсветах пожара, серебристые перья лохматых голов чуть колышутся на ветру. Они подходят ближе и щебечут, щебечут на своем непонятном, певучем языке.

Не терпится им, черт возьми! Слишком поторопились, лишь бы не упустить хоть единую предсмертную дрожь объятого ужасом клочка нашей Земли.

Не только сегодня — снова и снова вечерами они станут сюда приходить, станут возвращать послушное им время к этой роковой минуте. Нашлось еще одно место, где можно стоять и ждать, пока начнется зрелище, есть еще один призрачный дом, зияющий провалами окон, через которые можно заглянуть в безумие и ужас иного мира.

Они приближаются, а я стою и жду, сжимая дубину, и вдруг опять — дыхание Лиловости и знакомый неслышный голос.

«*Назад,* — говорит голос. — *Назад. Вы пришли слишком рано. Этот мир не открыт*».

Издали кто-то зовет, но ничего не различить в грохоте и треске пожара, в звонком, взволнованном певучем щебете этих беззаботных вампиров, проскользнувших к нам из лиловой страны Таппера Тайлера.

«Идите назад», — повторил вяз, неслышные слова хлестнули, как взмах бича.

И они ушли — исчезли, растворились в непостижимой тьме, во мраке более густом и черном, чем сама ночь.

Вяз, который разговаривает... а сколько еще есть говорящих деревьев? Много ли здесь осталось от Милвилла? Сколько

уже принадлежит другому, лиловому миру? Я поднимаю голову, смотрю на вершины деревьев, стеной окружающих сад, — призрачные тени в темном небе, они трепещут под дуновением странного ветра, что веет неведомо откуда. Трепещут на ветру... а быть может, тоже говорят о чем-то? Кто они — прежние земные деревья, бессловесные и неразумные, или совсем иные деревья, порождение иной Земли?

Никогда мы этого не узнаем, а может, это и неважно, ведь с самого начала нам не на что было надеяться. Мы еще не вышли на ринг, а нас уже положили на обе лопатки. Все потеряно для нас давным-давно, в тот далекий день, когда мой отец принес домой охапку лиловых цветов.

Опять издали кто-то кричит, зовет меня по имени.

Бросаю свое оружие, иду через сад. Кому я понадобился?

Это не Нэнси, но голос знакомый.

А вот и Нэнси сбегает с холма.

— Скорей, Брэд!

— Где ты была? Что еще случилось?

— Там Шкалик Грант. Я ведь говорила, тебя ищет Шкалик. Он ждет у барьера. Он как-то проскользнул мимо часовых. Ему непременно надо с тобой повидаться...

— Так ведь Шкалик...

— Он здесь. И требует тебя. Говорит, больше никто не годится.

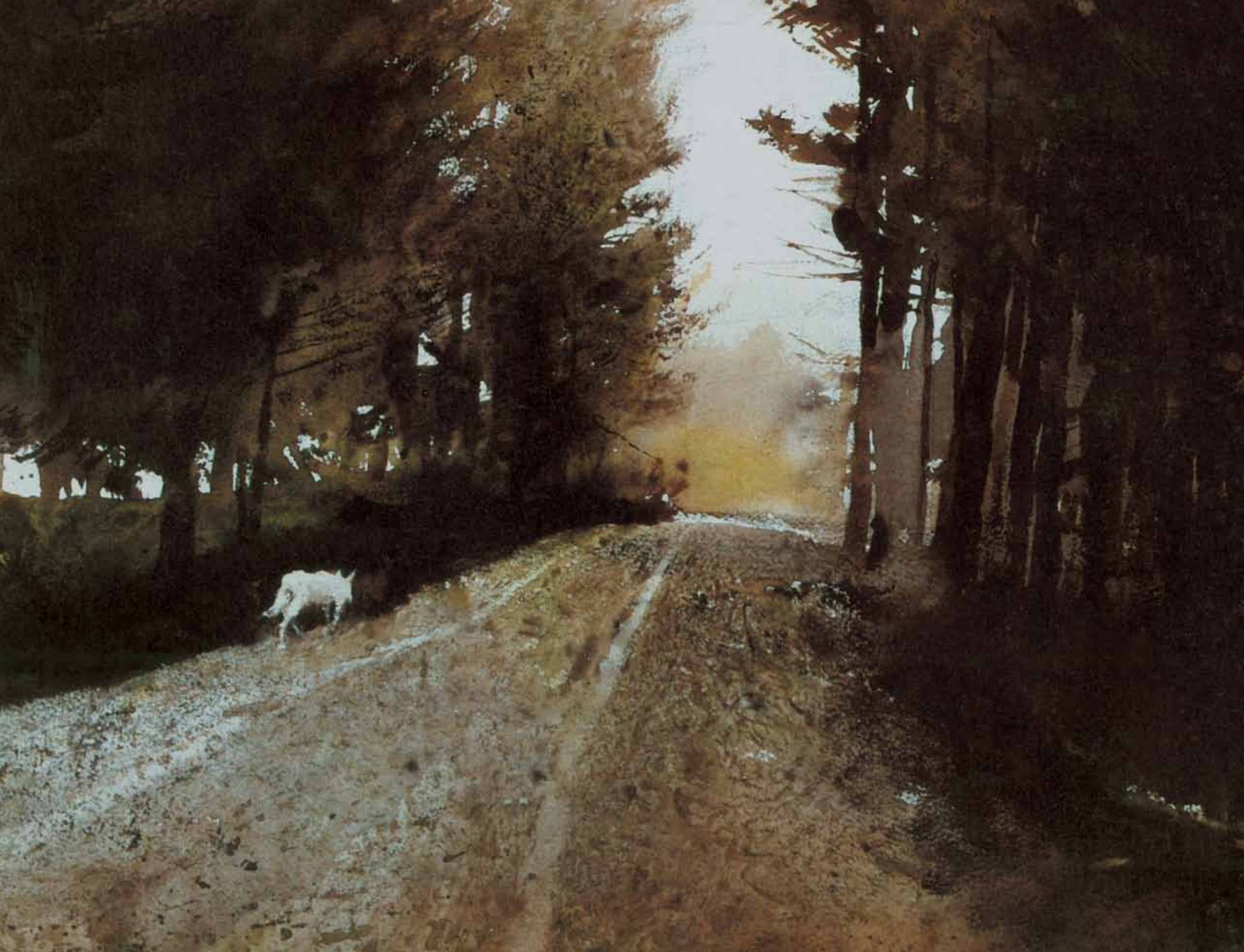
Она повернулась и почти побежала наверх, я тяжело поплелся за нею. Через двор доктора Фабиана, потом через улицу, а там еще один двор и... ну конечно, здесь, прямо перед нами, проходит барьер.

По ту сторону с земли поднимается коренастый гном.

— Это ты, паренек? — слышу я.

Сажусь на корточки перед самым барьером и во все глаза смотрю на Шкалика.

— Ну да, я... а ты как же...

— Об этом после. Некогда. Часовые знают, что я пролез сквозь оцепление. Меня ищут.

— Чего ты хочешь?

— Не я. Все. И ты. Всем это нужно. Вы здорово влипли.

— Все здорово влипли.

— Я про то и говорю. Одному болвану в Пентагоне приспичило сбросить бомбу. Я, когда сюда пробирался, слышал, в какой-то машине радио трепало всякую чушь. Краем уха кой-что поймал.

— Так, — говорю я. — Стало быть, человечеству крышка.

— Нет, не крышка! — сердито возражает Шкалик. — Есть выход. Если только в Вашингтоне поймут, если...

— Если ты знаешь выход, чего ж ты тратил время, искал меня? Сказал бы там...

— Кому? Да разве мне поверят? Кто я такой? Дрянь, забулдыга и пьяница, да еще из больницы сбежал...

— Ладно, — говорю я, — ладно.

— А вот ты им растолкуешь, ты вроде как посол, что ли, доверенное лицо. Тебя кто-нибудь да выслушает. Свяжись там с кем-нибудь, и тебя послушают.

— Если есть что слушать.

— Есть что слушать! — говорит Шкалик. — У нас есть кое-что такое, чего тем чужакам не хватает. И только мы одни можем им это дать.

— Дать? — кричу я. — Все, что им надо, они у нас и так отберут.

— Нет, это они так сами взять не могут, — возражает Шкалик.

Я качаю головой.

— Что-то слишком просто у тебя получается. Ведь они уже подцепили нас на крючок. Люди только того и хотят, чтоб они к нам пришли, да если бы и не хотели, они все равно придут. Они угодили в наше самое уязвимое место...

— У Цветов тоже есть уязвимое место, — говорит Шкалик.

— Не смеши меня.

— Ты просто обалдел и уже не соображаешь.

— Какой ты догадливый, черт подери!

Еще бы не обалдеть. Весь мир летит в тартарары. Над Милвиллом нависла ядерная смерть, уже и так все с ума посходили, а теперь Хайрам расскажет о том, что видел у меня в саду, и народ окончательно взбесится. Хайрам и его шайка дотла сожгли мой дом, я остался без крова... да и все человечество осталось без крова, вся Земля перестала быть для нас родным домом. Отныне она всего лишь еще одно звено в длинной, нескончаемой цепи миров, подвластных иной форме жизни, и эту чужую жизнь людям не одолеть.

— Эти Цветы — очень древняя раса, — объясняет Шкалик. — Даже и не знаю, какая древняя. Может, им миллиард лет, а может, и два миллиарда, неизвестно. Сколько миров они прошли, сколько всяких народов видели — не просто живых, а разумных. И со всеми они поладили, со всеми сработались и действуют заодно. Но ни разу ни одно племя их не полюбило. Никто не выращивал их у себя в саду, никто и не думал их холить и нежить только за то, что они красивые...

— Да ты спятил! — ору я. — Вконец рехнулся!

— Брэд, — задохнувшись от волнения, говорит Нэнси, — а может быть, он прав? Ведь только за последние две тысячи лет или около того люди научились чувствовать красоту, увидели прекрасное в природе. Пещерному человеку и в голову не приходило, что цветок — это красиво...

— Верно, — кивает Шкалик. — Больше ни одно живое существо, ни одно племя не додумалось до такого понятия — красота. Только у нас на Земле человек возьмет, выкопает где-то в лесу несколько цветочков и притащит к себе домой, и ходит за ними, как за малыми детьми, ради ихней красоты... а до той минуты Цветы и сами не знали, что они красивые. Прежде

их никто не любил и никто о них не заботился. Это вроде как женщина: и мила, и хороша, а только покуда ей кто-нибудь не сказал — мол, какая ж ты красавица! — ей и невдомек. Или как сирота: все скитался по чужим, а потом вдруг нашел родной дом.

Как просто. Не может этого быть. Никогда ничто на свете не бывает так просто. И однако, если вдуматься, в этом есть смысл. Кажется, только в этом сейчас и можно найти какой-то смысл...

— Цветы поставили нам условие, — говорит Шкалик. — Давайте и мы выставим условие. Дескать, милости просим к нам, а за это сколько-то из вас, какой-нибудь там процент, обязаны оставаться просто цветами.

— Чтобы люди у нас на Земле могли их разводить у себя в саду, и ухаживать за ними, и любоваться ими — вот такими, как они есть! — подхватывает Нэнси.

Шкалик тихонько усмехается:

— У меня уж это все думано-передумано. Эту статью договора я и сам мог бы написать.

Неужели это и есть выход? Неужели получится?

Конечно, получится!

Стать любимцами другого народа, ощутить его заботу и нежность — да ведь это привяжет к нам пришельцев узами столь же прочными, как нас к ним — благодарность за то, что с войной покончено навсегда. Это будут узы несколько иные, но столь же прочные, как те, что соединяют человека и собаку. А нам только того и надо: теперь у нас будет вдоволь времени — и мы научимся жить и работать дружно.

Нам незачем будет бояться Цветов, ведь это нас они искали, сами того не зная, не понимая, чего ищут, даже не подозревая, что существует на свете то, чем мы можем их одарить.

— Это нечто новое, — говорю я.

— Верно, новое, — соглашается Шкалик.

Да, это ново, непривычно. Так же ново и непривычно для Цветов, как для нас — их власть над временем.

— Ну как, берешься? — говорит Шкалик. — Не забудь, за мной гонится солдатня. Они знают, что я проскочил между постами, скоро они меня учуют.

Только сегодня утром представитель госдепартамента и сенатор толковали о длительных переговорах — лишь бы можно было начать переговоры. А генерал признавал один язык — язык силы. Меж тем ключ ко всему надо было искать в том, что есть в нас самого мягкого, человечного, — в нашей любви к прекрасному. И отыскал этот ключ никакой не сенатор и не генерал, а ничем не примечательный житель заштатного городишки, всеми презираемый нищий забулдыга.

— Давай зови своих солдат, пускай тащат сюда телефон, — говорю я Шкалику. — Мне недосуг его разыскивать.

Первым делом надо добраться до сенатора Гиббса, а он поговорит с президентом. Потом поймаю Хигги Морриса, объясню, что к чему, и он поуспокоит милвиллцев.

Но эта короткая минута — моя, и я навсегда ее запомню: рядом — Нэнси, напротив, за барьером, — старый нечестивец, верный друг, и я упиваюсь величием этого краткого мига. Ибо сейчас вся мощь истинной человечности (да, человечности, а не власти и положения в обществе!) пробуждается и прозревает грядущее — тот завтрашний день, когда неисчислимые и несхожие племена все вместе устремятся к несказанно славному и прекрасному будущему.

1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубили тупым топором из узловатого чурбака. Глаза его, больше всего напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени, казалось, тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с бульдожьим упорством и хваткой, игнорируя все окружающее.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

— У меня нет никаких сомнений касательно того, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы высказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил Питер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне неизвестны ни ее название, ни координаты. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сначала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить, в сущности, нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой.

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели его?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконах есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор, — сказал он. — Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, унаследованные от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли

задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец...

— Возможно, — перебил Максвелл, — но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали в дни динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долговечны, почти бессмертны по нашим меркам, но, конечно, в свой срок они тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон спросил мягко:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете сговор, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас, как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон. — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которой в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Также поступили сюда. Оба они были адресованы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись...

— В том-то и дело! — сказал Дрейтон.. — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось много повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были бы это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то и зарыта собака! — воскликнул Дрейтон. — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, оглушенный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул.

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию системы Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что их теперь двое, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Мы пришли к выводу, что эта планета не перехватывает волновые схемы. Она их дублирует.

— Так, значит, я существую в двойственном числе? И, может быть...

— Уже нет, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после своего возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где Максвелл беседовал с Дрейтоном, за поворотом коридора он увидел ряд свободных стульев и, поставив свой чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, ко-

торые способны дублировать систему волн, движущихся со сверхсветовой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку в любом уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, нигде не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но если тот, другой Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и собирался задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно он заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, зажал в коленях.

«Держись!» — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Однако это могло быть и правдой... все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их, Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катанье на байдарках по озеру. Будут беседы, и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а заключить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды, но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, багрец и золото кленов и пламенеющий пурпур дикого

винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибуэев. Они плыли по кристально-прозрачным потокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Стул, на котором сидел Максвелл, был повернут к западу, и сквозь гигантские стеклянные стены он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова, — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил чуть более светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, намереваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось

в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока он сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, все еще не решаясь окунуться в шумную сумятоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначавшихся для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожие на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили мелом на плитах что-то вроде игральной доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них не известно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по Вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой культурой.

И Максвелл воскресил в своей памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из Института сравнительной анатомии в Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать вместе, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящее потрясение.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах Вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал под осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивающиеся червяки в этом обвислом безобразном брюхе действительно были если и не червями, то, во всяком случае, какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их культура слагалась из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на

отдаленных границах Вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек наконец действительно столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя Вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает необоримое отвращение, хотя человек и все другие обитатели Вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему Вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд, — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громкоговоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир № 5692, прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысяч и тысяч планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы Вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья, топота и перестука множества ног.

Максвелл нагнулся, поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижей. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР
из Стрэтфорда-на-Эйвоне
(Англия)
прочтет лекцию
«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»
под эгидой Института времени
22 октября в аудитории Музея времени.
Начало в 8 часов вечера.
Билеты продаются во всех агентствах

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил ее, увидев, что окликнул его кто-то совсем незнакомый. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном вечере-гала.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-

таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на своего соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось нечто немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал сторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную быстроту.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну — крохотный светло-зеленый разрыв в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки стремительно мчались к ним навстречу, и Максвелл уже различал их осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копья взметнулись, чтобы пронзить их, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг словно в нерешительности повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой гуще леса.

Лужайка фей, сказал себе Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и вновь устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка,

почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем он вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом. Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвящая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного, и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — говорил Черчилл. — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч — но мотор не выходит из строя никогда. Остановить его можно, только выключив.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой.

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта эти лужайки были специально оговорены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться нам все равно было некуда — и я рискнул...

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Цоканье копыт явно приближалось.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

Лошадь спускалась по тропе тряским галопом. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно машущие крылья.

Лошадь тяжелыми скачками спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намереваясь опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные меха, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно соскользнул с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы это шутку сшутить. Наложат заклятие, и все тут...

— Мистер О'Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Добрый друг всех нас! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих

троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Высказали «заклятие»?

— А что же еще? — негодовал мистер О'Тул. — Что еще может свести помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — В истинной плоти? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я, и в истинной плоти, — сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О'Тул, — испьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, разделить со мной первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежало полдесятка других гоблинов, и мистер О'Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них правильные, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и больше не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, тот мост мы разнесем на камни и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда! И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летело как новое! А другие идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что лужайка будет выровнена к той поре, когда они придут сюда танцевать под полной луной. Третьи же позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причиняли лужайке нового ущерба, но если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладонь о ладонь в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы с охотой подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О'Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, раз уж вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Поистине, мы жили в них лишь потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего.

Он умолк, отдышался и продолжал:

— Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди той поры не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями. А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только люди, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать... — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл замотал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — объявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

— Будьте добры, — перебил О'Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или, во всяком случае, вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но долговечны они так, что нам и представить это трудно. Рождения у них — редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О'Тул, — что мы роем глубоко, в самом сердце природы, и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе заметно быстрее, чем раньше.

Сверху к ним навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, еле удерживаясь на ногах.

— Ну и что — эль? — пропыхтел мистер О'Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — стенал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! — вопил мистер О'Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них со всех шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз до тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

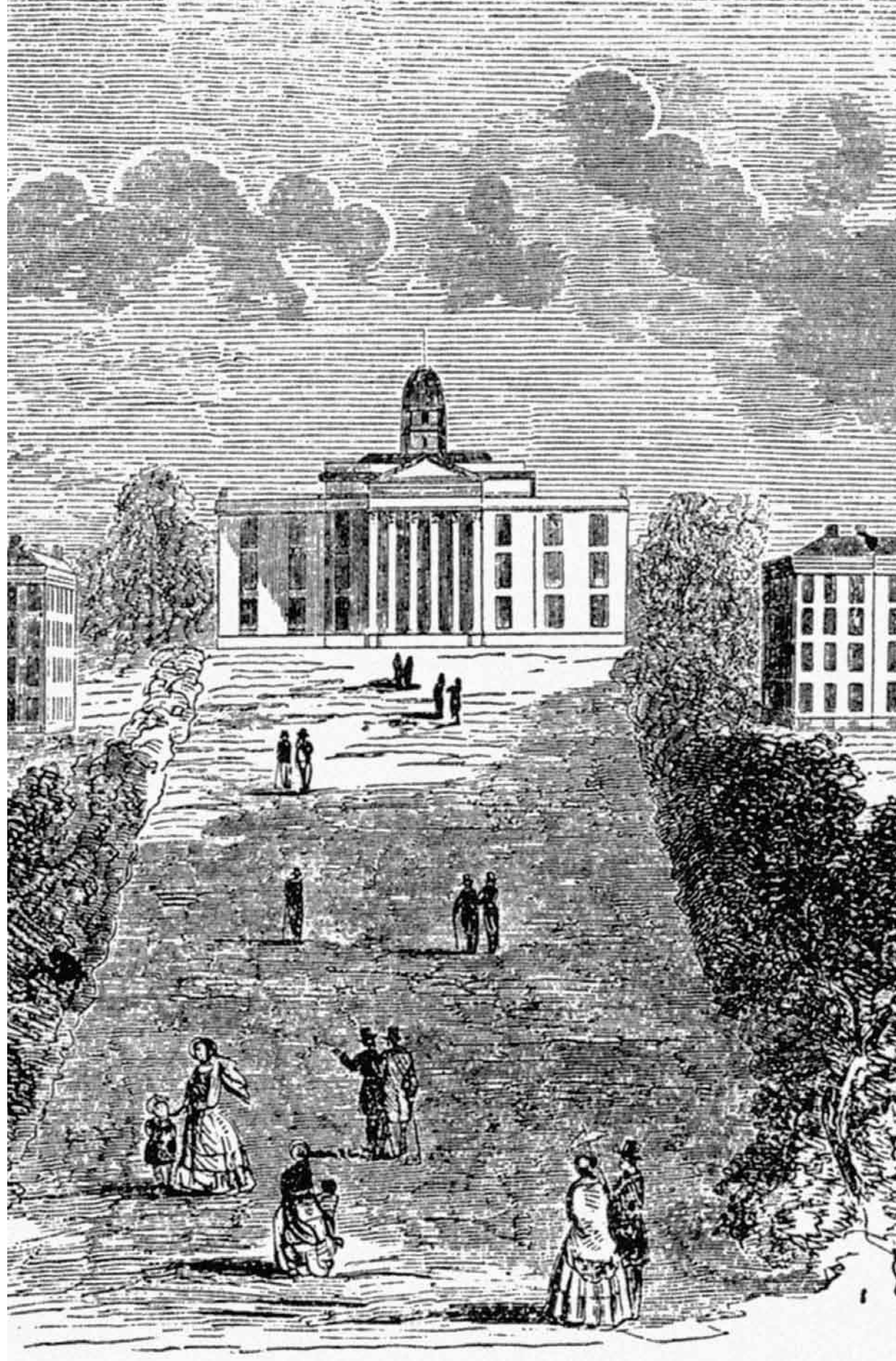
Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всесокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

4

Когда Максвелл на одной из внешних, более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по-настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благостной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги прямо под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И повсюду высились древние величественные

вязы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся далеко вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что это дружески здоровается с ним университетский городок. Часы были его другом, подумал он, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, ему было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди в сумраке возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижался музей. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл с такого расстояния сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили Институту времени, когда два-три года назад Институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, высились на вершине холма административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась все дальше, мимо Института времени и его кубического музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы кончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года... нет, впрочем, не четыре, а пять! Максвелл

сунул руку в правый карман куртки и в маленьком внутреннем кармашке нащупал кольцо с ключами.

Теперь впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, им вдруг овладела мысль о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности была вполне способна пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным сообщить.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представился случай поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Греггу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Пре-

стону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона — ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае — вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он начнет убеждать себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить... но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется.

Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому его лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинный розовый язык, шершавый, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери. — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я...

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира семь — двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами. — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый...

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и...

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула.

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря все это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд.

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побелели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он. — Вероятно, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница...

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, чтобы показать Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто....

— Все это, — заметил Максвелл, — очень запутанно.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, пожалуй, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, — на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить, — он поднес рюмку к губам. — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — если вы в норме, я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — объявил Максвелл. — И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей...

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только...

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы...

— Ни в коем случае, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл. — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно поставленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти куда-нибудь еще. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок облюбовали студенты и преподаватели его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Ну так следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками.

Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты и в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, как по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух — оба были там. И ты должен нам двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, а эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп. — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой

забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил морду на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животина — никакой ни биомех. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл. — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот. — Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не переваривaю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограниченны, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрол.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту, призывая его могучим голосом.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от ползучей жажды.

— Больше всего меня в нем восхищают, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что Homo sapiens neanderthalensis — глупая скотина и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, — который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскрешение вакханалией дружбы.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведерко льда и четыре... нет, три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьет.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы...

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю...

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, а больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил бренную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически...

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести волосатую грудь короткими пальцами.

— Не глядите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрол. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, — сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоем месте, — сказал Оп, — я бы подал на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных мук. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей...

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп. — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

— Но ведь их было двое, и один...

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу.

— А что скажете вы?

Он покачал головой.

— Я буду всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и с большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она. — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института

времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без основания, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытывали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть...

Он умолк и обвел глазами зал.

— Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разговора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

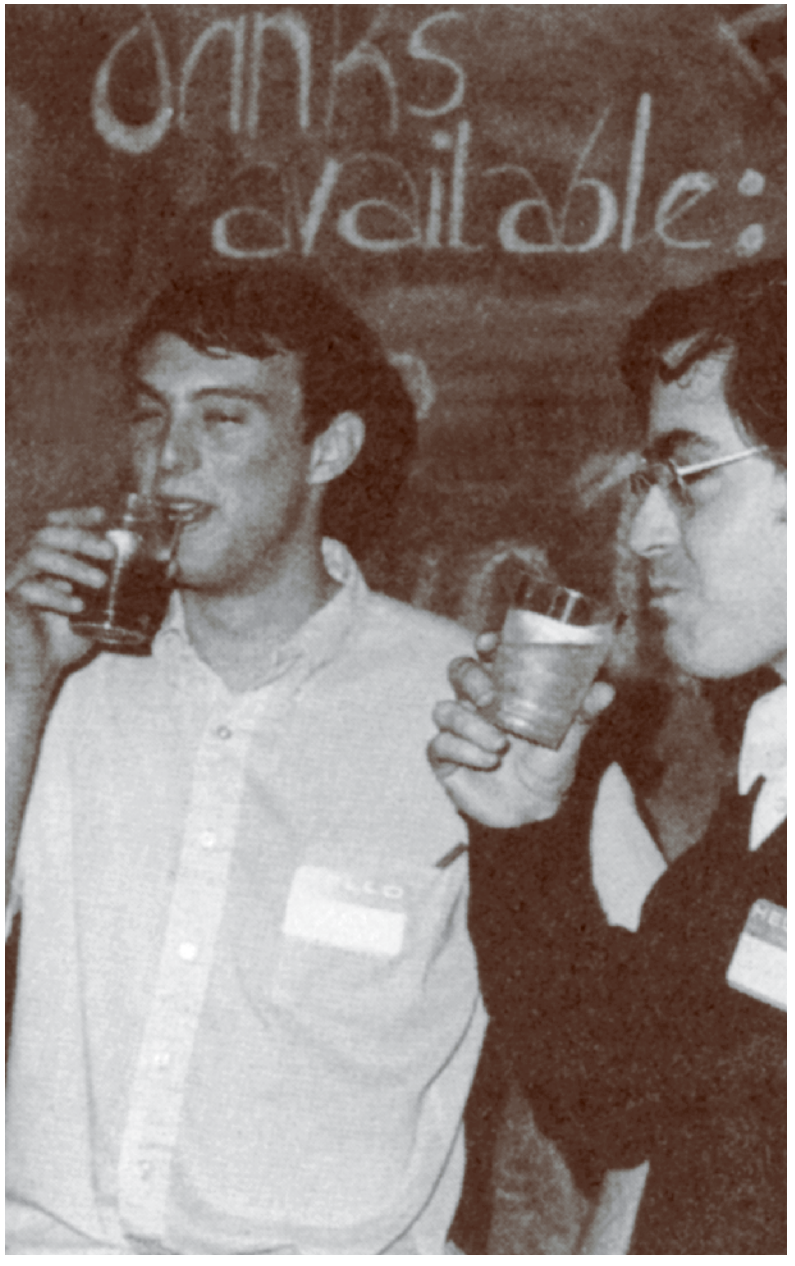
— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю — «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело — тут нализаться, и совсем другое...

— В таком случае, сэр... — сказал официант и положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал накладывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем тут? — спросила Кэрол. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Но он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил Оп. — В старину такое чудище в один присест запросто уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл. — Верни официанта. У тебя это отлично получается. Твой голос словно создан для этой цели.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я все посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь — временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрол, обращаясь к Духу. — Ну, понюхайте хотя бы!

— Пусть это вас не тревожит, — вмешался Оп. — Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного... — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду?

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп. — Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И это вас удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй... Я не очень отдаю себе отчет, что, собственно, я имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал...

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. Летели на пол стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил, протянул руку и перебросил Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведерко. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их, как кегли, — кричал он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг двигалась стена ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то в неизмеримой вышине раздавались дикие завывания Опа. Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп. — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками сжимая загривок Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали даже в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди.

— Позаботься о девушке, — скомандовал Оп. — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

6

— Я трус, — признавался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нестроганых досок.

Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку. Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он. — Что зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет.

Он указал на дверцу в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

— Из-за сломанной-то ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел в огонь, а снаружи ветер шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрол. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул.

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери там висел вот этот простенький замок...

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж, конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра зайду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — есть у тебя деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю, — он повернулся к Опу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — Считай за мной.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали...

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это биомех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудник Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-Йоркского или Венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь мог бы побывать, если бы захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух — стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по биомеханике и сами состряпать его не можете.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Он и стоит безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в Нью-Йоркском биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они все уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого типа протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро, — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы... Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп. — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку, — сказал Максвелл. — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априорно отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как вам известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп. — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрол.

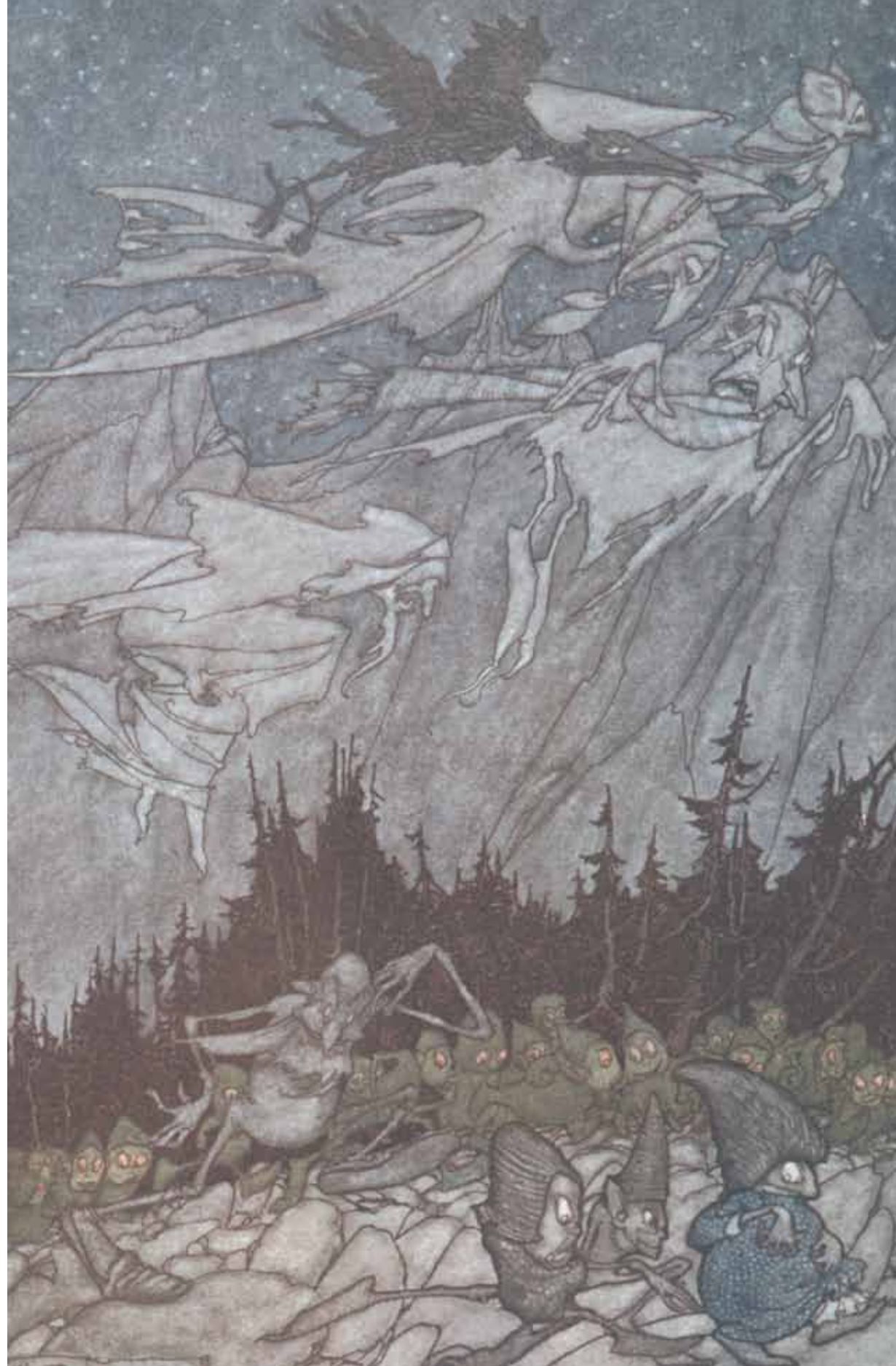
— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. Вероятно, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Максвелл.

— ...приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл. — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — Институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда.

Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится...

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмещался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять-пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства, — сказала Кэрол. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа...

Она внезапно умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря, слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

— Оп, нельзя ли без речей — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрол.

Все трое выжидающе посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и... Пожалуйста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и...

— Нет, — сказала Кэрол, покачав головой. — Моя просьба бессмысленна. Да я и не имею права просить вас об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша. Кэрол удивленно переводила взгляд с одного не другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно, — сказал он, — как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик...

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух,

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

Но вся соль как раз и заключается в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой неимоверных усилий и затрат. Его вес потребовал для переброски

во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы даже в столь отдаленном прошлом, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — единственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрол, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. То есть если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол. — Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в Институт...

— Это же только предположение, — возразил Максвелл, — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэрол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неуютно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например...

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга... Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал, это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — оказала Кэрол. — Я не раз видела его в Институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я

предпочитаю держаться подальше, и он казался мне именно таким. И воображала, что он груб и неотесан...

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрол.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, почти совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли фонари университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах горящих листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — вздохнула Кэрол. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сотен лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме или почти в каждом доме был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе, когда огонь был подателем тепла и защитником. Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Оп не может жить без огня, — сказал Максвелл. — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И, конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно

выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу вместо того, чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрол.

Максвелл засмеялся.

— Еще одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрол. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья...

— Я еще подумала, зачем он их там прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего Института. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с Институтом. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты.

Насколько мне известно, он ведет большую работу в Гималайском институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опом сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже баньши, хотя трудно вообразить более коварные и скрытные существа.

— Но, значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, однако, каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрол, — его лицо, хотя, может быть, и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намек на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это одно мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрол, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он того и гляди

соскользнет на скоростную полосу. Ну просто ничего не соображает! И засыпает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Тогда я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев...

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь в конце-то концов в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши...

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую

жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст, — возразила Кэрол. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой Питер Максвелл был самостоятельной личностью и... нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был очень приятный, — сказала Кэрол. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех, кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел вас спросить вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И, насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать.

— Брось-ка его туда, а сам садись где-нибудь рядом со мной. Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к его шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Оп, ухмыляясь. — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рвоте, — продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Оп. — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Само собой разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорилась нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что, если упомянуть об этом при болтуне вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул ее Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула его по горлу, как бритва, и он закашлялся. «Ну хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» — подумал он. Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый, как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп в свою очередь взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову, и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первоклассное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделывал лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть если тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем ничего об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять:

как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета, и, по-моему, не так уж далеко. Свободно странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это ведь довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она может выбрать орбиту в другой плоскости. И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глаза и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, но эти тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате замелькали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он был точно таким же Питером Максвеллом, как ты. Он сказал, что на планетах системы Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл. — Я никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай, — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком...

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-нибудь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели...

— Были,— сказал Максвелл.— Это поразительное место...

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним, как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в молочной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удержать небеса на месте. И полное безлюдье, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, убранным и натертым для бала, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и этот пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль — не к горизонту (горизонта там, казалось, не было вовсе), а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя

тогда он этого не сознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в его пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил... нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже у него забегали мурашки, завороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужеродности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение... Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной Вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок Вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался воспринять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание, как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени.

И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться идеи привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, не известных человеку. И странно, но утешительно одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами.

Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному...

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним — до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется, она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но, предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть.

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации... — он умолк и посмотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая ему банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Оп протянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами стонал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в его глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» Он протянул банку Опу. Тот поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла.

— Ты сказал — какая-то причина, ради которой необходимо жить. Какая-то причина, не позволяющая им умереть, заставляющая их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И, думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каждый металлический лист... Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать?! Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать деловые сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И, хоть убей, я не могу себе этого представить.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведают репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ибо если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей Вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, и мне, и...

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он — администратор. Его интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора,

суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они ни были нашпигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором...

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко...

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы то ни было другие! — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако, нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли бы довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один побочный вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал...

— Они дали мне приспособление для этого. Что-то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить, но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали... если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью Вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них есть еще очень много всякой всячины, — ответил Максвелл. — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некоторыми образчиками, которые выбирал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Соль ведь в том, что звезда для них необязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей Вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп. — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше не не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица Вселенной, существовавшей до того, как возникла наша Вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо, которое затем взорвется, породив новую Вселенную. Они знали, что приближается смертный час их Вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантскFие ее запасы... Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но во всяком случае, она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная Вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее в свое жилище. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их Вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор, — обитатели прежнего мира на планете-космолете.

Они видели, как погибала их Вселенная, предшествовавшая нашей. Они остались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни

единого биения энергии. Вероятно — точно я не знаю, — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки его видеть. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало Вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую Вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они, как раса, утратили жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух Вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп. — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — сказал Максвелл. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал и что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руку.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину из опасения инфекции.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет газон шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему с протянутой рукой.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он. — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь, — он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же, нет!

— Если бы вы сказали мне, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана, осенявшего тропинку, медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше на фоне голубого утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно, — повторил Максвелл. — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и...

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа обиняки ни к чему. Ректор вас не примет. Он не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое? И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет, — сказал Максвелл.

— Ну так вы — сенсация дня. И должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы еще вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на

руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и...

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других...

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло. — Я уполномочен предложить вам пост декана в эксперимен-

тальном институте, который наш университет организует на Готике IV.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле...

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и, наверное, нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну разумеется, — заметил Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинами на человека за столиком.

Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитаннее и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не осталось.

Он оказался прав: шансов увидеться с ректором у него почти не было, и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с удвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли позиция ректора объясняться беседой с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты должны учиться и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно, на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовали два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то стремящийся избавиться от него, кто-то опасающийся, что он помешает... Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае, ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл... А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее... ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто. Ведь Черчилл — профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы, он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае, подумал Максвелл, его собственная задача очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка уже соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше.

Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже кончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, самым прекрасным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, пригашенного сияния златоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За его спиной послышался торопливый топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что собственник этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был

землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла.

Оно заговорило высоким пискливым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать Семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно внеземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий Вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл. — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжко находить. Я бегом быстро и тяжко. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку, открывшуюся на его груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно. — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопало вверх по лестнице, ведущей к выходу на улицу.

Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное, почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт? Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал... возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

Максвелл открыл книгу.

«*Альберт Ламберт,* — гласила первая страница, — *родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в своей новой манере до тех пор, пока не был полностью удовлетворен тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...*»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях и быстро перелистал образчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера.

Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого он пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу почудилось, что в сумрачной тишине читальни он различает шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были

простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, но четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск», — говорилось в предисловии... Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения натуры.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, завороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой, скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что Время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих цветных репродукциях, крылось что-то не известное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее вглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало, — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Полуоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника.

Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

12

— Мне сообщили о твоем возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустился в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам...

Максвелл криво усмехнулся.

— Да, конечно. Ты был бы рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаешься за свой рассудок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? — спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь... и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в систему Енотовой Шкуры, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул.

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло! Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот почему я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку кресла и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до той поры, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать тебе точный ответ на твой вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы были отправлены в архив и, несомненно, уже подшиты...

— Но все мои документы при мне, — спокойно сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него.

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, покачивая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай подумать, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться... Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание...

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло...

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое имущество. У тебя нет ничего, кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике IV. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке, Оп пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. На крайний случай возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению. Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой.

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон. — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоем месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удовольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл, — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли тут какой-нибудь связи... хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И значит, чудесный трофей для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то услышала, что я вернулся. И конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон. — В ней, конечно, заговорило любопытство.

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не пронюхали, где он остановился.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившим к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены. Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край, где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные, яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек не способен вообразить подобное из ничего. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Или они

были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа? Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной Вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя Вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно, превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части Вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя Вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И ему вдруг показалось, что он вновь сгибается над столиком, вроде журнального, на который он положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения... или для перевода... А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, но как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершено новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, вспоминал Максвелл, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек.

А свод истории? Не одной Вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и в своих функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что он гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь. Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся прахом, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь, если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предложение похоже на истину. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение... Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо было бы проверить, найдутся ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — маленький аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на той планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного.

Однако, если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обыкновенной...

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер и ветка ударяет по крыше? Но ветки обычно стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три быстрых удара, пауза, еще два быстрых удара и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам наконец удалось его выследить. А вдруг они только предполагают, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта, и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он потребовал, чтобы это существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По-моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе проходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неведомо, — ответил Краб.

— Ну, хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

14

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснил шофер. — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень предупредительны.

Нэнси, подумал он, как обычно все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым озером. Слева от дороги в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно забираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались до бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под изящную арку и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности отнял руку.

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак вообще нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились голоса и приглушенные звуки музыки.

Максвелл постоял несколько секунд не двигаясь и, когда его глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор...

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И, во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили, — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу... Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома, а, судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится. Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси. Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянутой вперед рукой нащупывая столики или стулья, которые могли оказаться на его пути. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей. Он обогнул винтовую лестницу, и холл показался ему еще темнее теперь, когда проблески света остались у него за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор?

Максвелл замер на левой ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол правую, уже поднятую для шага, и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушал ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова... может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — ужас затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог.

Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда! Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под арку нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу? Опрокидывая все на своем пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались сюда и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха?

Он знал, что стоит ему побежать, и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы подобного ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намека на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий! Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой жесткий голос. — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказало существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям Вселенной, которых вы именуете «колесниками». На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и раздельно, потому что губы у него тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все его тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — сказал колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьюк. — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадьюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть...

— И дождаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадьюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна, слишком поглощена своими бесконечными зваными вечерами и совершенно не способна на интриги.

— Мы могли бы обсудить некую тему, — сказал мистер Мармадьюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы ничего не отвечаете, — сказал мистер Мармадьюк. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запираться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам следует немедленно приступить к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом...

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили столь безмерно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадьюк, — назначить вас... не сказать ли «библиотекарем»? — при том движимом имуществе, которое мы приобретаем. Предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья... Профессор Максвелл, мы покорно

просим вас самого назвать его цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадьюк. — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — заявил колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие-либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то, что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Я, — сказал мистер Мармадьюк, — не стал бы выражаться столь прямолинейно. Но вы описали ситуацию весьма исчерпывающим образом.

— Ваше положение не дает вам оснований разговаривать подобным тоном! — заметил Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин Вселенной.

Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса, сказал мистер Мармадьюк... Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчики человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части Вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, никто не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше...

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость...

— Вовсе нет, — негодующе перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во Вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот-вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова. Возможно, подумал он, потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» одинаково стали грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадьюк. — И возможно, вы не нетерпимы...

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему докончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слишком много говорим, — объявил мистер Мармадьюк. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадьюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Уголком глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл. — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадьюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули о половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадьюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком. В холле он резко повернул и отчаянно засеменил ногами, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро катил колесник, но Сильвестр настигал его. Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадьюк круто свернул влево, а Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояло, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадьюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обнял его за шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться набок.

Тут раздались испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала. Он лежал у стены под лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадьюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса вертелись как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь за ним по коридорам, словно он мышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл. — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодующе спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званых вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол. — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь. Видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадьюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, начал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадьюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом с ним, Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит! — воскликнула она. — Так значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила... — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба...

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которых не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он. — Оно сказало, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказало, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что...

— Пит, — перебила Нэнси. — Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Придвинувшись к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадьюком.

— Мне очень жаль... — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и...

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадьюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы правда не пострадали? — спросила она. — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадьюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку, — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадьюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить

ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадьюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героичный поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и обнажил клыки в беззвучном рычании.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрол. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все свои зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадьюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменил тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадьюк. — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадьюк. — Мне нужно кое-кого увидеть, — и, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удается заполучить

колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то слизистое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают...

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты ведь не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь ли, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же...

— Нэнси, — перебил Максвелл. — Я вернулся только вчера. Я узнал, что я скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и...

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно, удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси. — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы они тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси. — Репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невозможно, как я убедилась на горьком опыте. Так что тебе они не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина...

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же никому прежде не известный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины, но эта — особенная, потому что она была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал, — во всяком случае, сохранившихся упоминаний. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или... ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл откинул голову и взглянул на стену. Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище... и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иными были ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которые кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножия которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели никто еще этого не заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал своему открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что он не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начинает редеть. И даже те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. Но если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрол, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и прикидывали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на этот вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом высадить его у задней двери, чтобы он прошел через холл мимо двери, за которой его поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить ее о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой плащей и кинжалов, что становилось смешным. Но только... только ему почему-то не было смешно.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Через просветы в густой листве над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадьюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже выпил больше, чем следовало бы, — не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не пить среди шумной толпы

незнакомых и малознакомых людей в большом и безликом зале... Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он ему, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной. — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл извернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно...

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз, — заявила Кэрол. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл. — У меня буквально дух захватило. Я никак не ждал увидеть Сильвестра. Мне и в голову не приходило...

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрол. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-видимому, удивило, но ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте меня, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрол. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе...

Кэрол окончательно обогнула вазу и села рядом с ним.

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой.

— Трудно. Все было как-то запутано.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели эту картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания... Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрол, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спросила Кэрол. — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Максвелл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться: а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где он бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его картине объяснить трудно, однако...

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл. — Он принес из своих неандертальских дней воспоминание о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл. — Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и не обязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же...

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духа сказать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу...

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ними без исключения. Ведь их интересую вовсе не я. На самом-то деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну, и чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрол, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрол, — и попрощаться с ней.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести...

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то. Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал...

— То есть вы знали, что колесник устроил на меня засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он. — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл. — Только богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, в-третьих, в-четвертых... мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы, как это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился по широким ступеням. Коекак задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы так, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись на дом, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением. — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше по лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался замшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний, потому что Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это — и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убегавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по лощине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой тропинке. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и был намерен устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисали, как рваная мантия.

Максвелл не спеша взбирался по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. В конце концов он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь — общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно странным

строем. Они шли тремя вереницами, и каждая вереница тянула канат — совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину, которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.

Тролли тяжелой рысцой спускались по тропе — темно-коричневые морщинистые злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыбящиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные клики, мчалась орда гоблинов.

Впереди, тяжело переваливаясь, несся мистер О'Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса выворо-

ченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и наконец остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывались эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему нужна была подпорка. Конь с любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножия холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал ему Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в замок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О'Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножия холма тем временем стих, и вскоре, пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О'Тул настолько величественно, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О'Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взобраться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами. — Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин. — Они разбежались, как цыплята. Мы вытащим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащат сажальный камень туда, откуда его забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также со сладкого

октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и...

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль не безупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О'Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. Я не знал...

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О'Тул. — За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрустнев. — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься, так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя и я заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О'Тул. — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, не дожидаясь меня, — сказал Максвелл. — Но разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гоблин встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О'Тул. — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свиное пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — и эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин. — И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед

вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О'Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но может быть, вы все-таки изопьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой.

— Но себе вы налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О'Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он, скорбно покачивая головой. — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно... — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много, и самых разных, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий...

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щеке гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил мистер О'Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — по другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивлялся смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию...

— Как? Никто... никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Я не могу сделать это вам понятным... он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гоблин. — В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гоблин, — таят волшебство, в его древесине... — он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задергался.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала у Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул,— сказал он,— я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну так показывайте! — проворчал он. — Столько обиняков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания...

— Оп видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он...

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и увидел, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил кружку. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты, — он перебросил фотографию через стол Максвеллу. — Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, это темное облако и есть умирающий баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал баньши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись, — сказал баньши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую жухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем не похожим на холмы этого, южного берега, — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голубой туман, который висел над узким оврагом, круто уходившим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая ласковая тишина, не таившая в себе угроз и опасностей, мечтательная тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал баньши. — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть

различий. Мы едины в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи еще сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал баньши. — Ты вторгся сюда незваный. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец. — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал баньши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал баньши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но может быть, разговаривая, ты ускоряешь...

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось только двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи...

— Ты не понимаешь, — сказал баньши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более

поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл. — За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал баньши. — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил баньши. — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и...

— Нет, — сказал баньши. — Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средства связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочими. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась очень многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон: разум слишком редок во Вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали этим всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил баньши. — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому,

прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: какова цена этого движимого имущества? Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал баньши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно. Что такое Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал баньши.

«Преданы!» — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл. — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил.

Максвелл гневно вскочил на ноги.

— А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл. Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывают в человеке все умирающие, Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным, чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

18

Максвелл проехал уже половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необузданно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это большой разницы не составит.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но во всяком случае, можешь быть совершенно спокоен...

— Я просто хотел знать, нужно ли мне декламировать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографию картины Ламберта.

— Да, — сказал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, будто он говорил правду. Баньши никогда нельзя было доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я ему показывать не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще — чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные обитатели холмов тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим, в разговоре с О'Тулом, я понял, что отголоски какой-то давней неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт — это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет, хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком уверен, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстерегать меня и предлагать работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на всю эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять — пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом силой вломиться в административный корпус

и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух. — Но боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг... но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл. — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое, и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир...

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье так невезенье! Обязательно надо было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько порассказали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из Института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не приключилось. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл. — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Максвелл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух Вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл. — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги, во всяком случае потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших. Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны... что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела... как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает именно их ум, их гибкость. Думаю,

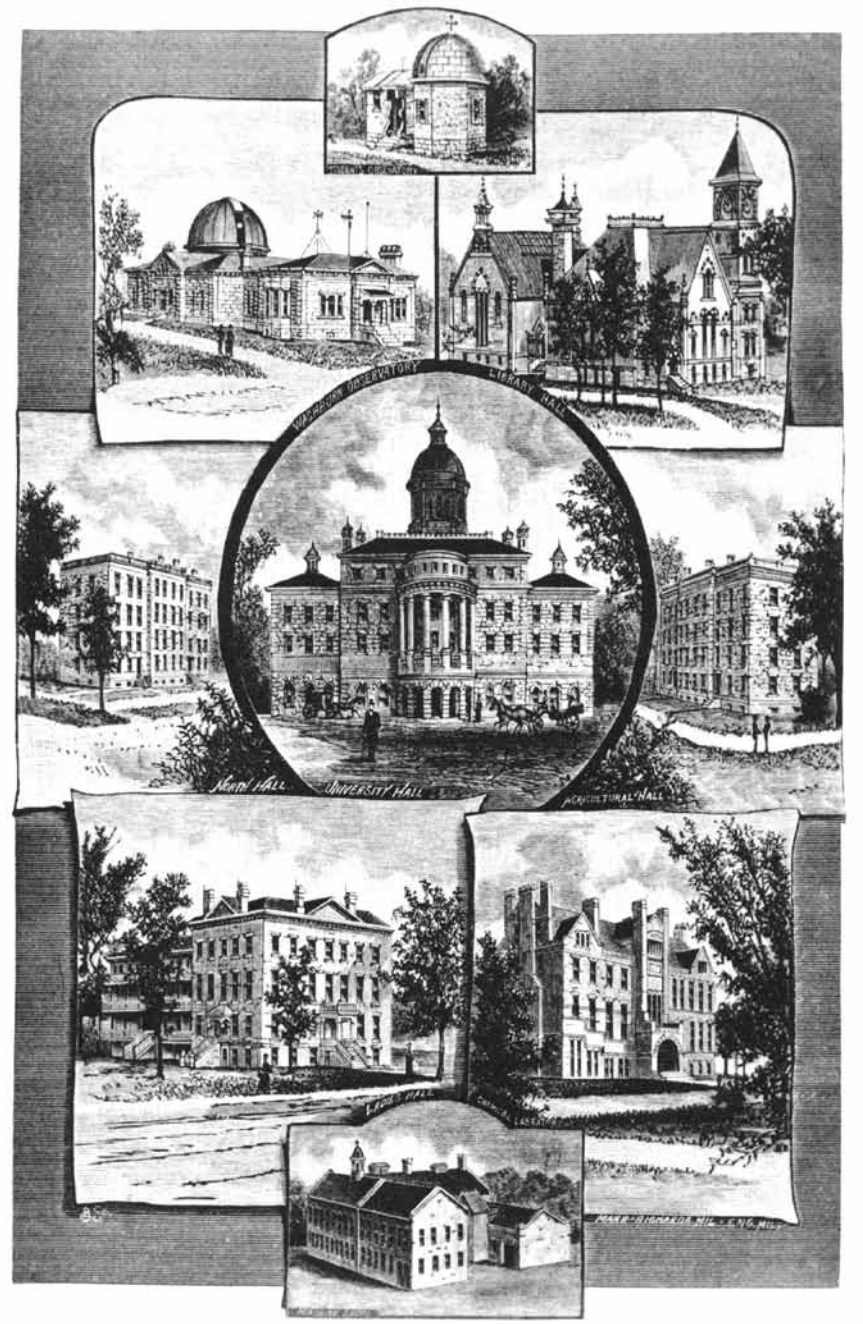
что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у меня не было, а также знаниями, которых у меня нет и самое существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И, возможно, именно они должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они, скорее всего, не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, быть ли миру или войне.

Максвелл съежился на своем сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который пронесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы...

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление... вернее, у меня мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением... И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой Вселенной, той, которая предшествовала нашей, той,

в которой возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той Вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той Вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой Вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты, как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой.

Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И, мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть, у каждой расы есть свой срок и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух. — То есть что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей Вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже стали почти тенями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что...

— Нет, — сказал Максвелл, — ничего.

19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп. — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считай, что это бредовое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп. — Ну так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересует тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазеют гости университета и туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими же программы, и...

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда, университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас...

— Нам приходится экономить, клянчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые сторицей окупились

бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теориек, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в унизительное положение, не говоря уж о неприятностях и хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который...

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того...

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подвертывается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прощупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это меня не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчилла за горло и наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши

фонды нам не представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени...

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл. — На планету, хранящую знания не одной, а двух Вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, а возможно, и от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету...

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда...

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен...

— Ну да! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку...

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой Институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Арнольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же...

— Не говори глупостей! — перебил Шарп. — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос... О путешествиях во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта...

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существа, изображенные на картине, — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действительно нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется,

Ламберт видел Артефакт и те существа, которые изобразил на своей картине. Я полагаю, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел в тайне, так как верил, что на путешествиях во времени можно нажить сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и обчистить кимберлийские алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней точно не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл. — Эпоха совпадает. Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение... словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп. — Но не думаю.

20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул его у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверное прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет их расспросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух. — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли кончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не дает.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну так идем.

Они свернули в боковой проезд и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух. — Но готовят там сносно и подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух. — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрол, а рядом — еще чье-то. Борода и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достославный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли...

— Остаться здесь... — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп. — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь...

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрол. — Я считаю, что Оп поступил очень благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а...

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Он протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он. — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристает? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали на колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обращаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл. — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл. — Он уже получил условленные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл. — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что могли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то... отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрол отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя!

— Весьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил ему Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на краю кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет... Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой.

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрол. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл. — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на их столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — и он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превыше всех похвал, — сказал Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это — великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока, наверное, обойдетесь. Повар говорит, что горячее будет сейчас готово.

— Так, значит, — спросил Максвелл у Шекспира, — вы не собираетесь читать эту лекцию?

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп. — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проясняется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрол.

Потому что Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и схватил два сочных куска ростбифа. Услышав голос Кэрол, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. — Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир. — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по ее берегам, и...

— Что-что? — вскрикнул Оп. — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило их всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния... если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я наконец вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь...

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — с торжеством сказал Дух. — Я знаю, чей я дух.

— Ну и слава богу, — заметил Оп. — Перестанешь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира!

На мгновенье наступила ошеломленная тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со своим стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо ему накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то со стороны доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос продолжал капать соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упирая пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвратился от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот, и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал...

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Из-за этой встречи. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания... Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности...

— Последняя соломинка! — объявил Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл, — чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп. — Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрав к потолку. На его морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала ее содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп. — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко дозреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл угрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько и чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться до беспамятства и не приходить в себя дня два! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепугался своего духа? А тут сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому

встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда...

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая рот тыльной стороной руки.

— Одно дело — чувствовать себя легко и свободно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне не способен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это...

— Ради бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски объявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А кроме того, она любопытна как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт... что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговорилась. А потом...

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его продажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп. — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна...

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно кое-что о нем знаю, чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о значении Артефакта, я увидела, что их это совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь...

— Вы подумали, что мы можем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к Институту требовала, чтобы я промолчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате...

— Нет, — сказала Кэрол. — Я с ним не работала. Но както раз я остановилась посмотреть на него... Ну, как любой турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт — интересный и таинственный предмет. И тут я увидела... или мне показалось... Я не знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал... Или, быть может, кто-то и заметил, но...

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Максвелла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она. — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп. — Расскажите все как было.

Кэрол кивнула.

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный свет падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, словно Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз... и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и...

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Странный металл! — возразил Максвелл. — Металл, который ничто не берет, который...

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт...

— И купит за него хрустальную планету, — докончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира...

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще похищение Шекспира...

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну, ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрол. — Например, стащить Арнольда с постели...

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую тот получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, неуклюже отвинтил крышку и протянул Кэрол. — Устроимся же поудобнее и налижемся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— Погоди! — остановил его Максвелл. — У меня наклевывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит...

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вы вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся...

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но...

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно...

— Не думаю, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул такие деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря время на обсуждения и предположения, — объявил Оп. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, — утраченное, забытое, безвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде известные в лучшем случае только в черепках, флаконы из Древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были бы сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет изготовления которых был утрачен в незапамятные времена, — все это и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе не были бесценными сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это «Музей времени», подумал Максвелл. Нет, это скорее был «Музей безвременья» — место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания.

Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим.

Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож. — Не знаю, может, вас и вообще-то пускать не следовало.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, огораживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение.

Ну а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух Вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы, которые приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее ловкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки. Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть, — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза.

И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания... непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во Вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи... Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю...

И в то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой... или кожей... или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа... шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сломав ключицу, но зато его голова не коснулась каменного пола. Он рывком сдвинул очки в сторону, чтобы освободить глаза.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт — вернее, на то место, где раньше был Артефакт. И каждая сияющая чешуйка была

зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона!

И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той Вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей Вселенной, — древний, легендарный современник тех странных, необыкновенных рас, захиревшими жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх, — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, ощерив клыки. На его лапах под густой шерстью вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

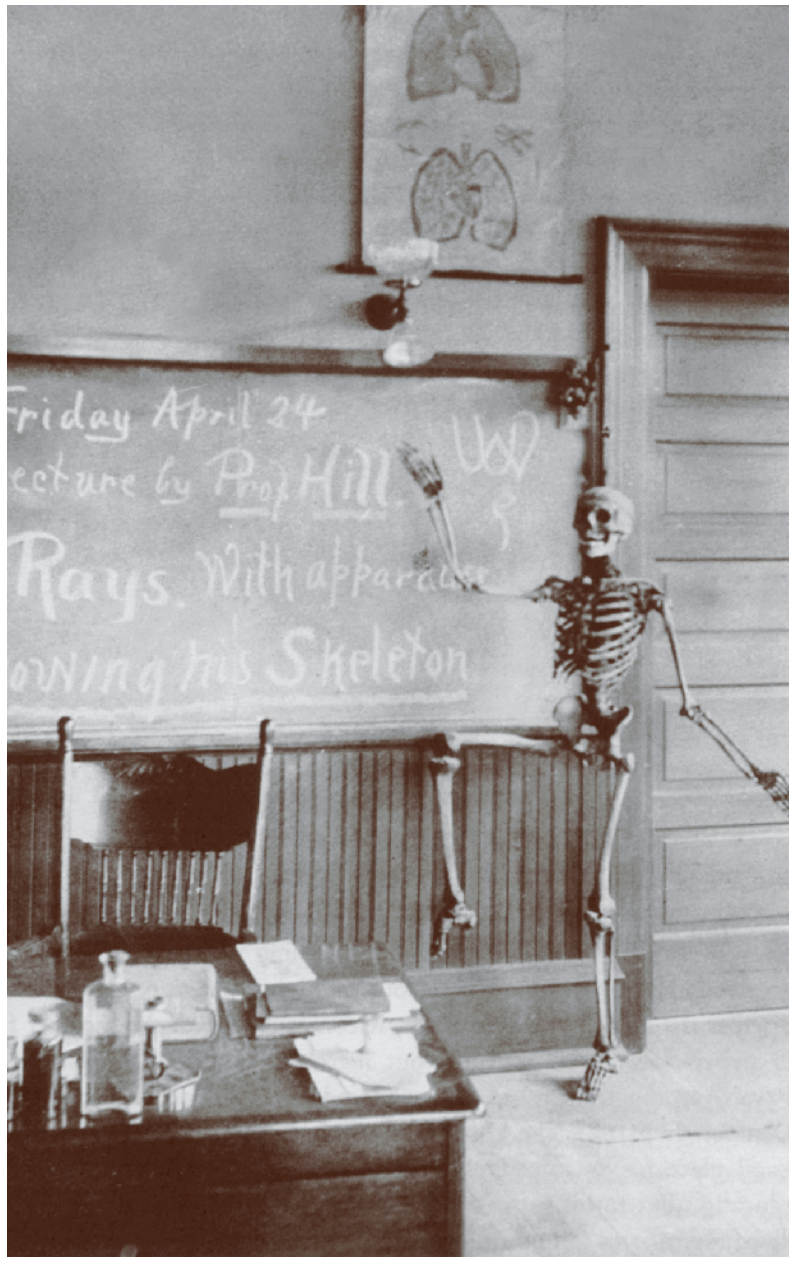
На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странен: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол. — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр Опа не тронет, можете не опасаться!

— При чем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона...

Из темноты донеслись разъяренный вопль и топот ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рявкнул Оп, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный треск, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул его в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпираются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставь его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота, Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной грохот. Сильвестр, припадая к полу, последовал за ним. В темноте Максвелл с трудом различил очертания дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракончик, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

«А где сейчас сторож? — подумал он. — Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту».

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что?

Максвелл содрогнулся при мысли о том, как гигантское чудовище начнет резвиться на улицах городка и в академи-

ческих двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона по сравнению с минусами дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустился галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого пространства для надвигающегося на них чудовища, которому явно захотелось погулять.

По залам музея прокатился громовый рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрол кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые загремели, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с

усилием затормозив, теперь тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на летящего дракона.

Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубоватыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакта больше не существовало и колесник лишился своей покупки. Но и он уже не мог представить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая расширяющиеся круги, и казался теперь просто многоцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его продажу! — заметил Максвелл.

— Что да, то да, — раздался голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот...

— Пожалуйста, не примешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить...

— Я так и предполагал, — сказал Шарп. — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. И к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что? Во что?

— В дракона. Пойми же, Харлоу...

— Ага! — воскликнул Шарп. — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалящим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем

дракона гвоздем представления. Я уже вижу анонс — большими такими буквами:

«ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН»

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрол. — Он взял и улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп. — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки не ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — а чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги...

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну и...

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар...

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он — дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну, ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые лучшие чувства. Но просто все пошло вкривь и вкось, да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы все трое вместе взятые неспособны отработать и миллионной доли того, во что обошлись Институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись

будет нельзя. Я обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — пожаловался Максвелл. — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером...

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы наконец пришли, доктор Шарп, — сказал он. — Произошло нечто...

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — продолжал он после короткой паузы. — Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что ваша радость взаимна.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту, сказал себе Максвелл, то, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом касательно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые...

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо оказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней...

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп. — Ну при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета. — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп. — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И...

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он. — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся им всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Надеюсь, я вам не помешал? Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Право, не могу сказать, — сказал Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подобном случае вопрос ставится просто — как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп. — Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я держался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не...

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее, как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да! — Шарп посмотрел на Ламберта. — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но, наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, но вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Ведь вы путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что настройка времени закапризничала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп вскинул руки и сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это же невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется...

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него, — он повернулся к Ламберту. — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, могу вас заверить! — я получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь. — Возможность независимых действий и малый объем аппарата... несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и... Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и...

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь? В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но, попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт времени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что в этом случае она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон...

— Мистер Ламберт! — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда вы были в юрской... в юрском... ну там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину...

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь...

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт. — Там не было динозавров.

— Но вы же сами сказали...

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что вижу. И никогда ничего не опускаю. Я никогда ничего не опускаю. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О чем вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом их ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрол. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих... на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но они передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, как пчелиный рой или муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово...

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Они замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Рокот все приближался, становясь громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на пороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт. — Что он тут делает?

— Мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник. — Не мистер Мармадьюк. Так называемого мистера Мармадьюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро протянул руку, ухватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шар.

— В таком случае, сэр, я должен спросить вас, как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен. Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко не достаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем мы располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и...

— Ах ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к таким тварям! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне...

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился наконец! — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия, — рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника. — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил — да, конечно, знали! Ведь это они сами или их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки былых поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную Вселенную, о котором мечтала хрустальная планета.

И может быть, может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд.

И не пытался ли умирающий баньши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную — в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите здесь и угрожаете мне, — говорил Шарп колеснику, — ваши бандиты...

— Уж они ничего не упустят, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но...

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп. — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным...

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть, пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и...

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться...

— Мистер Мармадьюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику. — Ну-ка, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопел и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает на пол, — тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он схватил себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над его головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра — вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком вертелся на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо. Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он наконец глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси. А оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправляющегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натыкаясь на стены. Из огромной прорехи в его животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крадущейся походкой скользил Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве.

За тигренком шел Оп, а за неандертальцем — все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно опустил ее и помог встать на ноги. Она прислонилась к стене и негодующе заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он. — Надо выбраться отсюда.

В коридоре все-еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси. — Почему мистер Мармадьюк...

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жучков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп. — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и...

— Но ведь был убит внеземлянин! — возразил Дрейтон. — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспылила Кэрол. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся, — ответил Оп. — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал...

— Правильно, — отозвался Оп. — И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

24

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он их, едва они сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А нам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про троллей?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта — это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — попросил Шарп. — Дух испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гоблин. — Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства

на ходу. Нам не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуется убеждений, дабы они согласились помочь нам. Они засели в замшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают, как умалишенные. Хотя, как ни горька такая правда, но этим грязным троллям и лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— Дракон прилетел к нам, — рассказывал О'Тул. — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники, которые в древние времена назывались совсем по-другому, напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине он сражается доблестно и отражает их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжелую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть, — ответил О'Тул. — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют

только подлости и зло. Сколько ни прошло веков, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах Вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон. — Я мог бы вызвать орудия и самолеты...

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние служители должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил...

— Тигр. А не человек. Мы можем...

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла...

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт. — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, когда он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет

инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьбы человечества и союза дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой Питер Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный, отвратительный запах — и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадьюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался исход, отыскать его и скрупулезно свести с ним счеты по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к

О'Тулу. — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О'Тул, — поладить с ними может? Упрямцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все они умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся пискливый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентеру. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью, — взвизгнул он. — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи...

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на его бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтающегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Отгоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что ты мышь, — объяснил Оп. — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра в ребра.

Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрол, кидаясь к нему. — Если вы позволите себе еще раз ударить Сильвестра, я... я...

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл. — Все заткнитесь. Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю вам, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий пискливый голосок.

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех прецедентов! — возопил О'Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют...

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех мучит жажда, — вопил О'Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И времени, и размышлений, и усилий!

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он. — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, я знаю, пока он будет бродить. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыпем в чан.

О'Тул захлебывался от ярости. Его лицо побагровело.

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и...

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрол:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка! — вопил неандерталец. — Вы посмотрите на эту кисоньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, раня только его достоинство. Он почти не сжимал зубов, но огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрол. — Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О'Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три, — согласился гоблин.

— И без увиливаний? — спросил Максвелл.

— Мы, гоблины, никогда не увиливаем, — заявил О'Тул.

— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О'Тула и попятился.

Из моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрол, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала у него руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорости. Столкнувшись, они взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то скрытое от его взгляда тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот наконец дракон, но так ли все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат дал к этому какой-то толчок, но самый процесс оставался тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой Вселенной. Да, но случайно ли переводящий аппарат попал в его чемодан? Не положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступали в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после того,

как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — сперва такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта высунулся краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была как звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него на лужайке фей играл их оркестр. Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

— Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крылышках и на сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть в этом месте. Две чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыке, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его многоцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между пламенеющими лесными чащами. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, гремя огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый искривленный кедр — искривленный ветрами, проносившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя — светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники проиграли, а это, пожалуй, еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому что он сказал, чтобы Харлоу пнул Сильвестра, а ее попросил заткнуться. О'Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но, может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И конечно, Дрейтон, который, наверное,

еще прицеливается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

Иногда, сказал себе Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они начали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку. — Нет у тебя никаких забот, живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы прикарманили моего тигра. Можно я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрол, — и очень мне не понравились. Но вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее одной рукой.

— Все в порядке, — сказал он. — Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако...

— В этом нет ничего странного, — сказал ей баньши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества,— сказал Максвелл.— Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще останутся одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился только для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны Транспортному центру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе, и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл. — Им же нужен был...

— Артефакт, — докончил баньши. — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал баньши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт дол-

жен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, чтобы могла его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил баньши, — он последний в своем роду и очень дорог всем нам. Он последний из... из... я не знаю, как это выразить... У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрол. — Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал баньши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрол. — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — повторила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не бог, а домашний зверь. И все-таки вряд ли это так просто и плоско. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале, — не рабочий скот, не роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей.

Кэрол потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

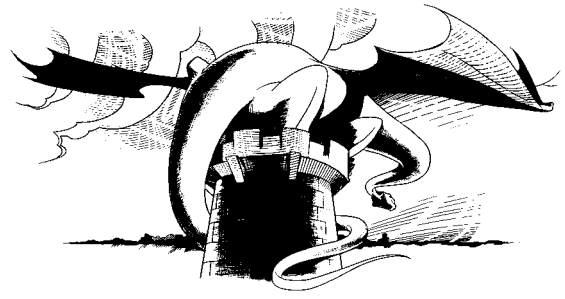
— Но, конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрол. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

Список иллюстраций

С. 6. Портрет Клиффорда Саймака.

С. 15. Гюстав Доре (1832—1883). *Ной выпускает голубя.*

С. 32-33, 48-49, 62-63. Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1762.

С. 69. Ролланд Голден. *В Оксфорд — налево.* 1975.

Эндрю Уайес (р. 1917)

С. 80-81. *Початки кукурузы.* 1948.
С. 88-89. *Мечтатель.* 1952.
С. 95. *По ту сторону.* 1965.
С. 103. *Ее комната.* 1963.
С. 121. *Сын Альберта.* 1959.
С. 130-131. *Весна пришла.* 1960.
С. 139. *Далекий гром.* 1961.
С. 147. *Жареные каштаны.* 1956.
С. 158-159. *Под парусом.* 1982.
С. 170-171. *Купол цирка.* 1981.
С. 176-177. *Распродажа.* 1943.
С. 193. *Коричневые шале. Фрагмент.* 1957.
С. 210-211. *Напоенные весной.* 1967.
С. 227. *Воронья роща.* 1985.
С. 248-249. *Вечер у Кюрнеров.* 1970.
С. 276-277. *Анна Кюрнер.* 1971.
С. 289. *Старьевщик.* 1986.
С. 294-295. *Дверь сарая.* 1971.
С. 304-305. *Осень.* 1984.
С. 332-333. *Мир Кристины.* 1948.
С. 356-357. *Нарядная роща.* 1970.
С. 363. *Мисс Олсон.* 1952.
С. 381. *Ранний октябрь.* 1961.
С. 388-389. *Пограничный патруль.* 1984.
С. 393. *Северная точка.* 1950.

Джеймс Уайес (р. 1946)

С. 112-113. *Ночной ветер.* 1983.
С. 216-217. *Kleberg.* 1984.
С. 264-265. *Сено.* 1972.
С. 318-319. *Калонна в городе Лягушек.* 1986.

С. 399, 418-419, 453, 461, 505, 533, 543, 550-551, 555, 557, 591, 635, 639. Артур Рэкхем (1867—1939)

С. 405, 411, 426-427, 433, 435, 443, 467, 479, 486-487, 491, 497, 511, 514-515, 521, 527, 571, 576-577, 580-581, 597, 617, 620-621, 628-629. *Университетские будни в фотографиях.* Вторая половина XX века.

С. 423. *Вид на университет Висконсина.* Гравюра. 1851.

С. 565. Каталог университета Висконсина, 1887—1888.

С. 603. Японский дракон-убийца.

С. 609. Огнедышащий дракон.

С. 627. Крылатый дракон.

Содержание

Об авторе 7

Поколение, достигшее цели. Перевод И. Гуровой 9

Все живое... Перевод Норы Галь 67

Заповедник гоблинов. Перевод А. Иорданского 395

Список иллюстраций 642

Клиффорд Саймак
Поколение, достигшее цели
Все живое...
Заповедник гоблинов

Подписано в печать 08.08.2008
Гарнитура Arno Pro
Бумага Alterna Design

Издательский дом «Дейч»
www.deichbooks.com

Отпечатано в типографии
Print&Art Faksimile, Austria
Тираж 99 экз.

Переплетные работы выполнены
г-ми Алоизом Гутманом
и Манфредом Яндлом

Издательский дом «Дейч» благодарит за сотрудничество
Всероссийскую государственную библиотеку
иностранной литературы имени М. И. Рудомино,
Российскую государственную библиотеку

ББК 84 (7Сое)-445
УДК 821.111(73)
С 14

ISBN 978-5-98691-050-5